

ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ

РИМСКИХ ПАП

СЛУХИ • СПЛЕТНИ • СКАНДАЛЫ

NIGEL CAWTHORNE

SEX LIVES
OF THE
POPS

AN IRREVERENT EXPOSÉ
OF THE BISHOPS OF ROME
FROM ST PETER TO THE PRESENT DAY

The logo for PRION features the word "PRION" in a bold, sans-serif font. A stylized, jagged, lightning-bolt-like graphic element is positioned above the letters "I" and "O", extending from the top of the "I" down to the bottom of the "O".

PRION

НАЙДЖЕЛ КОТОРН
ИНТИМНАЯ
ЖИЗНЬ
РИМСКИХ ПАП

ОТКРОВЕННОЕ И НЕПОЧТИТЕЛЬНОЕ
РАЗОБЛАЧЕНИЕ РИМСКИХ ЕПИСКОПОВ
ОТ СВЯТОГО ПЕТРА ДО НАШИХ ДНЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1999

ББК · 86.375
К73

Печатается с разрешения издательства
Prion Books Limited
с/o Toumania LLC

Котори Н.

К73 **Интимная жизнь римских пап / Пер. с англ. В.А. Гольдича, И.А. Оганесовой. — М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. — 368 с. — (Слухи, сплетни, скандалы).**

ISBN 5-237-02357-6

Личная жизнь людей, облеченных абсолютной властью, всегда привлекала внимание и вызывала любопытство. На страницах книги — скандальные истории, пикантные подробности, неизвестные эпизоды из частной жизни римских пап, епископов, кардиналов и их окружения со времен святого Петра до наших дней.

ББК 86.375

ISBN 5-237-02357-6

© Nigel Cawthorne, 1996

© В.А. Гольдич, И.А. Оганесова, перевод
на русский язык, 1999

© ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
<i>Глава 1. Римский епископ</i>	12
<i>Глава 2. Отцы и сыновья</i>	35
<i>Глава 3. Дамские угодники</i>	51
<i>Глава 4. Латинские любовники</i>	63
<i>Глава 5. Папесса Иоанна</i>	70
<i>Глава 6. Папская порнократия</i>	89
<i>Глава 7. Римские оргии</i>	102
<i>Глава 8. Требование безбрачия</i>	109
<i>Глава 9. Секс и насилие</i>	119
<i>Глава 10. Прелюбодейание в Авиньоне</i>	162
<i>Глава 11. Невоздержанность в Констанце</i>	188
<i>Глава 12. Папская порнография</i>	204
<i>Глава 13. Наши леди</i>	219
<i>Глава 14. Оргия Борджиа сегодня ночью</i>	234
<i>Глава 15. Святые отцы</i>	299
<i>Глава 16. Папа Нижняя Юбка</i>	316
<i>Глава 17. Сикстинская мадонна обретает невинность</i>	326
<i>Глава 18. Просто скажи «нет»</i>	346
<i>Хронологический список пап и антипап</i>	356

Предисловие

В наше время, когда даже мелкие преступления служителей церкви регулярно попадают на первые страницы газет, трудно себе представить тот факт, что мать-настоятельница монастыря оказывает особые услуги папе Иоанну Павлу II, а коллегия кардиналов смотрит на это сквозь пальцы. Впрочем, история знает немало подобных примеров.

Известно, что римские папы просто обожали пошалить, и чем разнообразнее, тем лучше. Многие имели жен. Более того, прославляя обет безбрачия, они содержали своих любовниц в Ватикане и продвигали незаконнорожденных сыновей — или «племянников», как их называли в церковных кругах — на самые высокие посты.

Встречались папы гомосексуалисты, которые в благодарность делали своих партнеров кардиналами, или такие, которые славились особой неразборчивостью в вопросах сексуальной жизни. В стенах папских резиденций нередко устраивались грандиозные оргии. Один папа управлял борделем прямо из Латеранского дворца. Многие увеличивали свои доходы, взимая налоги с римских проституток. А кое-кто снабжал представителей духовенства — если те не забывали вносить

ежегодную плату — индульгенцией в качестве налога на грехи, дававшей возможность содержать любовниц.

Католическая церковь потратила немало сил, стараясь скрыть от общественности подобные эпизоды своей истории. Добродетельные папы после своего избрания принимали имена и номера прежних пап, чтобы замести следы их неблаговидных деяний. Однако радикальные протестанты в XVI и XVII веках с наслаждением извлекали на свет постыдные тайны подобного рода. Один из памфлетистов того периода, получая несказанное удовольствие от содеянного, опубликовал имена пап отравителей, убийц, прелюбодеев, пьяниц, развратников, игроков, колдунов, почитателей дьявола и атеистов, включив специальный раздел, где перечислялись те, что совершили инцест.

Многие папы обвинялись в симонии — продаже церковных должностей ради собственной выгоды.

Вплоть до XV столетия Церковь периодически утрачивала свое единство, и тогда одновременно появлялись несколько пап. Соперники отлучали друг друга от церкви, сажали в тюрьму или убивали. Проигравшие в жестокой борьбе — те, кому не удавалось доказать, что они являются преемниками святого Петра — получали имя антипапа. Историки Церкви по традиции изображали антипап более похожими на обычных людей со всеми их слабостями. Настоящие папы — так утверждалось

во всех официальных документах — естественно, не совершали ничего противозаконного. И это при том, что отравление своего предшественника в борьбе за папский престол — в истории Церкви дело самое обычное.

Папский престол обеспечивал своего обладателя богатством, огромной властью и чрезвычайно высоким положением — и потому нет ничего удивительного в том, что многие папы предпочитали отдыхать от забот о судьбах мира в объятиях любовниц. Такое поведение почти не подвергалось критике. Практически с самого начала церковь установила, что папа отвечает за свои поступки только перед Богом — а тот, вне всякого сомнения, ничего не замечал.

В наши дни сложилось представление, будто все папы были людьми преклонного возраста. Естественно ожидать, что после долгих лет служения церкви они оставляли далеко позади нетерпение юности. Однако политическая борьба могущественных семейств приводила к тому, что папский престол нередко занимали молодые люди, порой не достигшие и двадцати лет. Юноша получал неограниченную власть и богатство — в результате его распутство не знало границ, и никто не осмеливался сказать ему, что он поступает недостойно.

Если некоторые обвинения и можно назвать голословными, то большинство имеют под собой твердые основания. До 1139 года от священников не

требовали обета безбрачия, однако принятие этого закона не помешало им продолжать содержать любовниц. Католическая церковь являлась самой богатой организацией на земле. Служение ей давало возможность сделать головокружительную карьеру, а состоятельные люди не желали отказывать себе в удовольствиях.

Более того, папские похождения оставались тайной за семью печатями. С 1557 года книги, в которых описывались преступления глав католической церкви, получили статус запрещенных — верующие не имели права их читать. Официальные историки превращали пап в исключительно целомудренных людей. Из первых тридцати пап все, кроме одного, были объявлены мучениками, однако не осталось никаких свидетельств того, что они умерли во имя Христа.

С древних времен секс и религия тесно связаны между собой. Многие языческие культы славились весьма откровенными сексуальными ритуалами. Даже после того, как христианство заняло достаточно твердые позиции, ему пришлось столкнуться с куда более сексуальной религией — исламом. Вот что ждет мусульманина, если он попадет в рай:

Семьдесят две гурии, черноглазые роскошные красавицы, чистые и удивительно чувственные, будут созданы даже для самого обычного верующего; мгновения наслаждения растянутся на тысячи лет, а его

возможности возрастут в сотни раз, чтобы он стал достойным подобных утех.

Сравните с христианской моделью рая — пение псалмов, проповеди, солнечный свет и небесная архитектура.

Впрочем, история христианской церкви вовсе не столь добропорядочна и скучна, как принято считать. А папы отличались особой склонностью к разврату. Так что не удивляйтесь, если, проснувшись однажды утром, прочтете в «Сан» или «Нью-Йорк пост»: «Папа в шоке — на свет появился внебрачный ребенок».

Глава 1

РИМСКИЙ ЕПИСКОП

Первый римский папа, святой Петр, был женат. В Евангелиях от Марка, Матфея и Луки упоминается о том, что когда Иисус встретил Симона Петра, тот имел жену.

Ученые разошлись во мнениях относительно семейного положения остальных апостолов, однако они единодушны в том, что Иоанн был холостяком. Практически все ранние авторы называют его девственником. Они также утверждают, что у Петра в Галилее был дом, где он жил с женой, тещей и братом Андреем.

В Евангелиях от Луки и Матфея приводятся слова Петра: «...мы оставили дома свои и пошли за тобой». А Иисус ответил: «Истинно говорю, не будет человека, оставившего дом свой, жену, братьев или родителей ради царства Божия, который не получит... вечной жизни».

И хотя Петр заявил, что он покинул свой дом, остается не ясным, покинул ли он жену. Действительно, они оставались вместе после распятия Христа. В «Первом послании к коринфянам» святой Павел говорит, что Петр во время своего апостольского служения взял с собой в путешествие жену. Возможно, с ними были еще и дети. Святая Петронилла, похороненная в Риме, с давних времен почитается как дочь святого Петра.

Говоря о том, что Петр будет скалой, на которой он построит свою Церковь, Иисус скорее всего знал, что Петр женат. И, вне всякого сомнения, не просил Петра развестись. Неодобрительное отношение Христа к разводу известно всем. В Евангелии от Матфея Христос говорит: «Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную».

А я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует»*.

Сказано достаточно ясно.

И уж, естественно, Иисус не предполагал, что Петр откажется в браке от секса. Несмотря на утверждение римско-католической церкви, Иисус вовсе не выступал за безбрачие. В Евангелии от Матфея говорится:

* Евангелие от Матфея. Глава 5. 31–32. (Здесь и далее прим. перев.)

«И он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их?

И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью»*.

В других документах утверждается, что Иисус ничего не имеет против секса. В Евангелии от Томаса, одном из неканонических евангелий, исключенном из Библии, Иисус говорит:

«Когда вы снимаете одежды свои, словно дети малые, без стыда, когда двое становятся одним, когда мужское и женское сливаются, тогда вы входите в царство Божие».

Получается, что Иисус чрезвычайно терпимо относился к сексу. Ходили даже слухи, будто он сам состоял в браке. Естественно, в Библии однозначно не говорится о том, что Иисус женат не был. Совершенно непонятно, почему данный вопрос всячески замалчивается. В те времена еврей, достигший возраста Иисуса, обычно имел семью. Если не считать сект ессеев**, безбрачие единодушно презиралось. Один еврейский писатель того периода даже сравнивал его с убийством. В обязанности еврейского отца входило найти для сына жену и проследить за тем, чтобы ему сделали обрезание.

* Евангелие от Матфея. Глава 19. 4–5.

** Религиозная еврейская секта.

Что еще важнее — закон Мишну* гласит: «Неженатый человек не может быть учителем». Иисусу не разрешили бы путешествовать по Святой Земле и читать проповеди, если бы он не был женат. Но в этом случае возникают вопросы: когда он женился и на ком? Может быть, в Ханаане, когда обратил воду в вино? Или его супругой стала Мария Магдалина? Тут существует множество предположений.

Согласно Евангелию от Матфея, в жилах Иисуса текла королевская кровь дома Давида. Следовательно, в его обязанности входило произвести на свет наследников. В книге «Святая кровь и святой Грааль» утверждается, что у Иисуса и Марии Магдалины был ребенок, которого увезли во Францию, где его потомки организовали орден тамплиеров**. Авторы книги считают, что эта ужасная тайна и явилась причиной жестокого разгрома храмовников в XIII веке.

«Святая кровь и святой Грааль» не единственная книга, где говорится о том, что Иисус имел жену и детей. В книге «Иисус мужчина» автор Барбара Тилинг уверяет читателей, что в действительности Мария Магдалина родила Иисусу троих детей, двух сыновей и дочь. Тилинг заявляет, что Иисус не погиб на кресте. Он оставался на нем сравнительно недолгое время — люди нередко выдерживали по нескольку дней, и только после этого умирали.

* Часть Талмуда.

** Рыцари Храма (храмовники), духовно-рыцарский орден.

Иисуса сняли, и, как утверждает Тилинг, оживили. Вот почему его гроб оказался пустым.

Кое-кто даже намекает на то, что Иисус мог быть неверен Марии. В Евангелии от Томаса говорится, будто он часто делил постель с Саломеей*, а в коптской** «Книге воскресения Христа», авторство которой приписывается апостолу Варфоломею, упоминается, что Мария Магдалина была не одна, когда обнаружила, что гроб Иисуса пуст. Рядом с ней находилась «Саломея, искушавшая его». Судя по танцу с семью вуалями, Саломея знала, как это делается.

Тилинг считает, что Иисус и Мария Магдалина развелись в 44 году н.э., а в 50-м он женился на Лидии, женщине-епископе из древнего города «девственниц» Фиатира в Турции. Когда Лидия забеременела, многие из последователей Иисуса оспаривали его отцовство. Те, кто ставил под сомнение законность ребенка Иисуса, говорит Тилинг, «имели отношение к содомии».

Теолог первого столетия, Климент из Александрии, который писал на темы христианской сексуальной этики, упоминал, что святой Петр был женат.

* Дочь Иродиады, своим танцем угодившая Ироду и по совету матери попросившая у него голову Иоанна Крестителя, что и было исполнено (Евангелие от Матфея. Глава 14, 6–11).

** Копты — египтяне, исповедующие христианство (монофиситы).

Во время своего апостольского служения Петр с женой побывал в Александрии.

Более строгие католические историки настаивают на том, что когда святой Петр пришел в Рим, он был вдовцом. Здесь он встретился со святым Павлом, много сделавшим для определения принципов церкви в области сексуальных отношений. Большинство исследователей утверждают, что Павел строго соблюдал обет безбрачия. Однако более вероятным представляется вариант, при котором он остался вдовцом после долгого и несчастливого брака.

В своем «Первом послании к коринфянам», однако, Павел написал: «Или не имеем власти иметь спутницею сестру-жену, как и прочие Апостолы?» Позднее он утверждал, будто его отношения с христианскими сестрами носили чисто платонический характер. Святой Павел заявил, что даже в браке мужчина должен сохранять невинность своей подруги. Однако именно Павел однажды сказал: «Лучше вступить в брак, нежели разжигаться». В данном случае «разжигаться» означало «сгорать от страсти», а не «гореть в аду».

Он также говорил: «Впрочем, если и женишься, не согрешишь». И призывал мужа и жену выполнять свои супружеские обязанности и предостерегал против длительного воздержания. В своем обращении к ефесянам святой Павел представлял супружескую любовь как нечто возвышенное. Од-

нако в «Первом послании к коринфянам» предупредил: «Хорошо человеку не касаться женщины». Очевидно, когда речь заходила о сексе, Павла охватывали смешанные чувства.

Утверждаясь в Риме, христианство столкнулось с мощным сопротивлением. Основная государственная религия обожествляла безбрачие — весталки, жрицы, поддерживавшие священный огонь богини Весты, были, естественно, девственницами.

Когда Ганнибал разгромил римлян под Каннами, вину за поражение возложили не на военных, допустивших стратегические ошибки, а на шестерых согрешивших весталок. Двоих разоблачили и прокляли. Позднее всем шестерым было предъявлено обвинение в том, что они сбились с пути истинного. Состоялся суд, выяснилось, что троим «девственницам» не удалось сохранить невинность. Наказание — мучительная смерть. Их замуровали в подвальном помещении, оставив постель, лампу и еду на несколько дней.

В Риме I века н.э. продолжали по-прежнему почитать богиню Венеру и бога Либеры — римский эквивалент греческого Приапа, бога эректированного пениса.

Однако власти решили, что пришла пора заняться данным вопросом вплотную. Им уже удалось ввести в рамки праздники в честь Бахуса, бога вина, безумия и сексуальной свободы. По традиции три раза в год женщины устраивали тайные церемонии,

на которых восхваляли Бахуса. Но когда к ним присоединились мужчины и начали «насильственно развращать» юных девушек, вмешался римский сенат, и теперь по его указу требовалось получить специальное разрешение на проведение праздника, если в нем участвовало больше трех женщин и двух мужчин.

В 19 году н.э. римские власти наложили запрет на поклонение богине Исиде, когда легкомысленная юная матрона Паулина провела ночь любви, как она считала, с другом Исиды, богом Анубисом. Позднее обнаружилось, что роль бога сыграл один из ее поклонников. Скандал, последовавший за разоблачением, привел к жестокому подавлению секты. Жрецов Исиды распяли, а ее почитателей выслали на остров Сардинию, кишущий москитами.

Однако подобные меры не помешали другим жрецам использовать свою паству в аналогичных целях. Жрец Сатурна по имени Тираннус говорил мужу какой-нибудь красивой женщины, что Сатурн попросил его жену провести ночь в храме. Женщина считала, что ей выпала громадная честь, надевала свои самые лучшие одежды и с великолепными дарами отправлялась на встречу с богом. Затем Тираннус запирали ее в одном из внутренних помещений, а сам пробирался по тайному тоннелю в статую Сатурна. Оттуда он обращался к женщине — та считала, что ее почтил своим присутствием сам бог, и

была готова выполнить любое его желание. После этого Тираннус задувал свечи, входил в темное помещение и получал от своей счастливой жертвы все, что хотел.

Некоторое время ему все сходило с рук — до тех пор, пока одна из женщин не узнала голос Тираннуса. Придя домой, она рассказала обо всем мужу. Тираннуса арестовали и подвергли пыткам. Он признался, а многие римские семьи остались опозорены неверными женами и незаконнорожденными детьми.

Сдержанный подход к сексуальным утехам вызвал определенный отклик в Древнем Риме, где стала весьма распространенной супружеская неверность. В тот момент, когда христианство пришло в Рим, императором был Клавдий. Жена Клавдия, сладострастная Мессалина, имела множество любовников. Она оказалась настолько ненасытной, что по ночам незаметно покидала дворец и под вымышленным именем занималась проституцией в борделе. В сырой комнатушке Мессалина демонстрировала свое влагалище и соски, «обнаженные и позолоченные», а затем удовлетворяла всех желающих. После того, как она устроила в публичном доме брачную церемонию с одним из своих многочисленных любовников, нерешительный Клавдий согласился со своими придворными, требовавшими ее смерти. Затем он женился на Агриппине, которая оказа-

лась не намного лучше. Считается почти доказанным, что она вступила в связь с собственным сыном Нероном. Они часто путешествовали вместе в закрытых носилках, и многие замечали, что когда они выходили, их одежда была в явном беспорядке.

Когда Нерон стал императором, он сознательно старался досадить матери, взяв в любовницы освобожденную рабыню, как две капли воды похожую на Агриппину. И попытался расправиться с матерью, когда та начала возражать против его связи с красавицей Пoppеей.

Пoppея, к несчастью, оказалась замужем, но Нерон избавился от неудобного супруга, назначив его правителем Лузитании. Собственную жену, Октавию, он обвинил в прелюбодеянии с рабом и развелся с ней, заявив, что она бесплодна. Октавию отправили в ссылку, где и убили, скорее всего, по приказу Нерона. Ей исполнилось всего девятнадцать лет.

Хотя Нерон женился на Пoppее, римский писатель Светоний говорит, что до конца своих дней он «продолжал пить и вести развратный образ жизни... и ни в чем не изменил своим пристрастиям».

Когда святой Петр и святой Павел появились в Риме, порочное правление Нерона было в самом разгаре, и каждый желающий мог найти самый экзотический способ предаться разврату. Нерон построил великолепный сад на Ватиканских Полях,

где устраивались его знаменитые оргии. Первые христианские поселения в Риме располагались совсем рядом с его резиденцией. Петр и Павел, несомненно, знали, что происходило в каких-нибудь сотнях ярдах от их жилищ.

Любопытно, что ранние исследователи христианства утверждают, будто вторая жена Нерона, Пoppея, была христианкой. Впрочем, с благословения святого Петра, или без него, она, вне всякого сомнения, участвовала в оргиях.

Самыми знаменитыми и отвратительными были пользовавшиеся дурной славой праздники, которые устраивал в Риме Тигеллинус [глава преторианской гвардии], — писал Тацит. — На барже посреди озера, расположенного на территории дворца, накрывались великолепные столы. Баржа высилась над лодками, украшенными золотом и слоновой костью, на веслах сидели растленные юноши, прославившиеся своим умением возбуждать сладострастие. Из заморских стран привозили птиц и зверей, а из океана вылавливали морских чудищ. На берегах озера находились бордели, где в качестве проституток выступали женщины, занимающие высокое положение в обществе. Повсюду мелькали обычные проститутки, совершенно обнаженные, делающие непристойные жесты и предложения. По мере приближения ночи, в рощах и летних домиках зажигались огни и звучали песни.

Нерон не пропускал никаких, даже самых гнусных развлечений — не было мерзости, которой он бы не предавался.

Однако в оргиях участвовали не только император и высшая знать. Когда святой Петр пришел в Рим, подобные развлечения пользовались большой популярностью. Рядом с огромными цирками и аренами располагались таверны и домики, где занимались своим ремеслом проститутки. Они специально учились давать мужчинам такое сексуальное удовлетворение, которого те не могли получить у своих жен. Из-за снижения рождаемости в Риме, женам рекомендовалось лишь ограниченное количество позиций, при которых — как тогда считалось — увеличивалась вероятность зачатия.

Да и сами зрелища считались подходящим местом для знакомства. В «Искусстве любви» Овидий (43 до н.э. — 17 н.э.) писал:

В цирке возникает масса возможностей. Никто не помешает вам устроиться рядом с девушкой. Постарайтесь сесть как можно ближе. Это совсем нетрудно, поскольку места всегда не хватает. Найдите повод заговорить с ней... Осведомитесь о ее мнении относительно выходящих на арену лошадей. Восхищайтесь ее выбором... Если, что весьма вероятно, на ее бедро опустится пылинка, осторожно ее стряхни-

те; ну, а если нет, сделайте вид и осторожно проведите ладонью по бедру. Она — можете не сомневаться — даст вам возможность увидеть свои ножки... Ловко поправьте подушку — это часто помогает будущему любовнику... Вот какие возможности предоставляет цирк мужчине, ищущему любовное приключение.

Согласно учителю Нерона Сенеке, мужчины-гомосексуалисты использовали бани, чтобы оценить будущего партнера. Иногда мужчины и женщины мылись вместе. Недавно изобретенные увеличивающие зеркала стали новой сексуальной игрушкой. Во время обедов гостей развлекали танцами обнаженные испанские девушки.

В моду вошла прозрачная одежда, открывающая грудь и гениталии. По словам Сенеки, проблема заключалась в том, что «нашим женщинам стало нечего показывать своим любовникам в спальне — они уже все видели на улице».

Кое-что об отношении святого Петра к сексуальным обычаям императорского Рима можно почерпнуть из неканонических источников. Когда святой Петр находился в Риме, там появился лидер другой гностической секты, Симон Маг. Он получил прозвище «Стоящий», поскольку возглавлял приапический культ, восславлявший мужской член в состоянии эрекции. Хотя Симон крестился как христианин, все знали о его страсти к шлюхам. Симон Маг вызвал святого Петра на состязание в

волшебстве в присутствии императора. Для начала он продемонстрировал левитацию, но Петр в ответ опустился на колени и принялся молиться, ослабив тем самым силу заклинания Симона, который упал на землю и сломал бедро.

К этой истории следует подойти аллегорически. И если она действительно отражает отрицательное отношение святого Петра к сексу, между ним и Нероном обязательно должен был возникнуть конфликт.

Чтобы избавиться от христиан, Нерон обвинил их в поджоге, уничтожившем большую часть Рима. Вопреки распространенному мнению, пока горел Рим, Нерон не терял времени зря и пытался потушить огонь. Однако в самый разгар пожара император отвлекся от руководства спасательными работами и вышел на сцену, чтобы спеть песню, в которой сравнивал ревушее пламя с разграблением Трои.

После пожара святого Петра арестовали и распяли. Святого Павла казнили примерно тогда же, вероятно, ему отрубили голову.

Позднее Петра канонизировали, что вызвало возражения у последователей Павла, озабоченных антисексуальными проблемами. Как можно объявлять Петра святым, если он осквернил себя с женщиной? Один из ярых поборников безбрачия нашел изящный способ решения вопроса. Он предложил простить Петру грех нарушения обета безбрачия,

объявив, что «Петр смыл мерзость брака кровью своего мученичества».

Несмотря на мученическую смерть Петра и Павла, граждан Рима не удалось обмануть, сделав из христиан козлов отпущения. Сенат приговорил Нерона к смерти, как самого обычного преступника. Его следовало раздеть, привязать к столбу и высечь. Узнав о приговоре, Нерон решил покончить с собой, но так и не смог набраться храбрости. Только услышав стук копыт приближающихся конных солдат, которые получили приказ заключить его под стражу, он достал кинжал. Но даже и здесь ему потребовалась посторонняя помощь, чтобы довести дело до конца.

Со смертью Нерона преследования христиан не прекратились и продолжались еще в течение нескольких столетий. В самые худшие времена христиане в буквальном смысле уходили в подполье, прячась в катакомбах.

Однако постепенно христианство завоевывало все больше и больше приверженцев. Особое впечатление производила на римлян способность некоторых христианских священников соблюдать обет безбрачия. Один молодой фанатик даже обратился к императору с просьбой разрешить ему кастрацию, чтобы избежать искушения. Император Домициан (умер в 96 г. н.э.) издал закон, запрещающий кастрацию. Свинец в водопроводной системе Рима и чудовищное пьянство привели к сильному падению

рождаемости, и Рим отчаянно нуждался в увеличении населения. Император Адриан (умер в 138 г. н.э.) продлил действие этого закона. Даже добровольная кастрация влекла за собой смертную казнь. Юный фанатик получил отказ.

С самых древних времен римские папы разделялись по своему отношению к сексу. Папа Сотир (166–174 н.э.) выказал неудовольствие Дионисию, епископу Коринфа, за недостаточно суровое отношение к сексуальной невоздержанности и терпимость к грешникам. Однако папа Виктор I (189–198 н.э.) во многом разделял позиции Дионисия.

Виктор I вошел в историю как первый папа, завязавший отношения с императорским двором. В качестве посредницы выступила Марция, любовница порочного императора Коммода (180–192 н.э.). Виктор снабдил ее списком христиан, приговоренных к работам на рудниках Сардинии, и во время ночи любовных утех ей удалось уговорить императора помиловать их.

Марция была поразительной женщиной. Как и многих других «нежеланных» детей, ее бросили на улице умирать. Ребенка спас христианин по имени Гиацинт. Говорят, он был евнухом, или священником. Именно он и воспитал Марцию в христианской вере.

Однако сам Гиацинт зарабатывал себе на жизнь совсем не христианским способом. Он спасал бро-

шенных девочек, воспитывал их, а потом продавал в гаремы или бордели. Когда Марция созрела, она стала рабыней-любовницей римского патриция. Но патриций участвовал в заговоре, во главе которого стояла сестра императора, Луцилла, мечтавшая убить Коммода. Когда заговор был раскрыт, патриция казнили, а его имущество — в том числе и Марция — отошли в пользу императора. Ее отправили в императорский гарем к трем сотням самых красивых женщин и трем сотням самых красивых мальчиков, которых по всему Риму собирали люди Коммода.

Благодаря красоте и эротическому мастерству Марция быстро стала одной из фавориток Коммода. Она председательствовала на оргиях, которые, как говорят, «по своей непристойности и дикости превосходили те, что устраивал Нерон». Марция обожала демонстрировать свои пышные формы и нередко представляла перед римским папой Виктором в весьма прозрачных одеяниях.

Исполнив свой христианский долг и освободив соратников по вере в Сардинии, Марция еще три года провела в оргиях. Затем приняла участие в успешном заговоре против императора и спасла свою душу, выйдя замуж за главного убийцу.

В приступе самой обычной злобы папа Виктор I не внес одно имя в список христиан, который отдал Марции. Этого человека звали Калликст и сослали его в Сардинию скорее за участие в

мошенничестве, чем за принадлежность к христианству. Однако ему удалось убедить начальника рудников, что произошла ошибка, и его освободили. Впоследствии он стал римским папой Калликстом I (217–222 н.э.).

Вернуться с рудников Сардинии считалось чем-то вроде чуда. К рабам там относились крайне жестоко, и большинство выдерживало от шести до четырнадцати месяцев.

Став римским папой, Калликст столкнулся с серьезными проблемами. Ему было гораздо труднее, чем его предшественнику, оказывать христианское влияние на императорский дворец. К тому же возникла новая религия, с которой приходилось конкурировать. В 218 году н.э. императором стал четырнадцатилетний Элагабал. Он являлся приверженцем сирийского бога солнца и плодородия Гелиогабала, последователи которого почитали черный камень конической формы, по слухам, упавший с небес. Одним из ритуалов поклонения Гелиогабалу был «хор сирийских женщин, исполняющих зажигательные танцы в сопровождении варварской музыки». Элагабал занимал пост верховного жреца секты. Оргии, проходившие в императорском дворце, шокировали даже римских сенаторов. Наложницы и молоденькие мальчики лежали на подушках, усыпанных лепестками шафрана, а сам император, одетый в женское платье, насмехался над римскими вельможами.

Элагабал отправлялся в бани вместе со своими женщинами и втирал в их тела средство для удаления волос. Ему нравилось, чтобы кожа его любовниц была гладкой. Точно таким же способом он удалял все волосы и со своего тела. И брил гениталии своих любовников-мужчин той же бритвой, которой сбрасывал свою бороду.

Он проводил жизнь в поисках новых необычных способов удовлетворения своей похоти. Любовники обоих полов получали высшие должности. Однако император зашел слишком далеко, когда нарушил самый священный закон Рима, посягнув на весталок. Преторианская гвардия подняла мятеж и убила его.

Во время правления Элагабала папа Калликст обращался с христианами весьма либерально. Он посвятил в сан человека, который был женат два или три раза, разрешал священникам жениться и даже оставил на посту епископа, виновного в «тяжелых проступках».

Калликсту удалось привлечь в лоно христианства множество грешников. В те времена, когда за прелюбодеяние в Риме наказывали смертью, он провозгласил: «Я дам отпущение грехов даже тем, кто виновен в прелюбодеянии и разврате, если они покаются». И многие откликнулись на его призыв.

Некоторые представители духовенства возмущались его мягким отношением к грешникам и избрали

альтернативного папу, сурового и непримиримого Ипполита (217–235 н.э.), который стал первым антипапой. Он негодовал по поводу терпимости Калликста в вопросах приема желающих в ряды христиан, в особенности когда речь шла о женщинах. Ипполит жаловался, что «Калликст допускал даже женщин в соответствующем возрасте, не имеющих мужей или не желающих связывать себя узами брака, и разрешал им выбирать партнеров для постели, будь то свободный гражданин или раб, рассматривая такового в качестве законного супруга».

Калликст также разрешал браки свободных женщин с рабами, что противоречило римским законам того времени. В результате женщины сенаторского ранга становились христианками.

Ипполит выступал против секса в любом виде — освященного или не освященного браком. Однако он закончил свои дни на «острове смерти» Сардинии, вместе с римским папой Понцианом (230–235 н.э.), одним из преемников Калликста, когда император Максимин Тракс устал от их бесконечных пререканий.

Медленно, но верно, христианство завоевывало римскую империю. Император Диоклетиан женился на христианке и защищал единоверцев жены в течение восемнадцати лет, пока его не убедили, что он имеет дело с фанатичной сектой, плетущей против него заговоры.

Император Констанций Желтый завел любовницу христианку. Она была служанкой в придорожной таверне, куда он однажды заехал. Император так ею увлекся, что, покидая таверну, забрал с собой. Их сын Констанций стал первым христианским императором Рима. Под влиянием матери он отказался от почитания солнца в стиле Элагабала и обратился в христианство. Когда Констанций в 312 году н.э. вторгся в Италию, он не стал поощрять наиболее распушенные секты, хотя так и не отказался от титула понтифика Максима, главы римского языческого культа.

Римский папа того времени — Сильвестр I (314—335 н.э.) имел немало идеологических разногласий с Констанцием. Император был дважды женат, в 326 году н.э. расправился с сыном от первой жены, Криспом, а потом приказал убить в ванне вторую жену. Кроме того, он лишил жизни одиннадцатилетнего племянника и своего зятя, предварительно пообещав ему полную неприкосновенность. Только незадолго до смерти, когда у него уже не оставалось сил грешить, Констанций крестился.

В те времена христианские законы не отличались особой суровостью. Только в 314 году н.э. на съезде христианских епископов в Анкаре был запрещен секс с животными. Кроме того, Констанций и его семья осыпали Церковь роскошными дарами — золотом, серебром, драгоценными

камнями и дорогими тканями. Папа переехал из своего скромного жилища в роскошный дворец семьи Латерани.

В ответ Церковь всячески угождала Констанцию. Стараясь оправдать неумеренные сексуальные запросы императора, святой Августин написал, что если жена остается бесплодной, муж может взять наложницу. И хотя не имелось никаких оснований считать, что жена Констанция страдала бесплодием, а он ограничился лишь одной любовницей, папа сохранял на сей счет молчание.

Римской Церкви был нанесен серьезный удар, когда император переехал из Рима в Византий, получивший новое имя — Константинополь. Там Констанций и умер в 337 году н.э., оставив империю своей семье, в которой мгновенно начались раздоры. Путь к власти прокладывался при помощи убийств.

Для начала, все его родственники-мужчины, за исключением трех сыновей, были убиты. Затем младший сын лишил жизни старшего; говорят, заняв императорский трон, он превзошел в грехах самого Элагабала. Когда он, в свою очередь, пал от руки убийцы, императором стал средний сын Констанций.

К несчастью — с точки зрения Рима — победитель оказался арианином, иными словами, не желал признавать божественность Христа. В Церкви

произошел раскол, большая часть восточных областей поддержала нового императора.

Хотя Церковь и пострадала от семьи Констанция, Рим мог рассчитывать на поддержку его внучки Констанции. Она посвятила свою девственность Христу и предложила себя в качестве мученицы в возрасте двенадцати лет. В награду католическая церковь объявила ее святой.

Глава 2

ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ

Женщины в Риме имели большую власть. Поэтому следовало уметь с ними обращаться. Римский папа Либерий (352—366) прекрасно это понимал. Император Констанций II, сын Констанция, сослал его во Фракию — ныне Болгария — в 355 году, а в папском дворце поселился антипапа Феликс II (355—365), который не сумел найти общего языка с женщинами. Когда Констанций прибыл в Рим из своей столицы Константинополя в апреле 357 года, богатые римлянки самым серьезным образом потребовали возвращения Либерия. Констанция быстро убедили в том, что в Риме не будет порядка, если он не восстановит Либерия в правах. Так женщины добились своего, и Либерий вернулся в Рим.

Строго говоря, после этого Либерий и Феликс правили совместно, однако Феликсу пришлось пере-

браться в пригород и переложить все заботы на плечи Либерия — в том числе и общение с капризными римскими матронами. Впрочем, впоследствии Феликса канонизировали, а Либерий святым так и не стал.

Когда 24 сентября 366 года Либерий умер, папой избрали Урсина, его дьякона. Но Дамас, сын священника, который работал одновременно на Либерия и Феликса, не пожелал смириться с этим решением. Будучи человеком чрезвычайно амбициозным, он не мог допустить, чтобы его далеко идущие планы нарушили какие-то банальные выборы. Он нанял шайку разбойников, которые штурмом взяли базилику императора Юлиана. Затем последовала трехдневная жестокая резня сторонников Урсина. 1 октября 366 года люди Дамаса захватили Латеранскую базилику, и сын священника стал папой Дамасом I (366—384). Его не остановил даже тот факт, что он был женат — Дамас попросту отрекся от жены и детей.

Война между сторонниками Дамаса и Урсина закончилось только после того, как вмешался префект Рима, Претекст, язычник, и вынудил оставшихся сторонников Урсина покинуть Рим. Однако борьба за власть не прекращалась. Часть людей Урсина заперлась в Либерийской базилике. Наемники Дамаса взяли ее штурмом, в результате погибло 137 сторонников Урсина. Надо отметить, что

Дамас до конца своей жизни нуждался в защите от урсинитов.

Языческий историк того времени Аммиан Марцеллин не выказал удивления, став свидетелем того, на что способен человек ради обладания папским тронном. Он писал:

Не следует поражаться тому, что за такой лакомый кусок, как папский престол в Риме, люди сражаются с невиданным упорством и страстью. Колоссальные пожертвования богатых матрон; возможность разъезжать по городу в великолепном экипаже; роскошные одеяния; место за столами, обилием часто превосходящими императорские — вот какую награду получает тот, кому амбиции помогут выйти победителем из жестокой схватки за власть.

Дамас I, конечно же, пользовался дарами «богатых матрон». Он весело проводил время и получил прозвище «любителя пощекотать женское ушко».

Секретарь Дамаса, аскетичный святой Иероним, не одобрял поведения папы и его окружения, считая, что они больше похожи на женихов, чем на священников. Он предупредил дюжину или около того целомудренных женщин, что римская церковь, духовенство и светские лица чудовищно порочны. Его комментарии относительно их сексуальной практики оказались столь откровенны-

ми, что академические издания, к сожалению, не приводят перевода. Однако общий смысл аргументов Иеронима сводится к тому, что священники, монахи, профессиональные девственницы, вдовы и женщины христианки развращены до последнего предела.

В письме к старой деве, аристократке по имени Евстохия, он просит ее избегать компании Дамаса. В его послании говорится о том, что христианские девственницы «каждый день лишаются невинности», христианские вдовы пристрастились к алкоголю и наркотикам, в церквях в святые дни устраиваются «любовные пиршества» — иными словами, оргии. Другие ранние христианские авторы, такие, как Амвросий Миланский и Августин из Гиппона, подтверждают его слова. В заключение Иероним советует Евстохии «не посещать дома высокорожденных матрон... [Они] выдают себя за монашек, принявших обет безбрачия, а потом спят с апостолами». При Дамасе мужчины становились священниками и дьяконами «чтобы более свободно встречаться с женщинами». Священников, вроде Дамаса, которые завивают волосы, носят дорогие надушенные одежды, украшают пальцы перстнями и проводят все свое время среди богатых женщин следует рассматривать «как мужей, а не как духовных лиц». Кое-кто из священнослужителей, признает Иероним, подчиняется законам, запрещающим брак, но они ни в

коем случае не отказываются от женского общества и окружают себя рабынями.

Другую римскую девушку Иероним предупреждал о том, чтобы она никогда не оставалась в комнате наедине со священником. Если такое вдруг случится, ей следует немедленно заявить, что ее «мочевой пузырь переполнен». Женщин христианок также нужно избегать. «Никогда не входите к ним в дом и опасайтесь их общества. Что же до разгуливающих босиком монахов и монахинь в рваных одеждах, от них вообще необходимо держаться подальше. Они постятся днем, а по ночам и праздникам едят до тех пор, пока их не стошнит». Лишь среди бледных и скромных язычниц можно встретить на улицах Рима целомудренную женщину — если верить Иерониму.

В принципе, Дамас с Иеронимом не спорил. Если говорить о сексе, то Дамас выступал против него. Он сочинял стихи и прозу на латыни, воспевающие достоинства девственности.

«Сексуальный акт, — писал Дамас, — есть осквернение».

Значение слова «осквернение» обсуждалось долго и многословно. Кое-кто считал, что папа имеет в виду грехопадение; другие утверждали, что речь идет об осквернении закона. В любом случае, в жизни Дамас не придерживался провозглашенных им самим принципов. В 378 году крестившийся еврей по имени Исаак подал на него в суд за «развратные

действия». Синод из сорока четырех епископов судил Дамаса за прелюбодеяние.

После допроса свидетелей епископы не сомневались в виновности папы и уже собрались сместить его и приговорить к смерти, но тут вмешался император Грациан. Дамаса не только оправдали, но и канонизировали после смерти — впрочем, это произошло главным образом благодаря тому, что ему удалось обратить в христианство преемника Грациана Феодосия I. С тех пор христианство стало официальной религией римской империи.

После смерти Дамаса Урсин вернулся в Рим, рассчитывая снова занять место папы, однако в результате анонимного голосования папой избрали Сириция (384–399).

Хотя Сириций являлся одним из дьяконов Дамаса, он не разделял его либеральных взглядов на отношения с женщинами. И вновь издал закон, запрещающий священникам и дьяконам вступать в брак. По новому канону женщины не имели права входить в дом католического священника. Кроме того, он отлучил от Церкви Иовиана, жившего в Милане монаха, который критиковал пост и безбрачие. Иовиан осмелился заявить, что дева Мария потеряла невинность при рождении Христа! А одного из епископов Сириций проклял, когда тот заявил, что у Марии могли быть и другие дети, кроме Христа.

Сириций выступал против секса в любом виде. Он требовал, чтобы женатые священники выбросили двуспальные кровати. И был весьма огорчен, узнав, что духовенство в Испании не отказалось от супружеских отношений. Он считал, что епископы, священники и дьяконы не должны принимать участия в «таком постыдном деле».

«Бог не примет тех, кто поддается зову плоти, — утверждал Сириций». Кроме того, он говорил, что если священнослужители грешили в неведении и готовы отказаться от своих жен, они получают прощение, но на дальнейшее продвижение по служебной лестнице рассчитывать не могут. Секс навсегда испачкал их души. Однако испанские епископы не пожелали расстаться со своими женами, заявив, что Господь сам поймет, кого считать прелюбодеем.

Одним из ярых противников Сириция оказался старый борец с прелюбодеями, святой Иероним. Хотя он никогда не был либералом, Иероним всячески поддерживал брак, поскольку он поставлял для церкви девственниц.

Иероним также указал на отвратительную практику, имевшую место в те времена в церкви. Женщины, давшие клятву сексуального воздержания, жили под одной крышей с мужчинами. Святой Иероним спрашивал с характерной для себя прямотой:

Как нашла свой путь в нашу Церковь мерзость под названием «дорогие возлюбленные сестры»? Откуда

взялись невенчаные жены, новый вид наложниц, скажу больше, проститутки для одного мужчины? Они живут в одной комнате со своим другом и часто спят в той же постели; а нас называют излишне подозрительными, если мы думаем, будто между ними что-то происходит.

Подобные разговоры вывели из себя благословенного Сириция, и он придумал способ выслать Иеронима из Рима. Старого аскета вышвырнули вон, когда благородная римская матрона умерла из-за слишком сурового образа жизни, предписанного ей Иеронимом.

Другой крупный защитник сексуальной морали, святой Августин, не особенно расходился во мнениях с папой Сирицием. Он начал с церковного проклятия контрацептивных средств. Августин называл их «ядом бесплодия» и считал жену, которая их применяет, «шлюхой своего мужа».

В отличие от Иеронима, Августин разбирался в том, о чем говорил. В молодости он множество раз посещал проституток, а в возрасте восемнадцати лет стал отцом. Августин прожил с женщиной одиннадцать лет, так и не заключив с ней брака, а потом завел вторую любовницу, дождавшись, пока выбранная им девушка достигнет подходящего возраста.

«Я влюбился в самую любовь, — признавался он. — И кипел как вода, подогретая моими собственными прелюбодеяниями».

Когда в возрасте тридцати лет Августин обратился в христианство, он прекрасно понимал положение, в котором оказался.

«Дай мне сдержанность, — молился он Богу, — но только не сейчас». Однако воспоминания о незаконных связях наполняли его тоской и чувством вины.

«Ничто, — писал он в своей «Исповеди», — так не портит настроение мужчине, как ласки женщины и соитие, являющиеся частью супружества».

В своих проповедях он предупреждал:

«Мужья, любите своих жен, но любите их целомудренно. Настаивайте на плотских утехах только в той степени, которая необходима для зачатия детей. Поскольку невозможно зачать ребенка другим способом, вы должны соглашаться на это против воли, потому что таково наказание Адама».

В дальнейшем, он не разрешал женщинам переступать порог своего дома — даже своей старшей сестре — и соглашался разговаривать с ними только в присутствии свидетелей, на случай, если им овладеет похоть.

Августин дает поразительное описание Рима, каким он был во времена первых пап. Пока Сириций занимал папский трон, Августин оставил Карфаген — сейчас эта территория принадлежит Ливии, — который называл «котлом распутной любви». В своем религиозном рвении он направился в Рим сурового Сириция. Однако не нашел

в святом городе целомудрия и сексуального воздержания.

На Августина произвели сильное впечатление римские брачные церемонии. Они начинались в храме Приапа, где невеста должна была сесть на огромный уродливый фаллос бога — Августин отмечал, что это лишь наносило удар ее скромности и никоим образом не влияло на девственность и плодовитость. Его также поразило количество богов, имевших отношение к браку, — и все они участвовали в первой брачной ночи. Бог супружества отводил невесту домой, еще один следил за тем, чтобы она там осталась. Когда гости уходили, появлялась целая толпа богов и богинь, в обязанности которых входило присутствовать во время торжественного момента лишения юной жены девственности. Августин недоумевал: как мужчина может почувствовать возбуждение, а девственница отбросить стыд, когда их окружает столько посторонних.

При такой постановке вопроса не следовало удивляться тому, что эдикты Сириция о необходимости безбрачия священников не приносили результатов. Даже его преемник папа Анастасий I (399—401) имел сына, который стал дьяконом, а впоследствии возшел на папский престол под именем папы Иннокентия I (401—417).

Иннокентий I установил в Риме главенство христианской Церкви, и его часто называют пер-

вым настоящим римским папой, но, по правде говоря, это произошло совершенно случайно. В период правления Иннокентия Рим был разграблен готами. Папа бежал под защиту развращенного двора императора Гонория, который страстно любил юных девушек, — в Равенну. Говорят, Иннокентий разделял его пристрастия. Между тем, готы грабили Рим и насиловали благородных матрон и монахинь прямо на улицах. Когда Иннокентий вернулся, он обнаружил, что прежнего римского порядка больше не существует. Благородные семьи, которые справляли языческие обряды, были уничтожены, и он оказался первым папой, занявшим папский престол в святом христианском Риме. Иннокентия I канонизировали, как, впрочем, и его отца Анастасия.

Бонифаций I (418–422) — еще один сын священника, ставший римским папой. У него был соперник, Евлалий. Обоих избрали и посвятили в папский сан в один и тот же день, 27 декабря 418 года. Бонифация признали истинным папой благодаря его дружеским связям с Галлой Плацидией, сестрой императора Гонория.

Дела пошли совсем плохо, когда в 440 году папа Сикст III (432–440) предстал перед судом за соращение монахини, но из-за отсутствия свидетелей его вину не смогли доказать. В свою защиту папа Сикст рассказал библейскую притчу, которую можно рассматривать как своего рода признание, о жен-

щине, уличенной в прелюбодеянии. Никто из прелатов не осмелился первым бросить камень.

Папа Лев I (440–461) использовал сексуальное растление как способ усиления политической власти церкви. Император Валентиниан III был склонен к распущенности, а его мать, старый друг Бонифация, Галла Плацидия, делала все, о чем просил папа. Она всячески потворствовала похождениям Валентиниана, чтобы иметь возможность вместе с папой Львом управлять римской империей.

Из-за желания продемонстрировать свою растущую преданность папскому престолу Галла Плацидия сделала катастрофическую ошибку. Посвятив девственность своей дочери Христу, она вскоре обнаружила, что та беременна. Несчастную девушку заточили в монастырь, откуда она сумела послать письмо Аттиле, вождю гуннов, обещав ему половину Италии в качестве приданого, если он ее освободит. Аттила ответил на ее призыв, но его армия, грабившая и насиловавшая всех подряд, была обескровлена, когда подошла к Риму, и Льву удалось убедить Аттилу отступить.

Валентиниана III убил один из его собственных офицеров за то, что он изнасиловал его жену. Вскоре после этого жена умерла, а офицер потребовал, чтобы вдова Валентиниана, в качестве компенсации, разделили с ним постель. Она отправила послание Гейзериху, королю вандалов, в котором просила

защиты. Лев попытался договориться с Гейзерихом, но вандалы только что покорили Сицилию и мечтали о разграблении Рима. Однако Лев так убедительно выступал в своих проповедях против насилия, что вандалы практически не тронули римских женщин во время разграбления города в 455 году. Вдова Валентиниана была спасена от посягательств офицера, оскорбленного ее мужем, но у нее отняли драгоценности, после чего вместе с дочерьми на кораблях вандалов перевезли в Африку, где их ждала жестокая судьба.

Лев I вел себя весьма благородно в этот тяжелый для Рима период. Однако он был странным человеком. Являясь поборником женской невинности, он требовал, чтобы женщина, если она хотела стать монахиней, подвергалась особой проверке — вплоть до шестидесяти лет. Впрочем, епископам разрешалось сохранить жен, если они обращались с ними, как с «сестрами». Кроме того, Лев I был извращенным садистом. Начав борьбу с манихейством, христианской сектой, сохранившей элементы язычества, он жестоко пытал ее последователей. Папа хотел услышать от своих жертв вполне определенное признание — они должны были сообщить, что смешивали семя со святым причастием, используя для этого юных девушек прямо на алтаре. Лев первым заявил о своем праве подвергать еретиков — то есть всех несогласных с его политикой — смертной казни.

Папа Феликс III (483—492) оказался человеком более уравновешенным. Еще один сын священника, как и отец, он не придерживался обета безбрачия. Феликс III был вдовцом, когда взошел на папский престол, и у него имелось по меньшей мере два сына, один из которых стал предком папы Григория I (590—604).

Геласий I (492—496) и Анастасий II (496—498) родились в семьях священников. Однако Анастасий явился представителем новых, независимых пап. Как остроумно заметил один из его современников, он «сам справлялся со своими естественными надобностями», что означало — самостоятельно ходил в туалет. (К этому времени римский папа стал такой важной персоной, что — как император или король — имел специального «джентльмена ночного горшка».)

Следующий папа, Симмах (498—514) не был сыном священника. Более того, он воспитывался в языческой вере и до конца своих дней так и не сумел избавиться от ее влияния. Он победил в битве взяток, выиграв выборы у антипапы Лаврентия (498—499 и 501—506), но в 501 году Симмаха призвал к себе Теодорих, остготский король Италии, который обвинил папу в непристойном образе жизни, прелюбодеянии и неправильном использовании церковных средств. Симмах немедленно бежал в Рим и скрылся в монастыре Святого Петра, что многие посчитали признанием вины.

Трижды Симмаха вызывали на суд синода. В первый раз он отказался давать показания; во второй не явился на заседание; в третий раз заявил, что он папа римский — а значит, не должен отвечать ни перед одним человеческим судом. Во время процесса в римском сенате разгорелась отчаянная борьба. В результате начались беспорядки, многие христиане погибли, и «даже достойные женщины и девственницы были изгнаны из монастырей и домов», их раздевали и пороли прямо на улицах Рима.

При таком повороте событий синоду ничего не оставалось, как предоставить Богу самому судить Симмаха. Король Теодорих, которому все это совсем не понравилось, пока Симмах оставался в монастыре Святого Петра, посадил в Латеранском дворце папу Лаврентия. Симмах тем временем подделывал документы, чтобы доказать существование прецедентов, подтверждающих, что суд людской не властен над римским папой. Через пять лет было решено, что два папы — это слишком много. Теодориху пришлось уступить, и Лаврентий удалился на ферму своего покровителя Феста, где и умер в 507/8 году.

Значительная часть духовенства, возмущенная дурным поведением Симмаха, так и не захотела с ним примириться. Тем не менее после смерти его канонизировали, как и многих других пап, не отличавшихся целомудрием.

Папа Гормизд (514—523), еще один святой, также был отцом, но не в приличествующем духовному лицу смысле. Он женился до посвящения и имел сына, ставшего римским папой Сильверием (536—537). Агапий I (535—536) был сыном Гордиана, священника, убитого последователями антипапы Лаврентия в сентябре 502 года.

Глава 3

ДАМСКИЕ УГОДНИКИ

В VI веке две необыкновенно могущественные женщины прибрали к рукам папскую власть, начиная с римского папы Вигилия (537–555), который получил престол, по словам современников, «благодаря императрице Феодоре и жене византийского полководца Велизария Антонии».

Феодора имела особенно дурную репутацию. Она выросла в семье циркачей и еще ребенком выходила на арену. Кроме того, она была служанкой у своей старшей сестры Комито, знаменитой куртизанки. Феодора, которая была еще слишком молода для полноценного полового акта, занималась оральным сексом или мастурбировала мужчин рабов, которые приходили к ее сестре.

Когда Феодора выросла, она работала вместе с так называемой «пехотой», обслуживая дешевую

часть рынка. Позднее она стала актрисой и прославилась тем, что самым бесстыдным образом раздевалась перед зрителями, хотя закон это запрещал. Однажды она приказала рабам насыпать зерно в свои половые органы, после чего привели гусей, которые принялись его выклевывать — прямо на сцене. Кроме того, Феодора прославилась изобретением новой сексуальной техники и могла соблазнить любого, кто привлек ее внимание, в особенности «безбородых юношей». На своих приемах она доводила до изнеможения десять молодых сильных мужчин, а затем удовлетворяла до тридцати слуг.

В 527 году Феодора вышла замуж за императора Юстиниана. Бракосочетание происходило в храме святой Софии в Константинополе. В избытке лицемерного рвения молодожены решили очистить Византий, закрывая бордели и отправляя проституток в монастыри. Иногда наказания, которые придумывала Феодора, оказывались такими жестокими, что женщины кончали жизнь самоубийством, чтобы избежать мучений.

Папа Бонифаций II (530—532) послал Вигилия в Константинополь в качестве папского нунция. Феодора решила совратить его дорогими подарками и обещаниями со временем сделать папой. Алчный и амбициозный человек, Вигилий с готовностью принял ее дары и предложения.

Когда умер папа Агапий I (535–536), Феодора отправила Вигилия обратно в Рим, но он прибыл туда слишком поздно — оказалось, что папский престол уже занял Сильверий (536–537). Феодора страшно разгневалась и убедила Юстиниана послать Велизария свергнуть Сильверия и поставить на его место Вигилия. Сильверия обвинили в измене и лишили папского звания. А затем изгнали из Рима, разжаловав в простые монахи. Юстиниан посчитал такое решение слишком жестким и приказал устроить честный процесс. Если Сильверия найдут виновным, ему будет дан еще один шанс; если он окажется невиновным, то будет восстановлен на папском престоле.

Вигилий не мог этого допустить. Он фальсифицировал процесс, а когда Сильверий отправился в ссылку, содействовал его убийству. Согласно церковному историку Милману, Вигилий был «самым сомнительным типом из всех, кто занимал престол святого Петра» — а это само по себе говорит о многом — и что он совершенно справедливо наказан за свои «преступления». В чем заключалось наказание, историк не сообщает. Да, Вигилий поссорился с Феодорой, и ему пришлось бежать на Сицилию, но через два года Юстиниан его простил, однако по дороге в Рим Вигилий умер.

После его смерти на папский престол взошел другой фаворит Феодоры и Антонии, папа Пелагий I (556–561). Он также жил в Константинополе,

а его преемник, Иоанн III (561—574), был одобрен востоком.

При папе Иоанне собор в Туре (в 567 году) подписал закон Бенедикта, запрещающий монахам спать вдвоем в одной постели. Через несколько столетий он распространился и на монахинь. Кроме того, было решено, что священник, которого обнаружат в постели с женой, будет лишен духовного сана и отлучен от церкви на год. Впрочем, поскольку даже собор признал, что во всем христианском мире трудно отыскать священнослужителя, не имеющего жены или любовницы, введение данного постановления не привело к заметным результатам. Епископы и священники продолжали открыто жить с женами и любовницами. Если кого и наказывали — так это женщин. Многие получали по сто плетей за совокупление со священником.

Папа Пелагий II (579—590) закрывал глаза на недостаточное целомудрие своих подчиненных, он лишь следил за тем, чтобы женатые священники не тратили церковные деньги на собственные семьи. Началась детальная опись церковных фондов. Церковь под руководством Пелагия стала такой продажной, что когда в Италии случилось большое наводнение, распространился слух, будто это второй всемирный потоп.

Григорий I (590—604) любил жизненные блага. В юности он служил префектом в Риме, затем провел восемь лет — с 578 по 586 год — представляя

католическую церковь в Константинополе. Из его семьи уже вышли два римских папы: Феликс III и Агапий. Однако после смерти отца Григорий превратил свой дом в монастырь. Затем удалился от дел и посвятил жизнь религиозным медитациям, испортив себе здоровье постоянными постами.

В 590 году, вопреки его возражениям, Григория избрали папой. Вскоре после этого он издал эдикт безбрачия для священников, решив, что если он сам может обходиться без секса, значит, ничто не помешает и остальным. Всех нарушителей закона лишали сана. Особенно жестко он обошелся с монастырями, куда женщины имели свободный доступ, а братья открыто исполняли роль «крестных отцов» для своих детей.

Впрочем, Григорий I был не таким суровым, как казалось многим. Он первым начал раздавать индульгенции и прощение. А посему тот, кто был достаточно богат и кому удавалось заручиться расположением папы, получал разрешение на грехи. Так появился на свет маленький стишок:

*Лишь бедные викарии соблюдают законы Григория,
И рыба в ручье, или волны в реке;
В то время как толстосумы
и жирные карпы избегают их лап,
Наши прелаты опускают большую сеть святого Петра,
И то, что лежит на дне, достается им.*

Иными словами, епископы могут делать все, что им захочется, в то время как простые священники и монахи вынуждены отказаться от жен и семей. Говорят, позднее Григорий узнал, что из-за его эдикта погибло огромное количество детей, которых не могли признать отцы священники. Согласно письму Галдрика, епископа Августа-Претории*, папе Николаю I (858–867), папа Григорий приказал осушить рыбный пруд. На дне были найдены черепа 6000 детей, утопленных или убитых другими способами. Тогда он немедленно отменил эдикт. Галдрик отмечает, что «священники не только не отказывались от девственниц и своих жен, но и совокуплялись с мужчинами и даже дикими животными».

Подобные вещи не были в диковинку Григорию, который считал себя большим авторитетом по части секса и даже написал несколько книг о правилах сексуального поведения. В этих научных томах он уделил большое внимание вопросу спонтанного семяизвержения: рассуждая о том, является оно греховным или нет. С превеликой тщательностью он произвел классификацию греховности в зависимости от обстоятельств, при которых происходило извержение семени. Например, если оно произошло в результате переедания, писал Григорий, священнику не следует проводить мессу, но он может

* Город в древней Италии.

причаститься, если рядом окажется другой священник. Если же он способствовал семяизвержению каким-то способом — скажем, руками — то на причастие он рассчитывать уже не может.

Кроме того, Григорий потратил немало сил и времени на решение другой мучительной проблемы: что следует делать с человеком, осквернившим себя половым актом. Мужчина не должен входить в церковь после сношений с женой, пока сначала не умоется. Сам акт должен производиться только ради продолжения рода, а не для удовольствия от самого секса — в этом случае мужчина совершает грех и ему вообще не следует появляться в церкви.

Григорий высказался и относительно гомосексуальных отношений и содомии, а также о периодах, когда необходимо сексуальное воздержание. Казалось, он одержим подобными мыслями.

«Неестественный половой акт в супружестве» заслуживал отдельного проклятия. А *coitus interruptus** являлся более страшным грехом, чем сладострастие и прелюбодеяние — даже хуже, чем заниматься сексом с собственной матерью. Инцест описывался как нечто «естественное», потому что мог привести к рождению ребенка, в то время как любые попытки избежать беременности означали, что секс нужен только для удовольствия и, следовательно, представляет собой чудовищное зло.

* Прерванный половой акт (лат.).

Отсюда можно сделать вывод, что Григорий был лицемером. Особенно это видно из его писем. После убийства императора Маврикия и одиннадцати членов его семьи, Григорий написал убийце, новому императору Фоке*:

«Слава Господу в небесах... Пусть веселится рай и радуется земля».

Потом он послал письмо, полное подобострастных комплиментов, жене Фоки, императрице Леонтии, которую называл «второй Пульхерией». По его словам, императрица являла собой образец целомудрия, благочестия и изящества, в то время как все сходились во мнении, что по сравнению с Леонтией даже Феодора выглядела скромной монахиней.

Одержимость Григория сексуальными проблемами вызвала серьезные дебаты среди духовенства, когда церковь попыталась систематизировать наказания за плотские грехи. В течение веков теологи рассматривали каждый аспект человеческой сексуальности, пытаясь придумать ему соответствующую кару. В средние века за произвольное семяизвержение полагался семидневный пост. Если оно производилось при помощи рук, грешника приговаривали к двадцатидневной голодовке. Монах, мастурбировавший в церкви, должен был поститься тридцать дней; епископ, пойманный на том же

* Речь идет о византийских императорах.

грехе, пятьдесят. Виновный за *coitus interruptus* рас-
плачивался покаянием сроком от двух до десяти лет.

«Яд, приводящий к бесплодию» — то есть использование контрацептивных средств — а также анальный и оральный секс (на латыни он имел название *seminem in ore* (семя в рот) карался покаянием сроком от трех до пятнадцати лет на хлебе и воде с полным лишением секса — продолжительность зависела от обстоятельств, которые грешник должен был со всеми подробностями изложить своему исповеднику. Многие посчитали бы, что уже одно это можно считать достаточной расплатой за содеянное. Совращение девственницы считалось меньшим грехом и влекло за собой трехлетнее покаяние, если девушка беременела, если же нет — то срок уменьшался до года. Сексуальные отношения с бедными женщинами наказывались значительно мягче.

Епитимья накладывалась, естественно, только на рядовых монахов и священников. Папы и императоры могли ни о чем не беспокоиться. Бонифаций III (607), к примеру, получил папский престол, войдя в союз с императором Фокой, которого историки описывали, как «прелюбодея, отцеубийцу и тирана». Некоторые толкователи утверждали, будто Бонифаций и Фока разделяли «определенные пристрастия».

Фока объявил Бонифация римским папой, главой всех церквей, отклонив аналогичные притяза-

ния епископов Константинополя. В ответ Бонифаций воздвиг золоченую статую императора с льстивой надписью.

Несмотря на поддержку императоров, римские папы обнаружили, что не могут распространить свою власть на стремительно деградирующих патриархов Константинополя. Один из них публично кастрировал себя, чтобы исключить любую возможность прелюбодеяния. Другой выступил в открытом суде, пытаясь доказать, что не насиловал монахиню.

Римские священники были не намного лучше. Повторяющиеся эдикты, призывающие к целомудрию, ни к чему не приводили. Адеотат I (615–618), канонизированный под именем святого Деодата, был сыном иподьякона, тогда как Теодор I (642–649) сыном епископа. Сергей I (687–701) попытался вновь ввести обет безбрачия для священников на западе, в то время как на востоке от этих попыток отказались окончательно. Однако Сергей вскоре обнаружил, что запрет на супружество приводит к другим отклонениям в сексуальном поведении священников.

В 693 году собор в Толедо признал «широкое распространение педерасти» в Испании. Собор принял решение: «Если один из мужчин, предающихся с другим мужчиной сему отвратительному греху, который противоречит самой природе, окажется епископом, священником или дьяконом, он

будет лишен сана и навсегда выслан, и да будет он проклят навечно».

Сотня плетей, бритая голова и изгнание — таково наказание за соучастие. Король Испании добавил еще и кастрацию. В любом случае, церковная карьера на этом заканчивалась. В соответствии с древним законом, записанным в «Книге Левита», священник должен сохранять целомудрие.

Папа Григорий III (731–741), возлагавший большие надежды на монастырскую жизнь, был одержим борьбой с педерастией. Он объявил ее «грехом столь чудовищным с точки зрения нашего Господа, что города, где обитают такие грешники, обречены на уничтожение огнем и серой». Он вновь обратился к ярким описаниям грехопадения, сделанным историком первого века Фило Александрийским, который писал:

Земля Содома наполнилась бесчисленными пороками, главными из которых являлись ненасытность и распутство... [Обитатели города] отказались от законов природы, пили без меры крепкие напитки и поглощали лакомства, занимались запрещенными видами секса. Ради своей чудовищной похоти они не только нарушали святость брака своих соседей, но мужчины оседлывали мужчин, не заботясь о том, кто играет активную роль, а кто пассивную; в результате, попытавшись завести детей, они обнаружили, что уже не способны.

В действительности проблема заключалась в том, что педерастия и другие грехи укоренились среди духовенства гораздо сильнее, чем в других слоях общества. В Германии святой Бонифаций обнаружил такую высокую степень развращенности среди епископов и священников, что просил Григория III умыть руки и отречься от них.

Однако ради сохранения целостности церкви Григорию III пришлось подписать пакт с королем франков Карлом Мартеллом, который использовал монастыри в качестве борделей, а в свободное время занимался совращением епископов.

В докладе преемнику Григория Захарию (741—752) святой Бонифаций писал, что все германское духовенство отличается чудовищным распутством. Мужчины, которые проводят юность в насилии и разврате, получают самые высокие должности. Священники спят с четырьмя или пятью женщинами за ночь, а потом идут праздновать мессу.

Глава 4

ЛАТИНСКИЕ ЛЮБОВНИКИ

Римский папа Захарий довел игру до абсурда, придумав новое церковное облачение, украшенное золотом и самоцветами. Благодаря преданности французского короля, любившего целовать ему ноги, преемник Захария, Стефан II (752—757), стал первым по-настоящему богатым римским папой. А кроме того, теперь папа путешествовал в специальных носилках на плечах дюжих мужчин. Только сейчас люди познали смирение.

Стефан совершил еще один прорыв. Он разрешил свободным мужчинам жениться на рабынях, если они приняли христианство. Конечно, это был жульнический закон, поскольку подобные браки легко расторгались, и мужчина мог жениться еще раз. Однако женщина уже никогда не становилась свободной.

Лев III (795—816) — еще один римский папа, не хранивший обет безбрачия. Хотя его выбирали анонимно, он не пользовался популярностью среди римской аристократии. Однажды, когда Лев отправился на мессу, на него напали разбойники и попытались выколоть ему глаза и отрезать язык. Он отделался несколькими ранами. После официального смещения Льва III отправили в монастырь.

При помощи друзей ему удалось бежать, и он обратился за поддержкой к Карлу Великому, королю франков. Когда представители повстанцев явились во дворец и обвинили Льва в прелюбодеянии и лжесвидетельстве, их улики показались королю весьма обоснованными. Лев использовал тот же способ защиты, что и святой Симмах, заявив, будто никакой земной суд не может покарать папу. Однако Карла Великого подобные заявления не убедили. Он вернул Льва в Рим и собрал ассамблею франков и римлян, чтобы рассмотреть выдвинутые против папы обвинения. Лев снова повторил доводы Симмаха, и ассамблея отказалась вынести ему приговор.

Находясь в Риме, Карл воспользовался моментом, чтобы получить корону Священной Римской Империи (800). Лев повел себя весьма дипломатично и возражать не стал. Возложив корону на голову Карла Великого, он преклонил перед ним колени, как вассал — первый и последний римский папа, склонивший голову перед западным императором.

Лев старался вести себя скромно весь период правления Карла Великого, хотя сам император, страстный защитник Церкви, не мог похвастаться моральной чистотой. Он развелся с первой женой, вторая родила ему шестерых детей, но ее он тоже бросил. Третья подарила ему двух дочерей, еще одну родила любовница. Четвертая жена умерла бездетной, однако Карл нашел утешение в объятиях четырех любовниц.

Впрочем, после смерти Карла Великого в 814 году, Лев снова взялся за старое. После того, как был раскрыт очередной заговор, Лев обвинил своих врагов в измене и лично судил их, приговорив к смерти несколько десятков людей.

Он потратил огромные суммы на новый банкетный зал Латеранского дворца. На огромном мозаичном панно Лев изображен вместе с Карлом Великим и святым Петром. В 1673 году Льва канонизировали на основании сомнительного чуда, якобы вернувшего ему глаза и язык. Был даже введен праздник в его честь — 12 июня, но сейчас он отменен.

В IX веке, при Льве и его преемниках, мужские монастыри стали убежищем гомосексуалистов, а женские — превращались в бордели, где убивали и хоронили незаконнорожденных детей. В 836 году существование такой практики открыто признал Ахенский собор. Были предприняты шаги, направленные на улучшение имиджа Цер-

кви. Закон запретил представителям духовенства жить вместе с матерями, тетками или сестрами, чтобы исключить весьма распространенный грех инцеста, в результате которого, по словам французских прелатов, на свет появлялись нежелательные дети.

Однако не все папы IX века нарушали обет целомудрия. Бенедикт III (855—858) являлся во всех отношениях святым человеком. Однако в его дневниках встречаются весьма подробные и взволнованные описания деятельности Хьюберта, аббата Святого Маврикия, который путешествовал по Франции с группой любовниц и осквернял монастыри своими оргиями.

Сестра Хьюберта, Теодоберга, была женой короля Лотаря Лотарингского. Лотарь, желавший развестись с ней, чтобы жениться на своей любовнице Валдраде, обвинил жену в кровосмесительной связи с братом, аббатом, и заявил, что она сделала аборт с целью избавиться от их ребенка. Хотя Теодоберга прошла испытание кипящей водой, ей пришлось подписать признание.

Преемник Бенедикта Николай I (858—867) «запретил всем христианам присутствовать на мессе, если ее проводит священник-прелюбодей». Несмотря на это историк XVII века Киприано де Валера отзывался о нем довольно жестко: «У папы начали расти рога», — написал он в книге «Папство», возмущенный тем, что Николай разорил

Иоанна, епископа Равенны лишь за то, что тот ему не поклонился и позволил проводить мессу на польском и словенском. Кроме того, Николай «важно разгуливал рядом с Михаилом [Пьяным], императором Константинополя», прославившимся оргиями, которые он устраивал во дворце вместе со своей любовницей.

Николай оказался вовлеченным в бракоразводный процесс Лотаря, когда его сестра Теодеберга попросила о помощи. Первый синод санкционировал развод. Затем папские легаты получили солидную взятку и утвердили брак Лотаря с Валдрадой. Хотя все знали, что Теодеберга страдала от врожденного порока, не позволявшего ей получать удовольствие от секса, Николай опротестовал предыдущие решения и лишил сана двух епископов, разрешивших двоеженство.

К несчастью, император Людовик II принял их сторону и пошел войной на Рим. Николаю пришлось искать защиты в соборе святого Петра. Однако со временем Людовик смиловился, епископы смирились с приговором папы, а Лотарь временно вернулся к Теодеберге. Конец затянувшемуся конфликту положил Адриан II (867–872), который разрешил Лотарю воссоединиться со своей страстной Валдрадой, но лишь после того, как Лотарь и его приверженцы поклялись во время мессы, что он никогда не вступал с нею в запретную связь. Все стойко солгали ради своего короля.

У Адриана имелись собственные причины для снисходительности, когда речь шла о вопросах сексуальной жизни. Он состоял в браке, и его жена, Стефания, была жива, когда Адриана избрали на папский престол. Они открыто жили вместе с детьми в Латеранском дворце, но Адриану исполнилось семьдесят в момент избрания, и католические историки утверждают — возможно, с некоторыми основаниями — что их отношения оставались целомудренными.

Папа Марин I (882–884) был еще одним сыном священника, добравшимся до престола святого Петра. Несмотря на постоянные попытки навязать духовенству обет безбрачия, нравы становились все более свободными. Епископ Верцеллы, например, был вынужден вынести порицание своему духовенству в следующей форме:

Некоторые из вас настолько поработены собственной страстью, что вы разрешаете бесстыдным куртизанкам жить под одной крышей с вами, делить пищу и показываться с вами в обществе. Не в силах противостоять их прелестям, вы разрешаете им управлять вашими домами и выделяете деньги на содержание их ублюдков... Чтобы обеспечить роскошную жизнь своим женщинам, вы обираете церкви и заставляете страдать бедняков.

Преемник Марина, Адриан III (884–885), попытался навязать Риму свою власть — он заставил

выпороть жену римского аристократа, который выступал против него, и провел ее обнаженной по улицам города. Однако попытки воспрепятствовать восхождению на трон незаконного сына императора Карла Толстого стоили Адриану жизни. Его преемник, Стефан V (885–891), выбрал либеральную линию поведения. Он прекратил практику «очищения обвиняемых в ведьмовстве и прелюбодеянии женщин путем бросания связанной жертвы в воду».

Глава 5

ПАПЕССА ИОАННА

Истории о женщине-папессе появились в середине XIII века. Вот одно из самых ранних упоминаний о ней:

Сначала ее звали Джиберта, но она переделалась мужчиной и пришла в Афины вместе с одним монахом; Джиберта достигла успехов в самых разных видах искусства, однако после смерти своего друга вернулась под чужим именем в Рим, где одерживала верх во всех диспутах и даже заслужила венок победителя — многие восхищались ее красноречием и острым умом. Когда умер Лев, ее избрали папой, и она занимала престол в течение двух лет и шести месяцев; Джиберта забеременела от священника, во время торжественной процессии у нее начались родовые схватки, прямо на улице она родила сына и умерла.

Говорят, она была англичанкой, а ее любовника звали Джон. В приведенном отрывке упоминается папа Лев IV — таким образом речь идет о 855 годе, когда Бенедикт III был посвящен в сан.

Никто не может сказать с определенностью, когда папесса занимала престол — в IX, X или XI веках — но факт ее существования считается общепризнанным. Католические историки начали тщательно изучать развитие событий лишь в XIX веке, когда воинствующие протестанты и другие критики папства воспользовались легендой о папессе Иоанне для атак на папский престол.

Первое письменное упоминание об Иоанне находим около 1250 года во «Всеобщих хрониках Метца», написанных доминиканским монахом Жаном де Мейлли. Он утверждал, будто преемницей Виктора III (1086–1087) явилась талантливая женщина, переодевшаяся мужчиной. Тщательно скрывая свой пол под церковными одеяниями, она сумела занять должность кардинала, а затем ее избрали папой. В версии де Мейлли ее тайну раскрыли, когда она села на лошадь. А чуть позже она родила ребенка. В наказание за столь чудовищное осквернение святынь несчастную привязали к хвосту лошади, которая таскала ее по римским улицам до тех пор, пока она не умерла.

Еще два автора — доминиканец Стефан де Бурбон и францисканский монах из Эрфурта, автор

«Малых хроник», приводят схожее описание папессы Иоанны. Однако их мнения расходятся в вопросе о датах ее жизни. Де Бурбон считал, что она взошла на престол около 1100 года; монах из Эрфурта называл 915 год.

Мартин из Троппау*, доминиканский монах, живший в XIII веке в Польше, приводит еще одну версию этой истории в своих «Хрониках пап и императоров». Он называет папессу Иоанн, именно так о ней упоминалось в ранних источниках. Однако более поздние историки начали называть ее Иоанна. Мартин из Троппау говорит, что Иоанн Английский являлся преемником Льва IV (847–855). Его правление продолжалось два года, семь месяцев и четыре дня, пока не выяснилось, что папа — женщина.

Впрочем, некоторые ранние свидетельства указывают на то, что папесса занимала престол в 1099 или 1110 году — это может соответствовать действительности, поскольку их авторы находились ближе к описываемым событиям. Историк XIX века профессор Т.К. Кист остроумно предположил, что папесса Иоанна на самом деле была вдовой Льва IV и управляла духовенством совместно с преемником Льва Бенедиктом III.

Если верить легендам, будущая папесса родилась в Майнце, в Германии, весьма вероятно, в семье англичан. Переодевшись мужчиной, она отправи-

* Немецкое название чешского города Опава.

лась вместе со своим возлюбленным в Афины. Там стала студенткой и продемонстрировала выдающиеся способности. Позднее переехала в Рим, куда ее сопровождал любовник. В более поздней версии, обнаруженной в бенедиктинском аббатстве в Баварии, утверждается, будто папесса родилась в Фессалии*, и ее звали Глансия. Ряд источников указывает на то, что она училась в греческой школе в Риме, знаменитой своими связями со святым Августином. Известная по своим блестящим публичным выступлениям, Глансия стала кандидатом в папы, и ее выбрали, поскольку она казалась не такой порочной, как другие претенденты.

В версии Мартина из Троппау говорилось, что ее секрет был раскрыт, так как у нее начались преждевременные роды, когда она участвовала в торжественной процессии, направлявшейся из собора святого Петра в Латеранский дворец, на узкой улочке между Колизеем и собором святого Климента. Она умерла во время родов и была похоронена на месте своей смерти. С тех пор папы упорно избегали этой улицы.

Самое удивительное, что в Риме действительно существует улица, на которой никогда не появляются папы. Описывая коронацию папы Иннокентия VII в 1404 году, Адам из Уска, находившийся в это время в Риме, говорит: «С отвращением отвернувшись от папессы Агнес, чья

* Область Греции.

каменная статуя с сыном на руках стоит рядом с собором святого Климента, папа, сойдя с лошади, вошел в Латеранский дворец для торжественного возведения в должность».

Эта статуя упоминается в различных изданиях «*Mirabilia Urbis Romae*»* (путеводитель по Риму, продававшийся в Средние века) с 1375 года по 1500 годы, да и в других путеводителях тоже. Иоанн Бушар, мастер церемоний при Иннокентии VIII, Александре VI, Пие III и Юлии II также рассказывает о статуе в связи с коронацией:

«Папа направлялся на коронацию прямо от Коллея, мимо улицы со статуей папессы, установленной на том самом месте, где она родила ребенка. Говорят, папам не разрешается ездить по этой улице на лошади. Архиепископ Флоренции, епископ Массано и Хьюго де Бенци, иподьякон, выразили мне по сему поводу свое неудовольствие. Однако я переговорил с епископом Пьенца, который заверил меня, что думать, будто папам запрещено проходить по печально знаменитой улице, глупость и ересь — не существует ни одного реального документа, который мог бы подтвердить сие предположение».

Кое-кто считает, будто эти разговоры возникли из-за того, что улица слишком узка. Так или иначе, но папа Сикст V (1585—1590) приказал ее расширить, однако в свидетельствах Бушара нет никаких

* «Удивительные истории города Рима».

упоминаний о проблемах, связанных с движением папских процессий от Колизея к собору святого Климента. Поблизости действительно имелась статуя, изображавшая женщину, одетую в нечто, напоминающее папские одеяния и держащую на руках ребенка. Надпись на постаменте, возможно, называла имя папессы Иоанны. К сожалению, статую сняли, когда по указу Сикста V проводились работы по реконструкции улицы. Впрочем, в садах Ватикана есть похожая скульптура.

Боккаччо называл папессу Иоанну Жибертой. Богемский еретик пятнадцатого века Иоанн Хасс дал ей имя Агнес, она появилась в пьесе Дитриха Шенберга, написанной в 1490 году. В других свидетельствах ее имя и вовсе не упоминается. В баварском манускрипте любовника папессы зовут Пирсий, а в пьесе Шенберга — Клерсий. В одной или двух рукописях отрицается, что он являлся отцом ребенка. В ранних рукописях можно встретить утверждение, будто отцом ребенка стал сам дьявол. В других говорится, что во всем виноват какой-то священник или «некий дьякон, секретарь папессы». Сохранилась даже резная деревянная фигура, где он изображен в кардинальской мантии.

Существует также несколько версий судьбы папессы. Как мы уже видели, Мартин из Троппау предполагает, будто она умерла во время родов или была убита, когда открылась ее тайна. Боккаччо утверждает, что она поддалась на искушения дья-

вола, и кардиналы посадили ее в тюрьму, где папесса и провела остаток своих дней. В ранних версиях «*Mirabilia Urbis Romae*» говорится, что она похоронена «среди добродетельных граждан» в базилике святого Петра. Однако из поздних изданий эта запись изъята.

Бенедиктинский монах, живший в аббатстве Мэлмсбери на западе Англии в 1366 году, писал, что папесса Иоанна вступила на папский престол в 858 году, «поскольку в городе было так много дураков, что никто не мог сравниться с нею в учености». Он продолжает: «По истечении двух лет правления Иоанна забеременела от своего старого любовника и родила, когда участвовала в торжественной процессии — таким образом всем открылся ее грех, и она лишилась престола».

И снова мы видим, что преступление папессы состояло не в том, что она родилась не женщиной, а в том, что поддалась искушению — а правда о последствиях ее слабости раскрылась исключительно драматическим образом. Конечно, многие папы мужчины уступали своим страстям, но доказательства их преступлений никогда не были столь вещественными, как рождение ребенка на публике. Данный случай можно сравнить лишь с ситуацией, когда папа бывал пойман *flagrante delicto** — и возмущенный муж брал правосудие в свои руки.

* На месте преступления (лат.).

Так что же случилось с ребенком? Многие документы утверждают, будто он умер при рождении. Однако в книге Мартина Полона «Хроники», которая вышла в 1400 году, говорится: «Папесса лишилась престола за свой грех и прожила в покаянии так долго, что увидела, как ее сын стал епископом Остии. Почувствовав приближение смерти, она просила похоронить ее на том месте, где родила сына, однако он не пожелал выполнить просьбу матери, а перевез ее тело в Остию, где с почестями похоронил в соборе. И Бог сотворил там множество чудес, которые продолжают и по сию пору».

Другие авторы пишут, что ребенок являлся истинным воплощением антихриста.

В ранних хрониках говорится, что душа папессы Иоанны, ее любовника и ребенка попали в ад. Многие считают, будто она подписала договор с дьяволом, или поклонялась дьяволу, прибегая к помощи «Книги некромантии», чтобы добиться папского престола, впрочем, в средневековье подобные обвинения регулярно предъявлялись всем папам, получившим хотя бы минимальное образование.

Более поздние исследователи начали проявлять к папессе больше сочувствия. Не следует забывать, что по сравнению со многими средневековыми папами Иоанна вела себя достаточно скромно. В 1490 году Феликс Гамерлейн написал, что «рождение ребенка было отпущением грехов».

В издании «*Mirabilia Urbis Romae*», вышедшем в 1500 году, во время правления римского папы Александра VI Борджиа, выражалось аналогичное мнение:

И вот мы подходим к небольшой часовне между Колизеем и собором святого Климента; древняя часовня поставлена на том месте, где умерла женщина, ставшая папессой. Она была беременна, когда ангел небесный спросил у нее, предпочитает ли она исчезнуть навеки, или открыто взглянуть миру в лицо. Не желая потерять вечное блаженство, она согласилась пережить публичный позор.

Лишь поэт Петрарка, единственный из писателей периода Возрождения, отзывался о ней неодобрительно. Его возмущала мысль о том, что папский престол занимала женщина. Он утверждает, будто это святотатство привело к тому, что «в Брешии три дня и три ночи шел кровавый дождь. Во Франции появилась невероятная саранча с шестью крыльями и огромными зубами, пронеслась по воздуху, а потом утонула в море. Золотистые тела насекомых исторгались водой и портили воздух, так что много людей умерло» — образ полностью заимствован из «Книги откровений».

Несомненно, прошло какое-то время между пребыванием Иоанны на папском троне и первыми попытками описать ее правление, но из этого не

следует, что все сводилось к легенде и вымыслу. В конце концов, письменные документы, рассказывающие о жизни Христа, появились более чем через сто лет после его смерти, но многие верят, что Христос является фигурой исторической.

Конечно, постепенно свидетельства обрастали все новыми и новыми деталями, в особенности после того, как за перо взялись Боккаччо и Петрарка — но само предположение, что существовала папесса, которую разоблачили после того, как она забеременела, не подвергалось сомнению в течение многих веков. Ее образ широко представлен в иконографии. Бюст папессы Иоанны можно было увидеть среди изображений других пап в Сиенском соборе, строительство которого завершилось в 1400 году. Однако в 1600 году, по приказу папы Климента VIII, его изъяли.

Иоанн Хасс закончил жизнь на костре — как еретик — после Констанцского собора в 1415 году, однако никто из собравшихся не стал ему возражать, когда он несколько раз с почтением упомянул «папессу Иоанну, английскую женщину, которую в миру звали Агнес».

В XVI веке писатель Марио Экикола из Эльвита утверждал, что Бог вознес папессу Иоанну на престол, чтобы продемонстрировать равенство между мужчинами и женщинами. Другие тоже увидели в том руку Божью. Они утверждали, будто папа мужчина чудесным образом превратился в женщину,

или что произошло чудо, и папа-мужчина родил ребенка.

На обсуждение различных гипотез ушло много столетий. Одна из самых банальных заключалась в том, что папесса Иоанна была гермафродитом. Предлагался и апокалиптический вариант: Иоанна — блудница вавилонская из «Книги откровений», а ее появление в Риме предвещало наступление Судного дня. В 1785 году вышла книга под названием «Настоящее папизма», в предисловии к которой была помещена гравюра — папесса Иоанна рождает ребенка в роскошной палатке в окружении своих прелатов. Ниже помещалось четверостишие:

У женщины папессы (как гласит история)

Однажды во время процессии начались схватки,

И она родила сына ублюдка;

С тех пор Рим стал называть ее блудницей вавилонской.

Эту теорию можно с легкостью отбросить. Папесса Иоанна, если она вообще существовала, уже давно мертва, а мы так и не услышали последнего трубного гласа.

Самая знаменитая версия, переведенная на английский язык Лоуренсом Дарреллом, бесспорно принадлежит греческому классику XIX века Эммануэлю Ройдсу. В ней Иоанна проявляет свою свя-

тую сущность еще в колыбели, отказываясь брать грудь матери в дни поста.

После Реформации католические критики стали проявлять большую активность, но самым агрессивным оказался протестант Дэвид Бондель (1590—1655), который в 1647 и 1657 годах выпустил в Амстердаме несколько трактатов. Его главный аргумент заключался в том, что не осталось никаких документальных свидетельств современников, подтверждающих факт существования папессы, а кроме того, между другими папами нет пустых временных промежутков, в которые могла бы править Иоанна — ведь, начиная со второго века, даты смерти и смещения пап тщательно документированы. Тут можно лишь отметить, что Церковь всегда проявляла большую ловкость, когда дело доходило до сокрытия компрометирующих пап сведений.

Конечно, ничего не стоит отбросить идею о возможности существования папессы, однако не удастся получить ответ на вопрос, откуда могли возникнуть подобные слухи. Один из вариантов — письмо папы Льва IX Михаилу Серулару, патриарху Константинополя, написанное в 1054 году. В нем Лев порицает восточную церковь: «Продвижение евнухов, вопреки Первому закону Никейского собора, однажды уже привело к тому, что на папском престоле оказалась женщина». Лев ошибался в одном отношении: Никейский собор запретил про-

двигать только тех евнухов, которые сами кастрировали себя или способствовали этому. В те времена мужчины, подвергшиеся кастрации против воли, могли занимать церковные посты.

Впрочем, ходили слухи, что однажды женщина занимала пост патриарха в Константинополе. В «Хрониках Салернитана», датированных приблизительно 980 годом, говорится: «В это время [VIII век] Константинополем управлял некий патриарх, хороший и справедливый человек, осквернивший себя, однако, грехом прелюбодеяния — он держал в своем доме племянницу, переодетую евнухом. Этот патриарх перед смертью всячески восхвалял своего племянника (никто не знал, что это женщина), в результате — в полном неведении — ее избрали епископом. Она занимала сей пост почти полтора года».

Все, естественно, закончилось печально. Некому принцу Аричису во сне явился дьявол и все ему рассказал. Принц отправил в Константинополь посланника, и тот обнаружил, что дьявол говорил правду — «и тогда извращению был положен конец». По другой версии племянницу патриарха отправили в монастырь, а на город — в наказание — обрушилась чума.

Для этой истории также есть серьезные основания. Примерно в то же время жил патриарх по имени Нисет, который был евнухом, и поэтому не мог отрастить бороду. А духовенству восточной церкви

запрещалось бриться — следовательно, с точки зрения греков патриарх выглядел как женщина.

Средние века полны легенд о женщинах, которые по разным причинам переодевались мужчинами и удалялись в монастыри. Святая Евгения сумела стать аббатом — и занимала этот пост до тех пор, пока женщина, чьи притязания она с презрением отвергла, не обвинила ее в обмане, после чего тайна была раскрыта.

Святая Марина была дочерью монаха. Он забрал ее к себе в монастырь, переодев мальчиком. Когда он умер, она продолжала жить в монастыре, пока дочь хозяина гостиницы не обвинила Марину в том, что зачала от нее ребенка. Марина предпочла уйти из монастыря, чтобы никто не узнал о ней правду — ее тайна открылась только после ее смерти.

Еще одна легенда рассказывает о святой Феодоре, жене Григория, префекта Александрии. Она завела любовника, а потом, раскаявшись, бежала в монастырь, переодевшись мужчиной. И снова женщина обвинила ее в отцовстве будущего ребенка. Не желая открывать тайну своего пола, Феодора ушла из монастыря и усыновила ребенка. Вырастив его — впоследствии он стал аббатом — она вернулась в монастырь, где и умерла.

Пелагия, красивая и соблазнительная танцовщица, раскаялась в содеянных грехах, услышав проповедь Нонна, епископа Эдессы. Она переоделась

в мужскую одежду и удалилась в обитель на Елионской горе*. Там ее принимали за «Пелагия, монаха и евнуха». И опять правда стала известна только после ее смерти.

Молодая немецкая девушка по имени Хиндегунда переделалась юношей и отправилась в паломничество в Иерусалим вместе с отцом. Во время путешествия он умер. Девушка осталась одна и пошла в монастырь. Ее пол оставался тайной, хотя монахи раздевались по пояс для бичевания.

Распространено мнение, что, начиная с десятого столетия, папа после выборов должен был проходить проверку пола. Эта легенда возникла независимо от истории о папессе Иоанне. Согласно хроникам доминиканца Роберта де Узе, написанным в 1409 году, папа должен был сесть на сидение, «где, как говорят, он доказывает, что является мужчиной». Пять лет спустя французский монах Годрид де Колонн из аббатства святого Пьера-ле-Вифа и Санс заявил, будто подобная практика введена из-за скандала с папессой, и добавил, что «римляне заимствовали способ определения пола избранного папы через отверстие в каменном стуле».

В ранних хрониках говорилось, что этот обычай направлен не только на то, чтобы не допустить на папский престол женщину, но и на то, чтобы про-

* «Гора маслин» в Иерусалиме, священное место для иудеев и христиан.

верить, не кастрирован ли папа. Евнухам запрещалось занимать папский престол.

Sedes Stercoraria, «кресло дознания» — «открыто снизу» и, в соответствии с традицией, «самый молодой дьякон должен проверить гениталии Его Святейшества».

Феликс Гамерлин так описывает эту сцену в 1490 году:

«Кресло продолжают использовать во время выборов папы до сих пор. Чтобы определить, достоин ли претендент занять престол, младший из присутствующих духовных лиц ошупывает его гениталии. Если все в порядке, он должен громко кричать: «У него есть яички». А все остальные духовные лица, присутствующие на испытании, отвечают: «Да будет благословен Господь». Только после этого начинается торжественная церемония коронации».

Гамерлин утверждает, что данная практика родилась во время выборов папы Бенедикта III (855—858), который, по его словам, являлся преемником папессы Иоанны. Из более ранних свидетельств следует, что кресло было впервые использовано, когда папский престол занял Пасхалий II в 1099 году — дата близка к первым упоминаниям о папессе Иоанне.

В пьесе «Женщина прелат», впервые поставленной в королевском театре в 1680 году, Элкана Сеттл предлагает свою версию описываемой процедуры.

Поскольку ни кардинал, ни иподьякон ни в коем случае не должны касаться гениталий Его Святейшества, это делает игуменья.

Бушар и еще несколько авторов утверждают, что в действительности использовалось два кресла с отверстиями. И в самом деле, до наших дней сохранилось два таких кресла. Пий VII (1800—1823) перевез их из собора святого Петра в музей Ватикана. Одно до сих пор находится в музее Пио Климентино. Другое отправилось в Париж, когда Наполеон разграбил Ватикан. Хотя многие предметы искусства со временем возвращены французами, кресло с отверстием осталось в Лувре.

Папесса появляется в некоторых вариантах колоде карт таро, как карта, противостоящая папе. Однако складывается впечатление, что *эта* папесса не имеет никакого отношения к папессе Иоанне. В 1260 году богатая и благочестивая женщина по имени Гуглиема из Богемии — хотя в некоторых версиях утверждается, будто она приехала из Англии — прибыла в Милан и быстро завоевала прекрасную репутацию. Она умерла в 1281 году и похоронена в цистерцианском монастыре в Чиаравалле. Вскоре ее останки стали предметом почитания. Некоторые из ее сторонников оказались настоящими фанатиками. Они верили, что Гуглиема является воплощением святого духа и обязательно вернется в 1300 году, свергнет порочного папу Бонифация VIII (1294—1303) и по-

ставит на его место молодую женщину из Милана по имени Мейфреда ди Пировано.

Вместе со своими приверженцами Мейфреда начала готовиться к своему возведению на папский престол. Они планировали создать новый конклав кардиналов, который будет в основном, если не полностью, состоять из женщин. Бонифацию и инквизиции подобные планы не понравились, и Мейфреда погибла на костре. Кое-кто утверждает, что легенды о папессе Иоанне родились благодаря Гуглиеме и Мейфреде. Однако история об Иоанне записана раньше, хотя и могла быть инспирирована приверженцами Гуглиемы. В конце концов, если имелась одна папесса, почему бы не появиться и второй?

Зато почти наверняка можно утверждать, что Мейфреда послужила прототипом для папессы в таро. Будучи монахиней ордена Умилиата, она приходилась родственницей — скорее всего, кузиной — Маттео Висконти. Семья Висконти известна тем, что заказала несколько колод карт таро. Одна из них, предположительно выполненная художником Бонифацием Бемпо, считается первой, где появилась папесса. Коричневая риза, в которую она одета, принадлежит ордену Умилиата.

В течение почти двухсот лет большинство колод таро имели карту «ла папесса». Позднее папу и папессу сменили два варианта комбинаций — в одном папа стоял или сидел, а в другом он был с

бородой или чисто выбрит. В некоторых колодах папесса превратилась в верховную жрицу.

В начале XIX века стала популярна карточная игра, которая называлась «папесса Иоанна». Она вела свое происхождение от французской игры «желтый гном» и постепенно превратилась в английскую «ньюмаркет». Никто не знает, откуда появилось это название.

Глава 6

ПАПСКАЯ ПОРНОКРАТИЯ

Папа Стефан VI (896–896) оказался в опасной близости к некрофилии, когда приказал выкопать тело своего предшественника Формоза (891–896), одеть его в облачение папы, посадить на трон и судить за лжесвидетельство и жажду власти.

Инспирировала это надругательство первая из целой плеяды женщин — новых создателей пап — по имени Агилтруда, герцогиня Сполето. Говорят, она была очень красивой, с голубыми глазами, длинными светлыми волосами и впечатляющей фигурой. Она возглавляла армию, захватившую Рим, и римскому императору Арнульффу пришлось послать свою армию во главе с папой Формозом, чтобы заставить ее вернуться в Сполето.

После захвата города Формоз умер, вероятно, от сердечного приступа — хотя многие утверждали, что его отравила Агилтруда. Формоза похоронили с

положенными почестями в Риме, а папский престол занял Бонифаций VI (896).

Бонифация вряд ли можно было назвать достойным кандидатом на должность папы, поскольку его дважды лишали сана за распущенность. Несмотря на то, что Бонифаций так и не был восстановлен, он стал папой благодаря поддержке народа — римляне чуть не взбунтовались, требуя его избрания. Он продержался всего пятнадцать дней и умер — почти наверняка его отравила Агилтруда. Она снова захватила Рим и посадила Стефана VI на римский престол. Все знали, что он абсолютно безумен, но это вполне устраивало Агилтруду. Именно по ее наущению Стефан выкопал полуразложившийся труп Формоза и подверг его суду.

Агилтруда присутствовала на знаменитом Трупном синоде и наслаждалась унижением своего заклятого врага Формоза — хотя того уже давно настигла смерть. Она привела с собой шестилетнюю девочку по имени Марозия, которая привлекла внимание тридцатилетнего кардинала Сергия.

Восемнадцатилетний дьякон стоял рядом с трупом Формоза и отвечал за него на вопросы. К сожалению, ему не хватало красноречия Перри Мейсона*, и Формоза признали виновным по всем предъявленным обвинениям. Его лишили папских

* Знаменитый адвокат, персонаж современного американского писателя, автора детективов Э.С. Гарднера.

одеяний, и отсекли три пальца правой руки. которой он делал папское благословение. Опозоренное тело проволокли по улицам Рима и сбросили в Тибр.

Кардинал Сергей отдал отсеченные пальцы Агилтруде. Когда он передавал ей этот отвратительный трофей, его глаза встретились с глазами ребенка. Несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте, между ними возникла связь, которая определила судьбу папского престола следующего столетия.

В тот самый момент, когда папа Стефан, Агилтруда, Марозия и кардинал Сергей выходили из Латеранского дворца после Трупного синода, послышался оглушительный грохот — обрушилась давно не используемая базилика святого Петра. Народ Рима увидел в том знамение, и Трупный синод, который сначала казался достаточно безобидным развлечением, имел совершенно неожиданные последствия. Поползли слухи о чудесах, которые совершал труп. Вскоре началось восстание против папы Стефана. Его лишили папского престола и бросили в темницу, где впоследствии задушили.

Разъяренная Агилтруда в очередной раз во главе армии вошла в Рим и, вопреки желанию церкви, посадила на престол папу Романа (897). Через четыре месяца он ей надоел, и она заменила его на Теодора II (897), которого настигла преждевременная смерть при весьма таинственных обстоятельствах. К 904 году были убиты папа Лев V (903—904) и сменивший его антипапа Христофор (также 903—

904). За восемь лет поменялось восемь пап. Новые хозяева Латеранского дворца возникали так быстро, что слуги очень неплохо наживались, каждый раз продавая старую обстановку.

Нет ничего удивительного в том, что в X веке папская власть стала синонимом насилия и коррупции. Этот период получил название папской порнокрапии — институтом папской власти управляли две женщины, которых христианский мир считал шлюхами. Мать и дочь — Феодора и Марозия, любовницы пап.

В то время в Риме не было императора. Городом успешно управлял консул Теофилакт, командир народного ополчения и финансовый директор Ватикана. Не менее важно то, что он являлся мужем амбициозной Феодоры. Ее называли «одной из самых бесстыдных проституток, живших в то время в Риме», а репутация двух ее дочерей, Марозии и Феодоры, мало чем уступала материнской. Младшая, Феодора, по всей видимости, была дочерью человека, ставшего папой Иоанном X (914—928). Однако Марозия взяла от матери гораздо больше, чем ее сестра. К тому же, она жаждала власти.

Феодора посадила на папский престол достаточно скромного Бенедикта IV (900—903); Лев V и антипапа Христофор также являлись ставленниками Феодоры. Затем папой стал Сергей III (904—911), которому не следовало становиться

Феодоре поперек дороги. Он был кардиналом, сыгравшим одну из главных ролей в Трупном синоде, устроенном Стефаном VI. Когда антипапа Христофор бросил Льва V в тюрьму, Сергей повел на Рим войска, и очень скоро Христофор тоже оказался в темнице. Сергей сам провозгласил себя папой, а потом, как говорят, из жалости, приказал задушить Льва и Христофора. Однако Феодора знала, как с ним справиться. Она отдала ему свою юную, но рано развившуюся и сексуальную дочь Марозию.

Марозия стала любовницей Сергия III в пятнадцать лет. Ему исполнилось сорок пять. Сергей умер через четыре года, оставив Марозии сына. То, что она была любовницей папы, оказало на Марозию глубокое влияние. Три брака и бесконечная череда любовников так и не излечили ее от нестерпимого стремления к папскому трону.

Маленькая Марозия часто бывала в Латеранском дворце, поскольку ее отец являлся одним из могущественных римских сенаторов. Когда Сергей в первый раз переспал с ней, она была хорошеньким ребенком. В течение всего своего правления Сергей наслаждался изумительным зрелищем распускающегося цветка — милая девочка превращалась в женщину удивительной красоты. Марозия же в объятиях папы упивалась не романтической юношеской любовью, а опьяняющей силой власти. Историки называли ее «бесстыдной шлюхой» и об-

виняли в осквернении папского престола. Ее сын от Сергия стал папой Иоанном XI (931–936).

К Сергию историки тоже относились без должного уважения, обвиняя его в бесконечных «связях с продажными женщинами». Согласно утверждению Барония, он не только занимался любовью с несовершеннолетними, но был «рабом всевозможных грехов и ужасно коварным человеком». Сергий восстановил базилику святого Петра, лежавшую в руинах после Трупного синода, и еще раз провел процесс против Формоза. Почивший папа и на сей раз не ушел от приговора.

Феодора выбрала двух следующих пап — Анастасия III (911–913) и Ландона (913–914). Ни один из них не отличался высокой нравственностью, а Ландон, как говорили, будучи «настоящим холостяком», провел большую часть своей жизни среди развратных женщин. Впрочем, его правление продолжалось всего семь месяцев. У него имелся незаконный сын, Иоанн, в которого влюбилась мать Марозии, Феодора. Она использовала свое влияние на Сергия, занимавшего в то время папский престол, чтобы сделать Иоанна епископом Болоньи, а потом архиепископом Равенны. Однако Феодоре не нравилось, что ее любовник находится далеко, поэтому, когда Ландон умер, она устроила так, чтобы Иоанн получил престол, который занимал его отец. Он стал папой Иоанном X (914–928).

Льюпренд, епископ Кремоны, писал, что Марозии все это совсем не нравилось, и между матерью и дочерью возникло нездоровое соперничество. Сыну Марозии было всего шесть лет — явно мало-вато для папского престола, даже для тех времен.

В 914 году, к моменту, когда Марозии исполнилось двадцать два года, и она, как говорят, достигла расцвета своей красоты и обаяния, ей принадлежало небольшое поместье на маленьком острове посреди Тибра. Там она принимала молодых аристократов и прелатов. Большинство относилось к тому типу епископов, которые являлись на мессу в сапогах со шпорами и кинжалами, свисавшими с охотничьих поясов, а перед поместьем их ждали оседланные лошади, чтобы они могли без промедления отправиться на соколиную охоту, как только служба закончится. Они жили в огромных домах, изукрашенных пурпурным бархатом, ели на золотой посуде, для них играли музыканты и танцевали красивые девушки, они спали на шелковых простынях в роскошных постелях, в комнатах, на стенах которых висели картины, изображающие их любовные победы. Марозия превосходно чувствовала себя в таком мире.

И тут на сцене появился принц из Ломбардии, Альберик. Он мог представлять для папы Иоанна X и Феодоры серьезную угрозу, поэтому они решили, что Марозия должна выйти за него замуж, чтобы семья могла его контролировать. Однако они про-

считались. В руках Марозии Альберик превратился из гипотетического врага в реального. Вместо того, чтобы объединиться с матерью и ее любовником, Марозия убедила мужа пойти на Рим войной. Переворот провалился, Альберик погиб, а Иоанн X заставил молодую жену взглянуть на изуродованный труп мужа. И снова совершил ошибку. Марозия, у которой родился сын Альберик II, умела мстить.

Когда в 928 году умерла Феодора, Марозия заключила Иоанна X в темницу и, рассчитывая возвести своего первого, незаконнорожденного сына на папский престол, приказала задушить подушкой Его Святейшество, своего приемного отца.

«Однако она обманулась в своих ожиданиях», — написал Льюпренд.

Сразу же после его смерти папой был избран Лев VI, но Марозия довольно скоро убрала его со своего пути, прибегнув к помощи яда. Однако ее опять ждало разочарование, поскольку папский престол занял Стефан VII, который прожил после этого всего несколько лет — его ждала такая же смерть и от той же руки в 930 году.

Желание Марозии исполнилось только в 931 году, и ее внебрачный сын вошел на престол под именем Иоанн XI. Считается, что он очень много времени проводил среди «чудовишно распутных

женщин». Между тем его мать не теряла времени зря. От первого мужа у нее родился сын, амбициозный Альберик II; теперь она собиралась выйти замуж за брата Альберика, Хьюго из Прованса. Он был женат, но сын Марозии, папа Иоанн XI устроил для своего дяди развод. Кроме того, он официально присутствовал на их свадьбе, хотя в глазах церкви брак считался незаконным, поскольку Хьюго приходился Марозии шурином.

Во время свадебного завтрака сын Марозии Альберик II и ее новый муж обменялись оскорблениями. Через несколько месяцев Альберик повел вооруженную толпу на замок Сент-Анджело. Хьюго, в одной ночной сорочке, спрятался в корзину и сумел перебраться через городские стены, но Альберик захватил свою мать, Марозию, и сводного брата, папу Иоанна XI, и бросил их в тюрьму.

После того, как Альберик II объявил себя правителем Рима, он отпустил папу Иоанна XI. Однако продолжал держать его под домашним арестом в Латеранском дворце, где ему разрешалось заниматься лишь церковными таинствами. Марозия оставалась в темнице самого укрепленного и высокого здания в Риме — замка Сент-Анджело, который был мавзолеем императора Адриана. Она провела там более пятидесяти четырех лет.

Альберику не стоило проявлять к ней такую жестокость. У него самого родился внебрачный сын,

Октавиан, который стал папой Иоанном XII (955–964), первым римским папой, сменившим имя. Говорят, что среди множества его любовниц была одна из наложниц отца.

Альберик управлял Римом в течение следующих двадцати двух лет и назначил пятерых пап, один из которых, Марин II (942–946), как говорят, являлся «сыном простой женщиной и некроманта».

Наконец, после смерти Альберика, папа Иоанн XV (985–996) сжалился над Марозией. В 986 году он отменил отлучение и послал кроткого епископа, чтобы тот изгнал демонов, которые до сих пор жили в душе девяносточетырехлетней женщины. Затем ее казнили. За день до казни ее посетил шестилетний Оттон III, римский император. Марозия сидела в тюрьме по приказу папы, а не светских властей, но императору хотелось посмотреть на женщину, которая была любовницей одного папы, матерью другого и бабушкой третьего. Марозия и ее мать усадили на папский престол девять пап за восемь лет. Двое были задушены, один задохнулся под подушкой, а четверо нашли свою смерть при обстоятельствах, на которые так и не удалось пролить свет.

В камеру Марозии Оттона сопровождал молодой епископ.

— Марозия, дочь Теофилакта, ты еще среди живых? — спросил епископ, обращаясь к груде грязного тряпья, валявшегося на старой соломе в убо-

гой камере. — Я, епископ Иоанн, приказываю тебе отвечать во имя деви Марии.

Лежавшая лицом к стене Марозия даже не пошевелилась.

— Я еще жива, милорд епископ. Еще жива, — прошептала она. А потом после долгой паузы сказала: — За все мои грехи, прощение... прощение.

Епископ начал читать приговор:

— Марозия, в возрасте пятнадцати лет, в период правления святого папы Сергия, следуя примеру своей предавшейся Сатане матери, Феодоре, ты участвовала в заговоре против папского престола...

Марозию обвинили в том, что вместе со своим сыном, папой Иоанном XI, она попыталась захватить власть над миром, и в том, что «осмелилась, как древняя Иезавель, взять третьего мужа». И даже посчитали виновной в грехах ее внука, папы Иоанна XII, хотя она оставалась в темнице во время его скандального девятилетнего правления. Не будем забывать, он являлся сыном человека, заточившего ее в темницу.

В приговоре говорилось:

Твой внук, папа Иоанн XII, нарушил клятву, данную своему Великому императору. Он похитил сокровища римских пап и бежал к врагам Рима, после чего Святой синод сместил Иоанна и отдал престол папе Льву VIII. Когда изменник вернулся в Рим, он изгнал Льва VIII, отрезал нос, язык и два пальца

кардиналу-дьякону, содрал кожу с епископа Олгера, отрубил голову церковному нотариусу Аззо и казнил шестьдесят три представителя духовенства и аристократии Рима. В ночь на 14 мая 964 года, когда он предавался разврату с римской матроной, его застал на месте преступления муж, который в припадке гнева проломил ему голову молотком, отправив злую душу к сатане...

Марозия, наверное, ужасно переживала из-за того, что не смогла стать участницей столь потрясающих развлечений.

Когда молодой епископ закончил читать приговор, в камеру проскользнул палач, положил подушку на лицо старой женщины и задушил ее «ради спокойствия святой Церкви и благополучия римского народа».

Даже после смерти Марозия продолжала влиять на папский престол — теперь через брата Иоанна XII, Григория. Бенедикт VIII (1012—1024) и Иоанн XIX (1024—1032) были правнуками Марозии, Бенедикт IX (1032—1038) — ее праправнуком.

Лююпренд из Кремоны так описал период порнокрации:

Некая бесстыдная шлюха по имени Феодора... одно время единолично правила Римом и — сейчас даже стыдно повторять такие слова! — делала это исключительно по-мужски. Две ее дочери, Марозия и

Феодора, сумели превзойти свою мать в упражнениях, которые так любит Венера.

Кардинал Бароний, описывая Марозию и ее мать, назвал их «тщеславными Мессалинами, похотливыми, хитрыми и исполненными коварства», и заявил, что они «правили Римом и оскверняли святой папский престол вместе со своими любовниками».

Впрочем, это уж немного слишком. Феодора и Марозия грешили не в одиночку. В X веке все представители духовенства, включая и тех, кто занимал папский престол, отличались чудовищной распущенностью. Епископ Зегенфрид из Ле-Мана был женат на своей Хильдеберге тридцать три года и настаивал на том, чтобы к ней обращались «епископесса», а отойдя от дел, передал богатую епархию своему сыну Альберику.

Другой Альберик, епископ Марсико, также передал митру и жезл своему сыну. Однако, выйдя на покой, он через несколько лет заскучал и решил, что пришла пора заполучить знаменитое аббатство Монте-Кассино. Альберик заплатил главарю разбойников кругленькую сумму за то, чтобы тот принес ему глаза аббата.

Глава 7

РИМСКИЕ ОРГИИ

Уто касается отношения к сексу, Иоанн XII (955–964) был не намного лучше своей бабушки Марозии. Ему исполнилось шестнадцать, когда он принял духовный сан, но сердце его к карьере священника не лежало. Говорят, он грешил как никто с начала времен, и целые монастыри молились о его смерти.

Иоанн, ненасытный бисексуал, собрал вокруг себя самых развратных аристократов обоего пола. Его даже обвиняли в том, что он превратил собор святого Петра в бордель. Иоанн оплачивал свои карточные долги из папской сокровищницы, обожал глупые шутки, вроде возведения в епископский сан десятилетнего мальчика. Играл на приношения пилигримов, дарил своим любовникам золотые потиры из собора святого Петра, содержал конюшню в тысячу лошадей, которых кормил

миндалем и фигами, вымоченными в вине. Священный Латеранский дворец превратился в гарем, и «инцест придавал особый аромат его преступлениям, поскольку обычное распутство его уже не увлекало».

Граждане Рима жаловались, что женщин-пилигримов, которые раньше наводняли святые места, отпугивала его «чудовищная похоть». Их похищали по приказу Иоанна, потому что он «любил коллекционировать женщин», как писал историк Бенедикт.

Отпугивание пилигримов, как и посвящение епископа в сан на конюшнях, не могло не вызвать бурю протеста. Но когда один из кардиналов указал ему на это, Иоанн XII повелел его кастрировать. Вскоре кардинал умер.

В X веке подобное поведение само по себе никого особенно не удивляло, но Иоанн, к тому же, оказался не слишком ловким политиком. Он поддержал короля Оттона I из Саксонии, выступившего против Беренгара, правителя северной Италии. После того, как Оттон был коронован в соборе святого Петра и назван императором Рима, Иоанн передумал и начал вести переговоры с Беренгаром. Оттон узнал и написал Иоанну:

«Все, духовенство и миряне, обвиняют вас, Ваше Святейшество, в убийствах, лжесвидетельствах, осквернении святынь, инцесте с ближайшими родственниками, в том числе с двумя сестрами, не гово-

ря уже о том, что вы возродили языческий культ Юпитера, Венеры и других демонов».

Иоанн отверг все обвинения, как «сплетни, которые повторяют распутные епископы». Нашлись и защитники папы, утверждавшие, будто Иоанн еще очень молод, и ему нужно дать немного перебежаться. Пройдет время, утверждали они, и он образумится.

Однако Оттона такие доводы не удовлетворяли. Он поставил перед Иоанном условие — либо он пришлет ему двух епископов, которые поклянутся, что все обвинения не соответствуют действительности, либо двух воинов, которые решат вопрос в схватке с двумя воинами Оттона. Иоанн отказался ответить на вызов Оттона, в ответ император вернулся в Рим и в соборе святого Петра собрал трибунал из прелатов и аристократов Германии, Франции и Италии, чтобы судить Иоанна XII.

Список обвинений казался бесконечным:

...вступал в противозаконную связь с двумя своими сестрами, играл в кости и привлекал дьявола себе в помощь с целью одержать победу, возвел в епископский сан мальчиков с целью получения денег, совратил бесчисленное множество девственниц, превратил папский дворец в сераль или публичный дом, делил постель с блудницей собственного отца, некой вдовствующей королевой, вдовой по имени Анна и собственной племянницей, прика-

зал ослепить исповедника собственного отца, принимал публичное участие в охоте, постоянно носил оружие, поджигал дома, а по ночам бил окна...

Поговаривали, что папа Иоанн XII заключил договор с дьяволом и пьет за его здоровье, спит с матерью, насилует святых девственниц — монахинь, совершает прелюбодеяния, убийства и оскверняет святыни. Весьма впечатляющий список даже для средневекового папы.

Когда Иоанна призвали ответить на выдвинутые против него обвинения, он прислал записку на плохой латыни, в которой отлучал от церкви Оттона и всех, кто собрался на процесс. Когда же к нему обратились во второй раз, он ответил: «Папа отправился на охоту».

Иоанна в его *absentia** признали виновным в инцесте, прелюбодеянии и убийстве. А затем сместили с папского престола. Оттон потребовал, чтобы его место занял уважаемый священник, но синод не смог найти подходящей кандидатуры. В результате папой стал Лев VIII (963—965), который был мирянином. Однако римлянам не понравилось, что им навязали такого папу. Как отмечал писатель XVIII века Киприано де Валера, «больные женщины, с которыми общался папа», объединились и атаковали армию Оттона. Оттон, в свою

* Отсутствие (лат.).

очередь, в результате кровавой битвы вновь захватил город, но не сумел его удержать. Иоанна XII со временем вернули на папский престол — благодаря «группе шлюх».

Он отлучил от церкви Льва VIII, а потом принялся сводить счеты с духовенством, поддержавшим его врагов. Одного приказал выпороть. Другому отрубить руку. Третьему отсекли нос, два пальца и вырвали язык. Так бы и продолжалось дальше, если бы Иоанн XII неожиданно не умер. Оскорбленный муж одной из его любовниц, застав Иоанна на месте преступления, заколол его. Другие источники утверждают, будто муж проломил ему голову молотком. Когда Иоанн XII умер, ему было двадцать четыре года.

То, как папа Иоанн XII встретил свою смерть, позабавило римлян. Говорили, что ему повезло умереть в постели, даже если она ему и не принадлежала. На папский престол взошел Бенедикт V (964), но Оттон был полон решимости вернуть на трон своего человека, Льва VIII. Он осадил Рим, но город стойко защищался, пока запасы продовольствия не подошли к концу и не началась чума. 23 июня ворота Рима распахнулись, и Бенедикта вышвырнули вон. Лев VIII сорвал с него папские одеяния и отправил в ссылку.

Такова одна из версий. В другой утверждается, что Бенедикт V, прихватив с собой папскую казну, бежал в Константинополь после того, как обесчес-

тил девушку. В Рим он вернулся только когда у него кончились деньги. Он пал от руки очередного ревнивого супруга, а на его теле осталось множество ран. Тело Бенедикта протащили по улицам города, прежде чем сбросить в выгребную яму. Церковный историк Герберт, ставший папой Сильвестром II (999—1003), называл Бенедикта «самым отвратительным из всех чудищ зла».

Хотя лидеры римского сопротивления на могиле святого Петра поклялись императору Оттону в верности, обещав больше никогда не поднимать мятеж, все же после смерти Льва и возведения на папский престол сына Иоанна XII, Иоанна XIII (965—972), они снова взялись за оружие. На сей раз Оттон не пощадил никого. Многие аристократы закончили свои дни на виселице, других он приказал ослепить. Префекта Оттон отдал Иоанну, который оказался милосерднее своего императора. Сначала Иоанн подвесил его за волосы к статуе Марка Аврелия. Потом префекта раздели, привязали колокольчик в качестве хвоста и провезли по улицам, обваляв в перьях. А затем выслали в Альпы.

Как и других пап из его семьи, Иоанна XIII обвиняли в прелюбодеяниях. Говорили, что «возбудить его могли только девственницы и монахини; Латеранский дворец он превратил в публичный дом; соблазнил любовницу отца и собственную племянницу».

Впрочем, нужно отдать должное Иоанну XIII. Он вернул стиль папской власти. Жил как принц, ел на золотой посуде, пил из украшенных самоцветами кубков, в то время как его развлекали красивые танцовщицы.

Историк Григоровий утверждает, будто римские папы того периода «спали в объятиях любовниц на шелковых подушках, в кроватях, изукрашенных золотом, предоставив своим вассалам, слугам и рабам следить за порядком». Кроме того, они играли в кости, охотились, катались на лошадях с золотыми уздечками и путешествовали в роскошных экипажах «в окружении огромного количества паразитов».

Иоанн XIII — еще один папа, который погиб от руки разъяренного мужа, поймавшего главу римской церкви на месте преступления.

Глава 8

ТРЕБОВАНИЕ БЕЗБРАЧИЯ

Смерть папы Иоанна XIII в 972 году, а через год и Оттона I, не положила конец соперничеству между римскими националистами и Священными римскими императорами. Мать преемника Иоанна XIII, Бенедикта VI (973–974), незаконнорожденного сына монаха, была из франков. В те времена многие французские, английские и испанские леди попадали в Рим, где становились жертвами насилия и оставались в качестве куртизанок.

В Бенедикте видели причину многих безобразий, вскоре «за пороки» его отправили в замок Сент-Анджело, где впоследствии задушили. Кресенци, могущественная римская семья, которая возглавила восстание, посадила на папский престол Бонифация VII (974; 984–985). Папа Сильвестр II называл его «отвратительным чудовищем», а Реймский си-

нод осудил, как «человека, чьи преступления превзошли пороки всех остальных людей».

Юный наследник императора, Оттон II, изгнал Бонифация из Рима, но тот сумел сбежать в Константинополь, прихватив с собой папскую казну, и стал антипапой, когда его заменил Бенедикт VII (974—983). В 983 году Оттон II скоропостижно скончался, Бонифаций вернулся и посадил под арест преемника Бенедикта, Иоанна XIV (983—984). Ему вырвали глаза, и несчастный умер в тюрьме то ли от голода, то ли от яда. Тогда римляне выступили против Бонифация. Его убили, раздели догола, а тело выставили перед статуей Марка Аврелия. Позднее его проташили по улицам, и «толпа варварски над ним надругалась».

Вслед за Иоанном XV (985—996), сыном священника, на престол взошел двадцатичетырехлетний немец, представитель императорской семьи, Григорий V (996—999). Семья Кресенци изгнала его из Рима и выставила папскую тиару на продажу. Богатый грек выплатил крупную сумму и стал антипапой Иоанном XVI (998—1001). Он оказался «таким порочным, что от него отвернулось и духовенство, и народ Рима».

Преемнику Оттона II, Оттону III было всего три года, когда умер его отец. К тому времени, когда ему исполнилось семнадцать, император решил положить конец «папским безобразиям». Он двинулся на Рим с большой армией и нашел

Иоанна XVI, прячущегося в Кампанье*. Вероятно, Иоанн пожалел, что выплатил такую огромную сумму за папский престол. Ему отрезали нос, язык и уши, а потом выдавили глаза. Затем отправили в римский монастырь, где он и умер в маленькой келье.

Престол снова вернулся к Григорию V, но Кресенци продолжали удерживать замок Сент-Андже-ло. Он пал 29 апреля 998 года. Глава семьи попал в плен. Ему вырвали глаза и искалечили руки и ноги. Потом его протащили по римским улицам на коровьей шкуре. А затем обезглавили на крепостной стене, труп вместе с телами других двенадцати вождей мятежников повесили на виселице возле Монте-Марио.

Когда Григорий умер, его сменил Сильвестр II (999–1003) — ходили слухи, что он продал душу дьяволу, чтобы вернуть себе папский престол, а также, что он был атеистом и занимался колдовством. Уроженец Франции, Григорий отправился в Севилью, где обучался искусству черной магии у мавров. Рассказывают, будто он украл у одного мавра книгу волшебных заклинаний, прибегнув к помощи его дочери, с которой Сильвестр заключил «незаконный союз».

Еще в молодости, когда Сильвестр служил секретарем у архиепископа Реймского, «сына святого Лотаря и его любовницы, святой Валдрады»,

* Долина недалеко от Рима.

он оказался вовлеченным в скандал. Архиепископ «погряз в грехах, обычных и противоестественных», но когда к ним добавилась измена, король Франции приказал синоду разобраться с его преступлениями. Его признали виновным и приговорили к смерти. Молодого Сильвестра также осудили за участие в «недостойных деяниях» архиепископа.

Сильвестр не обращал особого внимания на невыполнение духовенством обета безбрачия. Возможно, он и сам был женат. Будучи аббатом Боббио, Сильвестр написал письмо своему патрону, императору Оттону II, в котором содержался намек на жену и детей. Выбирая между законным браком и развратными нравами, распространенными среди духовных лиц того времени практически повсеместно, он признавал меньшее из двух зол.

Папу Сильвестра II убили 17 мая 1003 года. Его преемником стал Иоанн XVIII (1003) — по рождению Джованни Фасан, что на итальянском означает «петух». Через семь месяцев после вступления в должность его отравили. Сергей IV (1009—1012) получил прозвище *Vucca Porci* — «Свиное Рыло».

Бенедикт VIII (1012—1024), по слухам, сын Григория, епископа Портуи, был мирянином и стал папой благодаря влиянию своего племянника Теофилакта, советника Сильвестра II. Предполагалось, что Теофилакт унаследовал книгу заклинаний, ко-

торуую Сильвестр украл у мавра из Севильи. Согласно кардиналу Бено, он использовал заклинания, чтобы жены бросали своих мужей и следовали за ним.

Бенедикт VIII стал папой, прикончив своего предшественника. Архиепископ Нарбонны обвинил его в «симонии, убийстве и ростовщичестве; в неверии в святое причастие и бессмертие души; в том, что он силой заставлял других духовных лиц нарушать тайну исповеди; в прелюбодеянии с двумя племянницами и в том, что он прижил с ними детей; и, наконец, в использовании вырученных за индульгенции денег на финансирование вторжения сарацинов в Сицилию».

Епископ Бено обвинил Бенедикта VIII во «множестве прелюбодеяний и убийств», в то время как папа Виктор III упоминал «изнасилования, убийства и другие чудовищные преступления». Была предпринята попытка заставить его предстать перед Лионским судом, но Бенедикт категорически отказался.

Бенедикт оказался первым папой, которому пришлось сесть на «дырявое кресло» — речь идет о кресле с отверстием, служившем для проверки пола кандидата на папский престол.

После выборов Иоанна XIX, властью в Риме завладела коррумпированная семья Тускулани. Их владения смотрели на Рим с высот Тускула*.

* Древний город в Италии.

в 1032 году Иоанн XIX умер при чрезвычайно подозрительных обстоятельствах, один из его родственников примерил папское одеяние своему двенадцатилетнему сыну, Теофилакту, и посадил его на папский престол под именем Бенедикт IX (1032–1044; 1045; 1047–1048). Новый папа установил рекорд, дважды возвращаясь к власти. Еще ребенком оказавшись в кресле святого Петра, он «рос, не зная никаких ограничений, умудряясь шокировать скандалами в своей повседневной жизни привыкших к самым невероятным вещам современников».

Говорят также, что дитя-папа Бенедикт «продемонстрировал удивительно раннее развитие во всех видах разврата и греха». Высокое положение оказало на ребенка колоссальное влияние. Он был бисексуалом, занимался сексом с животными и приказывал убивать людей. К тому же Бенедикт IX увлекался колдовством и сатанизмом.

«Демон из ада в обличье священника занял папский престол», — писал один из современников.

Святой Петр Дамиан сказал: «Этот негодяй с самого начала правления и до конца жизни упивался своей распущенностью».

Еще рассказывали, что «он любил вызывать злых духов в лесу и уединенных местах, а при помощи черной магии будил в женщинах похоть». Молодой папа жил в Латеранском дворце как турецкий султан. Он «предавался самым гнусным грехам и по-

стыдному разврату». Во время правления Бенедикта IX папский престол скатился в пропасть глубочайшего морального разложения. Между тем, его братья управляли городом как хозяева — в результате Рим захлестнула волна разбоя и насилия. Историк Григоровий так описывал тогдашнюю ситуацию: «Все законы перестали действовать... Те дни скрыты в тумане неуверенности — дни, когда наместник Бога на земле оказался греховнее, чем император Элагабал».

Данте также считал, что при Бенедикте папская власть пала так низко, что дальше уже падать было некуда, и описал многих пап в своем «Аду». В Четвертом круге обнаженные кардиналы и прелаты приговорены к вечному перетаскиванию огромных валунов.

Бенедикт устраивал в Латеранском дворце грандиозные гомосексуальные оргии; к тому времени, когда ему исполнилось двадцать три года, распутный образ жизни папы производил такое отталкивающее впечатление, что его едва не задушили на алтаре во время апостольской мессы. Спасло Бенедикта лишь солнечное затмение. Наступившая темнота позволила ему незаметно скрыться.

В 1024 году заговорщики, поставившие своей целью спасти Рим от Бенедикта IX, добились успеха. Однако антипапа Сильвестр III (1045), который получил престол при помощи взяток,

оказался не самой лучшей альтернативой. Смена власти сопровождалась жестоким сражением, которое приостановилось лишь благодаря землетрясению. Чувственного и порочного Сильвестра обвинили в том, что он больше общается с сатаной, чем с Христом. И снова поползли слухи, что он пытается вызвать дьявола и пользуется черной магией, чтобы завлечь женщин в свою постель. Сильвестру удалось прожить в Латеранском дворце всего два месяца — после чего вернулся Бенедикт IX и нашел книгу заклинаний, которую Сильвестр бросил при поспешном бегстве. Антипапа скрылся в Сабинских горах и больше никогда не претендовал на папский престол.

Примерно через два месяца после возвращения Бенедикту наскучило исполнять обязанности папы. Он планировал жениться на своей красивой кузине, дочери Джерарда де Саксо, заявившего, что Бенедикт должен сложить с себя обязанности папы, если хочет получить руку его дочери. В результате Бенедикт продал папский престол своему крестному отцу, Иоанну Грациану, за 1500 фунтов и лепту святого Петра — подарок английской церкви. Грациан стал Григорием VI. Он утверждал, что его восшествие нанесло серьезный удар по симонии — продаже церковных должностей. В тот момент новость о сделке, которую он заключил с Бенедиктом, еще не успела просочиться в массы.

Однако предполагаемая невеста отвергла Бенедикта. И тогда он «погрузился в самые невероятные наслаждения». Продолжая жить в Латеранском дворце, превратил его в бордель — говорят, лучший в Риме.

Как только выяснилось, что Григорий VI купил право называться папой, он его тут же лишился. Однако никто не знал, какова должна быть мера наказания. Его нельзя было предать суду — прецедент создал еще святой Симмах. Бенедикт, в свою очередь, отрицал, что продал папский престол Григорию. Он утверждал, что лишь возместил взятку, которую его отцу пришлось заплатить конклаву кардиналов, чтобы в самом начале упрочить положение сына в роли папы римского.

Король Генрих III из Германии посадил на папский престол Климента II (1046—1047) из Баварии, но после беспорядков в Риме Климент вернулся домой в Бамберг. Объясняя свое отсутствие в Риме в папской булле, он говорит о «миллой супруге», с которой не может расстаться. В Бамберге его отравили. Кое-кто обвинял в его смерти Бенедикта IX, вновь занявшего Латеранский дворец.

Бенедикт ничуть не изменился. В 1048 году его навсегда изгнали из Рима, и он умер в неизвестности где-то после 1055 года. В некоторых церковных хрониках пишут, что он умер в монастыре, в

покаянии. Однако, учитывая то, как он жил, такой исход представляется маловероятным.

К счастью, у Генриха III хватало новых кандидатов на папство. Он возвел на престол Дамаса II (1048), который умер, не продержавшись в Латеранском дворце и месяца — вероятно, его тоже отравили. Генрих поставил на его место Льва IX (1049—1054).

Глава 9

СЕКС И НАСИЛИЕ

В XI веке была предпринята новая попытка пресечь разврат. Знаменитые теологи со всей серьезностью продолжили дискуссию о расплате за мастурбацию, нечистые мысли, проглатывание семени, питье менструальной крови и замешивание теста на обнаженных женских ягодицах.

В качестве универсального средства предлагалась порка. Теологи рекомендовали поцелуи плоти практически за любые грехи. Духовенство занималось самобичеванием, а греховных мирян секли местные священники — обычно в церквях, в специально отведенных помещениях, что вело к самым разнообразным злоупотреблениям. Некоторые наказуемые утверждали, что порка «лишь воспаляла в них страсть, которую должна была подавить».

В те времена особенно старательно преследовался гомосексуализм. В XI веке святой Петр Дамиан написал длинный трактат под названием «Книга Гоморры», в котором речь шла о гомосексуализме и священниках. Он предлагал свой собственный вариант наказаний. Естественно, главное место занимала порка.

«Священника или монаха, соблазнившего юношу или мальчика, или застигнутого целующимся, или в других неприличных ситуациях, следует публично высесть, — писал он. — Затем его необходимо лишить тонзуры. После того, как голова грешника будет обрита, ему следует испачкать лицо и заковать в железные цепи. Он должен просидеть в тюрьме шесть месяцев и питаться лишь хлебом с водой, поскольку, раз уж он ведет себя, как мул... то и кормить его положено зерном, точно мула».

Из отчетов византийских послов известно, что каждому претенденту перед посвящением в сан епископа задавали четыре вопроса: «Занимались ли вы любовью с мальчиками? Ложились ли в постель с монахиней? Совершали ли непристойные акты с четвероногими животными? Нарушали ли супружескую верность?»

Не очень понятно, на какие вопросы следовало отвечать «да», а на какие «нет». Не будем забывать, что в «Книге Гоморры» говорится о том, что взяточничество, распутство, скотоложство и убийство среди прелатов были делом самым обычным.

Дамиан пытался убедить папу Льва IX (1049–1054) не лишать гомосексуалистов сана, но Лев отказался. Первым делом новый папа обрушился на молодых священников, увлекающихся женщинами; выступая против гомосексуалистов, он рисковал вообще остаться без духовенства.

Святой Петр Дамиан без особого успеха пытался навязать обет безбрачия духовенству Милана. Он поносил жен священников:

Я обращаюсь к вам, любимицам священников, к вам, избранницам дьявола, отравительницам разума, когтящим души, к тем, что являются сосудами греха, инструментами разрушения. К вам обращаюсь я, служанкам нашего древнего врага, гарпиям, вампирам, летучим мышам, пиявкам, волчицам. Придите и послушайте меня, шлюхи, толстые свиньи, валяющиеся на мягких перинах, нимфы, сирены, Дианы, хитрые тигрицы, подлые гадюки...

Однако священники никак не могли понять, почему интимные отношения с женами являются прелюбодеянием. Более того, Дамиан был ужасно смущен, когда обнаружил, что священники Пьемонта, безупречные во всех остальных отношениях, женаты все до единого. Тем не менее, он с неустанным рвением продолжил свой крестовый поход. А чтобы сделать свою точку зрения более

убедительной, даже кастрировал нескольких священников.

Преемник Льва, Виктор II (1055—1057) продолжал вести борьбу против развратного поведения священников. Несколько епископов лишились сана, но это не повлияло на поведение остальных.

Николай II (1058—1061) просил своих епископов стать для остальных священников образцом морали. Они ответили, что сожалеют, но не готовы дать обет безбрачия. Брак среди духовенства был так распространен, что уже не преследовался по каноническим законам. Епископы не собирались порицать своих священников, если они вели себя пристойно и не пытались жениться во второй или в третий раз. Однако такое положение вещей не устраивало папу, который настаивал на том, что иметь жену греховнее, чем содержать любовницу.

Александр II (1061—1073) избрал другой путь. Он полностью прекратил борьбу со священнослужителями, предающимися греховным утехам. Когда в 1064 году на месте преступления был пойман священник, занимавшийся любовью с собственным отцом, Александр не стал лишать его сана и даже не отказал в святом причастии. В конце концов, он ведь не был женат. В 1066 году Александр II даровал прощение священнику из Падуи, совершившему акт кровосмешения со своей матерью.

Григорий VII (1073—1085), по слухам, «получил папский престол благодаря колдовству». Он

был карликом и требовал, чтобы принцы целовали ему ноги. Кроме того, он открыл целую школу фальсификаторов, которые занимались тем, что подделывали древние документы, укреплявшие власть папы. Григорий VII первым отлучил от церкви Генриха IV. Ходили упорные слухи, что он «отравил шестерых епископов и сверг своего господина Александра».

Несмотря на собственные недостатки, Григорий был полон решимости прекратить преступления против морали, совершаемые духовенством. Он попытался вновь ввести в действие эдикт о запрещении брака и содержании любовниц. Его рассуждения звучали достаточно просто: «Церковь не сможет освободиться от власти мирян до тех пор, пока священники не освободятся от власти своих жен».

На первом совете епископов в Риме в 1074 году, Григорий лишил сана всех женатых священников. Он сделал это, договорившись с графиней Матильдой, которая, по слухам, была его любовницей.

Попытка Григория навязать духовенству обет безбрачия встретила яростное сопротивление, особенно в Германии и Франции. Григория обвинили в атеизме и лицемерии. Все знали, что он «завел роман с графиней Матильдой». Один из критиков эдикта Григория выразил свое возмущение такими словами: «Папа, сам развратник и прелюбодей, запрещает священникам вступать в честный брак».

Годфри Горбун, муж Матильды, долгие годы живший в ссылке, в Германии, доставлял Григорию массу неприятностей. Напряжение спало только после таинственного убийства Годфри в 1076 году.

Архиепископ Майнца и немецкие епископы пришли к соглашению, что Григорий недостойн занимать папский престол. К ним с радостью присоединился патриарх Константинополя. Он заявил: «В Западной церкви рождается множество детей, но никто не знает их отцов».

Однако папская кампания против «прелюбодеяния» продолжалась. «Согрешившие священники, — заявлял Григорий, — перестают быть священниками».

«Иными словами, папа считает, что согрешившие люди перестают быть людьми?» — спрашивали критики.

По сути дела, законы Григория превращали «в проституток тысячи ни в чем не повинных жен, и приводили в смущение и гнев священников». Начались многочисленные разводы. Брошенные жены кончали жизнь самоубийством.

В самом Риме у Григория возникло еще больше проблем. Базилику святого Петра охраняли шестьдесят женатых мирян. Они надевали кардинальские мантии и проводили мессы для наводнявших Рим пилигримов, принимая от них богатые дары. И в результате вели роскошную и часто разгульную жизнь, могли позволить себе иметь не только жен,

но и любовниц. Часто вместе с прохожими они устраивали оргии прямо на ступенях базилики. Возмущенный таким поведением Григорий распустил их, и они быстро присоединились к его многочисленным врагам.

В канун рождества 1075 года отряд вооруженных солдат ворвался в склеп святой Марии Маггиоры, где Григорий проводил полуночную мессу. Они ранили его, за волосы стащили с алтаря и заточили в укрепленную башню, принадлежавшую одному римскому аристократу, там хозяин вместе со своими сестрами пытал Григория и издевался над ним. Город был охвачен волнениями, но на следующий день толпа выяснила, где находится Григорий, и штурмом взяла башню. Папу освободили, и он вернулся, чтобы закончить прерванную мессу.

Тем не менее, кризис продолжался. Немецкое духовенство терялось в догадках, где найти ангелов, которые могли бы заменить женатых священников, лишенных сана. В 1076 году группа итальянских епископов под предводительством епископа Павии отлучила папу от церкви за то, что он разлучил мужей с женами, навязав им тем самым греховный образ жизни вместо освященного Богом брака. Брикский собор в 1080 году признал Григория виновным в «навязывании развода законным супругам».

Со временем Григорий прекратил свою кампанию против «разврата». Если бы он привел в ис-

полнение свою угрозу изгнать всех не соблюдающих сексуальную чистоту священников, он уничтожил бы католическую Церковь.

Кроме всего прочего, Григорий VII считал, что простым людям не следует читать Библию. Чтение толкает к размышлениям, которые, в свою очередь, рожают ересь.

Запреты Григория привели к конфликту с римским императором Генрихом IV. Чтобы сместить Григория, Генрих собрал синод из двадцати шести немецких епископов, который, среди прочего, предъявил Григорию обвинение «в скандальных связях с женщинами», главным образом, имелась в виду графиня Матильда Тосканская. Однако Григорий оказался сильнее. Он отлучил Генриха от Церкви и объявил о его смещении с императорского трона. И тогда Генриху пришлось отправиться на юг, чтобы просить прощения. Григорий, опасаясь предательства, скрылся во владениях графини Матильды Тосканской. Когда же выяснилось, что Генрих действительно раскаялся, Григорий заставил его в одной легкой рубашке прождать аудиенции за мощными стенами крепости графини целых три холодных январских дня. Григорий, который регулярно занимался самобичеванием, получал огромное удовольствие, наблюдая за страдающим от холода Генрихом. Только после того, как графиня Матильда убедила папу, что Генрих умрет, если он немедленно его не примет, Григорий согласился

переговорить с императором. Молодой и красивый Генрих, одетый в лохмотья, возвышался над карликом Григорием, голову которого украшала папская тиара. Тем не менее, Григорий вынудил Генриха отречься от императорской короны ради отпущения грехов.

Впрочем, Генрих недолго предавался покаянию. Не следует забывать: он все еще оставался королем Германии. В 1084 году, захватив Рим, он возвел на престол антипапу, Климента III (1084—1100). Григория, осажденного в замке Сент-Анджело, освободили заключившие дружественный союз норманны и сарацины из Сицилии, а также отряды галабрианских крестьян. Генриху пришлось отступить.

Однако для Григория лекарство оказалось опаснее болезни. Вернув папу в Латеранский дворец, его союзники приступили к грабежу и насилию. Римляне винили во всем Григория. После этого удара он так и не оправился от стыда и на следующий год умер в Салерно.

Преемник Григория, Виктор III (1086—1087), по слухам, «получил папский престол при помощи Матильды, его любовницы». Той самой графини Матильды, в связи с которой обвиняли Григория VII. После выборов, но еще до торжественной церемонии посвящения, Виктору пришлось бежать из Рима из-за волнений, устроенных разъяренными приверженцами Григория. Его преемник, Урбан II (1089—

1099), как говорят, добрался до папского престола «тем же способом» — то есть через постель Матильды.

Тем не менее, оказавшись у власти, Урбан II возродил к жизни закон, запрещающий священникам брак; однако отменить сам грех он был не в силах. При Урбане французский король Вильгельм отправился в крестовый поход. На его щите, вместо обычного креста, красовалось изображение его обнаженной возлюбленной. Крестовый поход закончился неудачей, но Вильгельм утешился, устроив себе каникулы в Антиохии вместе со своим другом Норманом Танкредом. Они планировали открыть здесь женский монастырь, где роль монахинь играли бы лучшие проститутки герцогства.

Вопрос о безбрачии духовенства был решен на соборе в Пьяченца, в 1095 году. Четыреста священников и 30 000 мирян приняли резолюцию, запрещающую священникам брак. И для того, чтобы показать серьезность своих намерений, они продали жен священников в рабство. Новый закон оказался не единственным способом заработать для церкви деньги. Вскоре папа представил знаменитый налог на секс. Пока священник вносил определенный годичный взнос, он получал право иметь любовницу.

Урбан столкнулся с рядом проблем, когда вводил обет безбрачия для священников в Англии. С са-

мого начала английские священники дали ясно понять, что они «не хотят оставаться одинокими».

«Священники прекрасно знают, что им не позволено жениться, — гласил законодательный акт X века, — но некоторые представители духовенства виновны в куда более страшном грехе — они имеют две и более жен; другие, бросив живую жену, берут вторую, ни один христианин не должен так поступать, не говоря уже о священнике».

Миллер из «Кентерберийских рассказов» Чосера говорит, что его жена — дочь священника. А один из священников следующим образом оправдывает своего прихожанина, изнасиловавшего женщину: «Он должен был насладиться ею».

Следующий папа, Пасхалий (1099—1118), монах с юных лет, отнесся к Генриху IV еще более жестко, чем Григорий VII. Он вновь отлучил Генриха от Церкви и всячески подталкивал сына Генриха восстать против отца. Его ненависть не прошла даже после смерти императора — гнев папы против покойника был так велик, что Пасхалий повелел выкопать труп и выбросить его из храма.

Каллист II (1119—1124) вел себя более откровенно. Он объявил, что епископы совершают прелюбодеяние, если оставляют свой пост ради того, чтобы жениться. На первом Общем западном соборе, получившем название Первого Латеранского, тысяча прелатов подтвердила решение собора в Пьяченце, постановив, что браки духовных лиц

который не откажется от жены или любовницы. Затем он провел торжественную мессу и распустил совет.

Однако английское духовенство прекрасно знало, что представляют собой их итальянские коллеги. Было решено понаблюдать за покаями кардинала. И той же ночью заметили, как из задней двери тихо выскользнул некто, с головы до пят закутанный в черный плащ. Они последовали за ним и вскоре оказались возле дома известной проститутки. Гость постучал, и его впустили. Через десять минут двое английских священников ворвались в дом и обнаружили кардинала *nudatas usque ad unguem* — обнаженным до кончиков ногтей — вместе с «прекрасной леди» точно в таком же виде. Поклонившись покрасневшему до корней волос кардиналу, они ушли, предоставив ему возможность завершить начатое дело.

После событий той ночи «разразился грандиозный скандал», который и положил конец кампании, направленной против жен и любовниц английского духовенства. Кардинала из Кремы отправили обратно в Рим с предложением римскому папе сначала навести порядок в собственном доме. Все знали, что кардинал Пьерлеони спит с собственной сестрой и даже прижил с ней нескольких детей. В отличие от кардинала из Кремы, Пьерлеони, отправляясь куда-нибудь в качестве папского легата, всегда брал с собой лю-

бовницу. Монаха по имени Арнольфо, обвинившего его в прелюбодеянии, вскоре после этого нашли мертвым. А кардинал Пьерлеони стал папой Анаклетом II (1130—1138).

После смерти Гонория II мнения коллегий кардиналов разделились, и были избраны два папы — Иннокентий II (1130—1143) и Анаклет II. Приверженцы Анаклета утверждали, что в жилах Иннокентия течет еврейская кровь, а сторонники Иннокентия указывали на то, что Анаклет не только совершал грех инцеста с сестрой и другими родственниками, но и содержал проститутку. А кроме того, имел привычку насиловать монахинь. Однако Рим поддержал Анаклета: лучше уж прелюбодей, чем еврей, и Иннокентию пришлось бежать во Францию. Однако после смерти Анаклета Иннокентий II все-таки занял папский престол.

Целестин II (1143—1144) славился своими садистскими наклонностями. Он приговорил графа Джордана к ужасной смерти — его раздели и привязали к раскаленному железному креслу, а к голове несчастного прибили такую же раскаленную корону. Впрочем, у Целестина имелась и другая, лучшая сторона. Он являлся давним поклонником философа и теолога Пьера Абеляра, чьи сексуальные похождения стали поводом для создания нескольких литературных произведений. Александр III (1159—1181) тоже восхищался творчеством Абеляра, а Целестин III (1191—1198) в молодости был его

учеником. Будучи иподьяконом, он защищал Абе-ляра во время совета, на котором его проклял папа Иннокентий II (1130—1143).

Примерно тогда же, когда Абеляр исполнял роль наставника будущего папы Целестина III, у него имелась еще одна ученица, прекрасная Элоиза, рано созревшая четырнадцатилетняя племянница каноника. Тридцатилетний Абеляр тогда был священнослужителем. На него произвели сильное впечатление литературные способности юной Элоизы, а в книге «История моих бедствий» он написал, что девушка отличалась поразительной красотой.

«Я взвесил все достоинства, которые обычно ценятся в любви, и решил, что Элоиза создана для меня», — сообщил он своим читателям.

Абеляр знал, что является весьма привлекательным мужчиной и может добиться любви любой женщины, которую удостоит своим вниманием. Он считал, что Элоиза уже созрела, и сей плод можно сорвать.

Чтобы побыстрее добиться задуманного, он договорился с дядей Элоизы, что станет обучать девушку лично, и переехал к ним в дом. Дядя обещал платить Абеляру достаточно денег, чтобы тот мог бросить школу, и полностью перепоручил прекрасную Элоизу его заботам. Абеляр даже получил право ее наказывать, если она будет недостаточно прилежна. Абеляр писал: «Я был бы не меньше удив-

лен, если бы он отдал нежную овечку голодному волку». Впрочем, в то время он обладал безупречной репутацией.

Как и предсказывал Абельяр, соблазнить девушку оказалось совсем нетрудно: «Под предлогом занятий, мы посвящали все время любви, и нам никто не мешал».

Постепенно занятия отошли на второй план. Вместо того чтобы читать, они предпочитали смотреть друг другу в глаза. Абельяр начал пренебрегать другой работой, но никто не догадывался, что причина в его любви к Элоизе. Ведь все знали, что он чтит обет безбрачия.

Когда Элоиза забеременела, Абельяр переодел ее монахиней и увез в Бретань, к своей семье, где она родила сына. Они поженились тайно, чтобы он не лишился сана, и вернулись в Париж, где объяснили ситуацию дяде Элоизы. Однако того не устроил тайный брак. Чтобы смыть позор, он требовал официального бракосочетания. Однако это означало бы конец карьеры Абельяра в качестве священника и лишило бы его возможности преподавать, поэтому они с Элоизой отрицали, что женаты. Дядя Элоизы разгневался, и Абельяру пришлось отослать Элоизу в монастырь, в Аржантей.

Теперь, когда он остался один, Абельяр стал более уязвимым. Дядя Элоизы и остальные члены семьи составили против него заговор. Они подкупили слугу в доме, где жил Абельяр, и тот впустил

их ночью в его спальню. Они схватили Абеяра, когда он спал, и, как писал несчастный, «отрезали мне органы, которыми я свершил то, что им не понравилось». Однако заговорщики понесли наказание за свой самовольный суд. Слуга и один из тех родственников Элоизы, что напали на Абеяра, были схвачены и также кастрированы.

На следующее утро весь Париж собрался выразить ему свое сочувствие, однако Абеяру было гораздо труднее пережить позор, чем боль.

Элоиза стала монахиней, а Абеяр монахом. Они жили вдали друг от друга, но он оставался ее наставником. Со временем Абеяр даже стал гордиться своим вынужденным безбрачием. Однако Элоиза продолжала испытывать к нему страсть. Он писал письма, стараясь ее успокоить. В ответных посланиях она не могла не вспоминать о чувственных наслаждениях, которые они познали вместе. Даже во время мессы, признавалась Элоиза, перед ее глазами вставали картины их любви. Позднее они опубликовали свои письма и теологические рассуждения, ставшие образцом литературы о любви.

Знаменитый роман Абеяра и Элоизы был далеко не единственным нарушением обета безбрачия среди священников того времени. У папы Иннокентия II возникли проблемы в Испании — из-за вторжения мавров испанское духовенство получило больше свободы, теперь никто не мешал им жить со своими женами. Иннокентию

ужасно хотелось что-нибудь предпринять и примерно наказать кого-нибудь.

После того, как аббат Санто-Пелайо де Антелерия получил семь выговоров от своего архиепископа за непристойное поведение, аббата привлекли к суду. Надежные свидетели показали, что у него было семьдесят любовниц. Его признали виновным, лишили сана, однако церкви пришлось выплатить ему крупную сумму, чтобы он мог содержать своих любовниц и бесчисленных отпрысков.

Во Франции тоже не обходилось без проблем. Примерно в то же время резкой критике подвергался Роберт Арбиссель, под началом которого находился монастырь с 4000 монахинь. Он объявил себя грешником и придумал для себя кару — «спать среди женщин и с женщинами», чтобы укрощать плоть. Монахинь обычно наказывали, заставляя раздеваться догола.

Несмотря на колоссальные усилия многих пап навязать священникам обет безбрачия, особых успехов достигнуть не удавалось. Адриан IV (1154—1159), в миру Николай Брейкспир и единственный папа англичанин, был сыном монаха по имени Роберт из монастыря святого Албания.

Папа Александр III, еще один из почитателей Абеяра, оказался окруженным множеством священников, которые, не имея возможности жениться, содержали любовниц. Он просил свое духовенство воздерживаться от секса в течение трех дней и но-

чей до того, как они будут прикасаться к телу Христову*. Александр III даже планировал снова разрешить священникам брак. Папская курия его поддержала, но один человек никак не хотел соглашаться — аскетичный монах Альберто де Морра, впоследствии ставший папой Григорием VIII (1187). Он был таким занудой, что за единственный год, проведенный на престоле, успел запретить экстравагантность в одежде и азартные игры.

Как и у других пап, у Александра III возникали разногласия с английским духовенством. Желая назначить епископом Кентерберийским человека, соблюдающего обет безбрачия, он выбрал монаха Кларемболда, но очень скоро обнаружил, что у того лишь в одной деревушке имеется семнадцать внебрачных детей.

Примерно в то же время епископ Линкольна** выразил обеспокоенность по поводу поведения английских монахинь. Чтобы выяснить, насколько они безупречны, он придумал им новое испытание. Епископ приезжал в женский монастырь и ласкал груди монахинь, а сам смотрел, как они на это реагируют.

Папа Александр прекрасно знал, как ловко духовенство умеет обходить любые запреты. «Папа лишил священников возможности иметь сыновей, тогда дьявол прислал им своих племянников», — заявил он.

* Хлеб, облатка.

** Город в Англии.

Целестин III (1191–1198) считался еще менее строгим папой, чем Александр. Он разрешил развод, заявив, что брак между христианами может быть расторгнут, даже если супруги уже вступили в соответствующие отношения, но один из них оказался еретиком. Еретиков сразу стало больше. За принятие такого закона папа Адриан VI (1522–1523) объявил самого Целестина еретиком. Складывается впечатление, что Целестина совсем не огорчили последствия его действий. Во всяком случае, он не возражал, когда римский император Генрих VI раздевал монахинь, обмазывал их медом, а потом украшал перьями и отправлял верхом напоказ своим солдатам, которые встречали такое замечательное зрелище радостными криками. Его преемник, папа Иннокентий III (1198–1216) просто обожал наказания и пытки.

В XI веке появилась секта, которая называла себя катары. Члены секты утверждали, что Бог и дьявол ведут постоянную борьбу за право управлять миром. Катары укрощали плоть, практиковали суровое самобичевание и порки, были вегетарианцами на основании того, что животные совокупаются — а значит, они греховны. Однако ели рыбу, ошибочно считая, что рыба не совокупляется. По той же причине катары выступали против брака. И всячески восхваляли педерастию. Очевидно, они полагали, что акт содомии не связан с продолжением рода — следовательно, он не греховен.

В 1208 году Иннокентий III объявил катар сатанистами и выступил против них в крестовый поход. Суровые методы принесли результаты. К примеру, катары сознавались в педерастии, когда их опускали на раскаленную спицу. Подобный метод допроса использовался, когда кого-то подозревали в содомии, и был отменен лишь в 1816 году.

Иннокентий также преследовал появившуюся в Лангедоке секту альбигойцев — яростных противников секса. Они утверждали, что брак — это состояние греха, секс в браке ничуть не лучше инцеста, сексуальное удовольствие есть запретный плод Садов Эдема, а беременная женщина носит в себе дьявола. Подобные взгляды не нашли понимания у священников, привыкших встречать зарю в объятиях своих любовниц.

Иннокентий III также поссорился с английским королем Иоанном, который женился на своей кузине Изабелле из Глостера, даже не испросив разрешения на брак между родственниками, затем бросил ее и взял в жены юную красавицу Изабеллу из Ангулема. Когда Иннокентий выказал ему свое неудовольствие, Иоанн загладил вину, построив цистерцианское аббатство (хотя и на украденные деньги) и послал тысячу человек в крестовый поход. Тогда папа пришел к выводу, что второй брак короля вполне можно признать, но как только Иоанн поставил своего человека на должность архиепископа Кентерберийского, Иннокентий отлучил от

церкви всю Англию. Иоанн ответил тем, что ввел налог на священников. Особенно он любил «налог на грех». Его люди захватывали жен или любовниц священников и заставляли выкупать их за колоссальные деньги. Представителям духовенства приходилось платить по 2 фунта в год, чтобы содержать любовницу.

За время своей долгой вражды с папой король Иоанн стал настоящим тираном в своем королевстве, вымогая деньги у евреев и затаскивая в свою постель всех женщин, которые ему нравились. Почувствовав, что ему приходится сражаться на два фронта, Иоанн решил помириться с папой. Однако было уже слишком поздно. Лорды королевства восстали и вынудили короля Иоанна подписать Великую хартию вольностей, которую папа Иннокентий III назвал «противоречащей всем законам морали». Впрочем, Иннокентия мало интересовали законы морали. Гораздо больше его занимали золото и драгоценные камни. Он заказал себе специальную тиару, сделанную из белых петушиных перьев и изукрашенную самоцветами. Венчал тиару огромный сапфир. Папа также настаивал на том, чтобы все целовали ему ноги, и стремился властвовать над миром. В мае 1204 года он наблюдал за разграблением Константинополя во время четвертого крестового похода. Собор святой Софии был осквернен, реликвии растащили, монахинь изнасиловали.

Иннокентий III собрал Четвертый Латеранский собор, который вновь попытался запретить духовенству брак. Проблема заключалась в том, что если священники лишались возможности иметь жену, они становились удивительно распутными. Как сказал Бернар из Клерво: «Отнимете у священников законный брак и безупречную супружескую постель, и они заменят жен любовницами, инцестом, гомосексуализмом и прочими непотребными делами».

Впрочем, все было не так просто. Женатые священники имели отдельные обязательства. Они сохраняли лояльность своим семьям и Церкви. В то время как одинокие священники — будь они прелюбодеями и извращенцами в самой отвратительной форме — служили лишь Церкви.

Григорий IX (1227–1241) стал еще одним римским папой, проявившим большой интерес к еретикам. В 1232 и 1233 годах он выпустил две папские буллы против секты, родившейся в далеком городке Стединге на севере Германии. Казалось, его завораживали ритуалы секты, и потому он подробно их описал. Согласно Григорию, новые члены секты должны были целовать всех присутствующих в ягодицы и губы, засовывая язык в рот партнера. Затем новообращенный целовал труп — и переставал быть католиком. После торжественного обеда все присутствующие целовали кота «под хвост», а потом «каждый мужчина брал

ближайшую к нему женщину и совершал с ней непристойный акт». В результате получался мужчина с гладкой верхней половиной тела и чрезвычайно волосатыми ногами. Григорий обвинил стедингеров в почитании Сатаны.

Именно папа Григорий IX основал в 1231 году инквизицию. Одним из его главных помощников был аскетичный священник по имени Конрад. Однажды, наблюдая за тем, как сжигают за ересь цистерцианца, Конрад высказал мысль, что к спасению можно прийти только через боль.

Среди самых известных почитателей Конрада была Елизавета, вдова маркграфа Тюрингии. Ей исполнилось всего восемнадцать, когда она последовала за ним, бросив троих детей. Чтобы сделать ее более духовной, Конрад приказывал ей раздеваться и избивал до тех пор, пока юное тело не покрывалось кровью. «Если я так боюсь мужчину, — говорила она своему исповеднику, — то каким же должен быть Бог?»

Григорий лично избрал Конрада для расследования деятельности немецкой секты, почитавшей Люцифера. Только в одном Страсбурге, чтобы спасти их бессмертные души, он сжег более восьмидесяти мужчин, женщин и детей.

Безумная ненависть Григория IX к «еретикам» привела церковь на грань катастрофы. Когда он умер, сложилась такая ситуация, что выбрать преемника оказалось невозможно, и в результате, что-

бы заставить кардиналов ускорить выборы, правитель Рима, сенатор Маттео Россо Орсини, изобрел систему «конклава».

Он созвал всех кардиналов и устроил им на площади публичную порку, чтобы их охватил стыд. Затем представителей высшего духовенства затолкали в главный зал громадного здания на Аппиевой дороге, в котором заколотили окна и заперли все двери. Они должны были оставаться там до тех пор, пока не выберут папу.

В здании имелось несколько сломанных кроватей, стульев и скамеек. Внутри не впускали даже докторов. Кормили кардиналов самой простой пищей и давали немного холодной воды, чтобы утолить жажду — мыться не полагалось. Переодеваться им тоже не разрешалось, а горшки с испражнениями не выносились до тех пор, пока не будет принято решение.

В летнее время в Риме стоит ужасная жара, и воздух быстро стал невыносимо зловонным. Одно-го умирающего кардинала положили в гроб, пока он еще был жив, и провели над ним погребальную службу. На крыше здания находились вооруженные стражники, которым запрещалось покидать посты. Они использовали желоба на крыше в качестве туалетов. Когда налетел неожиданный ливень, поток воды обрушил на головы кардиналов экскременты, мочу и мусор.

Когда они, наконец, выбрали нового папу, кандидат не устроил Орсини. Он пригрозил выкопать Григория IX и посадить его разлагающийся труп в зале, чтобы помочь кардиналам побыстрее принять другое решение.

Кардиналы провели в одном помещении пятьдесят пять дней, только после этого они выбрали Годфри, который решил принять имя папы Целестина IV (1241). К несчастью, конклав оказал такое губительное воздействие на его здоровье, что он умер через две недели после избрания, так и не дожив до церемонии возведения на папский престол.

К этому моменту кардиналы успели попятаться и решили выбрать папу по почте. Когда у них ничего не вышло, император Германии Фридрих попытался собрать их еще раз, но они разбежались из Рима. Однако Фридриху удалось оказать на них финансовое давление, так что в результате через полтора года они избрали Иннокентия IV (1243—1254).

Иннокентий IV отличался либеральными взглядами. Когда ему пришлось покинуть Рим после ссоры с Фридрихом II, он попытался найти убежище в Англии. Однако английские пэры отказались впустить его, заявив, что цветущая прекрасная Англия не выносит запаха папского двора. Ему пришлось отправиться в Лион, где Иннокентий и прожил восемь лет. Помирившись с Фридрихом, папа собрался

обратно в Рим. Кардинал произнес речь, в которой говорилось о благотворном влиянии, которое оказал Иннокентий на этот город.

«Друзья, с тех пор, как мы приехали сюда, для города было сделано очень многое, — сказал кардинал. — Когда мы здесь появились, в Лионе процветало четыре борделя. После нашего отъезда остается всего один. Однако теперь он занимает весь город Лион от восточных до западных ворот».

Однако Иннокентий IV все-таки разрешил инквизиции использовать пытки для получения признания. Вскоре старых женщин начали сжигать на кострах после того, как они, чтобы избежать чудовишных мучений, признавались, что вступали в сексуальные отношения с сатаной. В 1275 году, в Тулузе, инквизитор Хьюго де Баниол заставил шестидесятилетнюю женщину, Анжелу де ла Барт подтвердить, что она была любовницей дьявола. Она сказала, что родившийся от этого чудовищного союза ребенок оказался демоном, питавшимся лишь плотью мертвых детей, поэтому она убивала детей или выкапывала детские трупы, чтобы накормить свое дитя.

Когда читаешь о варварских пытках, при помощи которых у жертв вырывались подобные признания, возникают сомнения в нормальности инквизиторов — и пап, разрешивших их. Определенно им были присущи извращенные, садистские наклонности. Подробное описание того, что инк-

визия имела и не имела права делать, содержалось в «Черной книге», или «Книге смерти», выставленной в Риме до середины XIX века. Здесь все называется своими именами:

Или обвиняемый признается в своих преступлениях — и тогда считается виновным на основании признания, или запирается, но также виновен на основании показаний свидетелей. Если он признается в преступлениях, которые ему вменяются, значит, несомненно, виновен во всем; но если его признания носят частичный характер, он должен считаться виновным и по остальным обвинениям, поскольку его признание доказывает способность совершить и остальные преступления... пытки оказались наиболее эффективным способом привести грешника к покаянию. Поэтому выбор вида пыток остается за судом инквизиции и определяется возрастом, полом и сложением обвиняемого... Если несчастный преступник даже после применения пыток продолжает отрицать свою вину, значит, он стал жертвой дьявола, и посему не заслуживает жалости слуг Божьих и Святой Матери Церкви: он обречен на вечные муки. И пусть он умрет проклятым.

Таким образом, инквизиция играла краплеными картами и просто не могла проиграть. Не сохранилось ни одного свидетельства о вынесении

оправдательного приговора — впрочем, тут не стоит удивляться: несчастным не говорили о том, в чем их обвиняют, а спрашивать запрещалось. Им не полагалось прибегать к помощи адвокатов, и суд никогда не выслушивал свидетелей, выступавших в их защиту. Свидетели обвинения сами постоянно находились под угрозой обвинения, а их имена держались в секрете от «преступника». Родители предавали своих детей, а дети — родителей. Вести себя по-другому означало совершать грех против папского престола. Однако мальчики до четырнадцати лет и девочки до двенадцати от пыток освобождались. Ни о какой апелляции речи не шло. Какой суд мог быть выше папского?

Согласно «Черной книге» во время расследования инквизиторы не имели права калечить или убивать обвиняемых — это пришло позже. Но руки и ноги ломали часто, а потеря нескольких пальцев на руках или ногах не мешала проведению судебного процесса.

Обычно жертву раздевали догола и привязывали к специальному помосту. Затем говорили:

«Скажи правду ради любви к Господу, инквизиторы не хотят смотреть на твои страдания».

Руки и бедра обвиняемого опутывали веревками. Кроме того, веревки охватывали плечи и прикреплялись к ремню на поясе. Натягивая веревки, инквизитор предлагал жертве «сказать правду». Если несчастный спрашивал, в чем состоит его

вина, или в чем он должен признаться, ему снова повторяли, что следует «сказать правду». Если он ни в чем не признавался, под веревки подсовывали прут, а затем начинали его закручивать, натяжение увеличивалось.

В особенно трудных случаях использовалась дыба. Руки связывались за спиной и прикреплялись к вороту. Затем жертву поднимали к самому потолку и резко опускали вниз — жертва повисала в нескольких сантиметрах от пола.

Большой популярностью пользовалась пытка водой. В горло вставляли кусок полотна, а потом по нему заливали воду. Общий ее объем иногда доходил до двух галлонов. Многие умирали на месте.

Согласно папскому эдикту пытку разрешалось применять только один раз. Однако когда обвиняемых начали заковывать в цепи и оставлять в грязных камерах гнить в собственных экскрементах, начались разговоры о том, что несколько сеансов в руках инквизиторов есть части одной пытки.

Доминиканцы оказались особенно жестокими, поскольку их орден признавал самобичевание. Крики жертв звучали истинной музыкой для их ушей — это означало, что еще одна душа приближается к Богу.

Несмотря на расцвет инквизиции и садистское преследование «еретиков», Иннокентий не сказал ни одного дурного слова против своего защитника, римского императора Фридриха II, который завел

целый мусульманский гарем, охранявшийся черными евнухами.

Преемник Иннокентия IV, Александр IV (1254–1261) садистских наклонностей не имел. Он попытался запретить духовенству самобичевание, но люди уже научились получать удовольствие от боли. Даже Людовик, король Франции, разрешал себя пороть и терпел грубое обращение своих исповедников. Александр также планировал отменить обет безбрачия для священников, поскольку верил, что одинокая жизнь ведет к греху. Он любил пикантные истории. Однажды он рассказал францисканскому монаху непристойную легенду о священнике, исповедовавшем женщину, которая ему нравилась. Вместо того чтобы дать ей отпущение грехов, священник завязал беседу, а потом попытался овладеть ею прямо у алтаря. Чтобы избавиться от него, женщина сказала, что здесь не место и не время для подобных развлечений, и предложила встретиться позднее, при более романтических обстоятельствах. Священника такой вариант вполне устроил, но женщина решила ему отомстить. Вернувшись домой, она испекла пирог с начинкой из собственных экскрементов и отослала его священнику с бутылкой вина. Священник обрадовался подарку и решил не есть пирог, а отослать его епископу. Так он и сделал.

Когда епископ разрезал пирог и обнаружил начинку, он страшно разгневался, призвал к себе свя-

щенника и спросил, чем он, епископ, заслужил такой подарок. Тогда священник заявил, что он ни в чем не виноват, а пирог прислала ему одна женщина из его паствы. Епископ послал за женщиной. Та призналась, что действительно послала пирог священнику, но объяснила, что тот попытался соблазнить ее во время исповеди. Епископ похвалил женщину и наказал священника.

Александр IV эта история показалась ужасно забавной, но он считал, что женщина сделала только одну ошибку. Ей следовало наполнить бутылку собственной мочой и отослать ее вместо вина.

Салимбен, доверенное лицо Александра IV, так описывал состояние церкви того времени:

Я видел священников, которые содержали таверны... и их дома, полные внебрачных детей. Я видел, как они проводили ночи в грехе, а потом шли на мессу... Однажды, когда францисканскому монаху в праздничный день пришлось проводить мессу в церкви священника, чье имя я не стану упоминать, он не сумел найти епитрахиль и использовал пояс его любовницы, к которому были привязаны ключи; когда монах, я с ним давно знаком, повернулся, чтобы сказать, Dominus Vobiscum, люди услышали позвякивание ключей.*

Нет ничего удивительного в том, что Александру IV пришлось выпустить папскую буллу, выража-

* Господь с вами (лат.).

ющую скорбь, что в то время как епископы содержат гаремы, а у каждой монахини имеется любовник, — духовенство не реформирует свою паству, а лишь совращает ее.

Действительно, во Франции монастыри звались «местами наслаждений». Монахини из Пуатье и Лиса славились своими любовными интригами с францисканскими монахами, в то время как монахини Монмартра занимались проституцией и отравили настоятельницу, когда она попыталась наставить их на путь истинный. Публичные дома тоже не остались в стороне — бордели назывались аббатствами, а их руководительницы величали себя аббатисами. В характерном для средневековья цветистом стиле французский король Карл VI писал, что собирается «прослушать прошение, которое поступило к нам от дочерей радости из тулузского борделя, называемого "Великое аббатство"».

В Германии возникла новая форма церковной проституции. Проститутки проводили время в соборах и предлагали свои услуги всем желающим. «Соборных девушек» изгнали из Страсбургского собора только в 1521 году. Епископ Страсбурга также содержал бордель, а настоятель собора в Вюрцбурге получал раз в год с каждой деревни по одной лошади, одному обеду и одной девушке.

Еще более откровенная форма церковной проституции процветала в Риме в XIII веке. Все мест-

ные шлюхи были обязаны работать в подземной часовне церкви девы Марии, среди самых главных святынь христианства. Урбан IV (1261–1264) написал письмо, проклиная такое положение вещей, но никто не обратил на него внимания.

Секретарь папы, епископ Дитрих из Нима, поставил Его Святейшество в известность о том, что происходило в Норвегии и Исландии.

Когда епископы дважды в год навещают кюре, они должны брать с собой своих любовниц. Женщины не соглашаются отпускать их одних, потому что кюре устраивают грандиозные приемы для своего начальства, и любовницы боятся, что епископы выберут себе новых наложниц, способных дарить им еще более изощренные удовольствия.

По мере того, как католическая церковь наращивала свое могущество, некоторые священники даже присвоили себе *jus primae noctis**.

В письмах к папе епископ Дитрих из Нима подробно описывает непристойное поведение монахинь. Согласно Дитриху, они являются жертвами похоти епископов, монахов и послушников. Дети, «рожденные в результате такой распущенности», помещаются в монастыри — растут новые поколения распутных монахинь.

* Право господина провести первую брачную ночь с невестой своего вассала (*лат.*).

«Если какую-нибудь светскую женщину признают виновной в преступлениях, которые свершают монахини, — писал он, — их приговорят к самому суровому наказанию».

Подобная практика продолжалась и в XIV веке, когда, согласно кардиналу Пьеру д'Эйи, священники не стыдились иметь любовниц и публично их признавали. Д'Эйи также отмечал, что монастыри превратилась в притоны разврата и «сборища проституток».

Хотя подобные вещи и шокируют людей XX столетия, самого Урбана IV они не удивляли. Он «дружил» с женщиной по имени Ева перед тем, как стал папой. А его преемник Климент IV (1265—1268) был женат и имел двух дочерей — кое-кто даже утверждает, что трех, — прежде чем вступил на папский престол.

Первый конклав 1241—1243 годов — когда кардиналы просидели в старом здании пятьдесят пять дней — ничему их не научил. После смерти Климента IV они снова не смогли прийти к единому мнению относительно кандидатуры нового папы. На сей раз их заперли во дворце архиепископа в Витербо и обещали, что выпустят только после того, как они примут какое-нибудь определенное решение. Зал разгородили простынями на отдельные кельи, вместо роскошных обедов приносили лишь хлеб и вино. Кардиналы и здесь не смогли быстро избрать преемника Климента IV, поэтому вино заме-

нили на воду. Когда и эта мера ни к чему не привела, с дворца сняли крышу, чтобы кардиналы страдали от жары днем и от холода по ночам.

Кардиналы ответили отлучением от церкви всего населения Витербо и запретили проведение здесь каких бы то ни было церковных церемоний. Реакция властей не заставила себя долго ждать: «Мы и раньше обходились без религии, а вот вы наверняка умрете от голода и болезней. Выбирайте папу!»

В конце концов, после трехлетних колебаний, они остановились на кандидатуре Григория X (1271–1276), который был неотесанным крестоносцем и в момент избрания находился в Палестине. Прошло еще семь месяцев, прежде чем он вернулся в Рим и его нарекли папой в соборе святого Петра.

Григорий X был архидьяконом* Льежа перед тем как стать папой. В 1274 году на соборе в Лионе ему пришлось сместить своего бывшего начальника, епископа Льежа, «за соблазнение девственниц и другие греховные деяния». Епископ содержал семьдесят любовниц, среди которых имелись и монахини, и шестьдесят пять незаконных детей. «Он славился своей чудовищ-

* Духовное лицо ниже сана епископа, осуществляющее надзор над сельскими дьяконами и возглавляющее церковный суд низшей инстанции, с правом духовного пощения.

ной похотью», а на публичном банкете хвастался, что «за двадцать два месяца стал отцом четырнадцати детей». И это еще не самое страшное. Он совокуплялся с монахинями и своими ближайшими родственниками.

Григорий не был ханжой. Сначала он пытался образумить епископа и написал ему письмо, в котором призывал покаяться. Когда это не помогло, папе ничего не оставалось, как лишить епископа сана. Чуть позже лишеного духовного сана епископа Льежа убил фламандский рыцарь, узнавший что тот сделал с его дочерью.

Коррупция пронизывала церковь снизу доверху. Святой Бонавентура, близкий друг Иннокентия V (1276), сравнивал Рим с блудницами Апокалипсиса, захмелевшими от вина собственного распутства. В Риме, говорил Бонавентура, нет ничего, кроме похоти и симонии, даже среди самого высокопоставленного духовенства. Все очень просто, объяснял он. Рим совращает прелатов. Прелаты совращают духовенство. Духовенство совращает народ.

Современники критиковали папу Иоанна XXI (1276–1277) за «моральную неуравновешенность». Мартин IV (1281–1285) «принял в объятия любовницу своего предшественника» — Николая III (1277–1280). Мартина IV заботила другая проблема — он убрал из дворца все картины, изображавшие медве-

дей, чтобы его возлюбленная, глядя на них, не родила похожее животное.

Конклав, последовавший за смертью папы Николая IV (1288—1292), совершил ужасную ошибку. После двухлетних споров папой избрали по-настоящему хорошего человека — отшельника по имени Петр из Морона, который жил в пещере, высоко в Апеннинах, рядом с Абруццо. Он взошел на папский престол под именем Целестина V (1294), но не вынес распущенности Рима и переехал в Неаполь.

Кардиналы скоро поняли, как сильно промахнулись, в особенности, когда Целестин принялся по-своему распоряжаться церковными богатствами — отдавал деньги бедным и другим самым обычным людям! Он не брал взяток и не продавал церковные должности. Принцы Церкви опечалились, поскольку начали опасаться банкротства. Кардинал Бенедикт Гаэтани, папский нотариус, решил использовать сложившуюся ситуацию себе на пользу. Чтобы завоевать доверие Целестина, он построил для старого отшельника скромную деревянную хижину внутри огромного зала в замке о пяти башнях, выходящем на Неаполитанский залив. Здесь Гаэтани уговорил Целестина отречься от папского престола. Таким образом, всего через пятнадцать недель после коронации, Целестин собрал кардиналов и попросил их отослать своих любовниц в монастыри, а самим жить в

бедности, как Иисус. Затем, чтобы вдохновить кардиналов собственным примером, Целестин снял папские одеяния, переоделся в лохмотья отшельника, отрекся от престола и уехал, как Иисус, на осле.

В награду благодарные кардиналы избрали Гаэтани на папский престол, и он был коронован как Бонифаций VIII (1294–1303). Чтобы подстраховаться, новый папа первым делом заточил Целестина в замок Фумона, где тот и умер от голода и плохого обращения уже через несколько месяцев.

Но если одного папу можно спихнуть с престола, значит, то же самое можно проделать и с другим. Семья Гаэтани уже давно соперничала с Колоннами, которые объединились со злейшим врагом Бонифация, французским королем Филиппом Красивым. Они обвинили Бонифация в непристойном поведении, а также в «ереси, тирании, прелюбодеянии и сношениях с дьяволом». По их словам, в кольце, которое он носил на указательном пальце левой руки, поселился злой дух. Дух разговаривал с ним, а по ночам делил с Бонифацием постель. Данте поместил Бонифация на самый нижний уровень ада.

О любви Бонифация к сексу все знали еще до избрания его папой. В свое время он содержал в качестве любовниц женатую женщину и ее дочь. После выборов его похождения ни для кого не оста-

лись секретом и подробно описаны в «Истории Неаполя» Пандульфа Коленуция.

Тем не менее, летом 1303 года Филипп Красивый созвал парламент, чтобы судить Бонифация. Папу обвинили в неверии в жизнь после смерти, колдовстве, сношениях с дьяволом, заявлениях о том, что грехи плоти вовсе не являются грехами, и, среди прочего, в убийстве папы Целестина. А кроме того, в ереси, симонии и изнасилованиях. Однако попытки схватить Бонифация и заставить его предстать перед судом закончились неудачей. Впрочем, суд состоялся и без него.

Молодой сапожник по имени Лелло из провинции Сполето показал, что он, вскоре после смерти папы Николая IV в 1292 году, продавал обувь в Перудже. Бонифаций — тогда кардинал Бенедикт Гаэтани — находился в городе, и один из его придворных вызвал сапожника. Кардинал, рассказал Лелло, хотел купить пару туфель. Юный сапожник, которому в то время не исполнилось и восемнадцати лет, отправился в дом, где остановился Бонифаций, чтобы примерить ему туфли. И тут Бонифаций начал его ласкать и целовать.

«Ты должен сделать то, что я хочу, — якобы заявил Бонифаций. — Я лягу с тобой в постель, а потом щедро тебя отблагодарю».

Однако Лелло был не таким. «Господин, вам не следует так поступать, потому что это боль-

шой грех, — заявил юноша будущему папе. — Сегодня суббота, пост в честь девы Марии».

Однако Бонифаций, как кардинал, заверил юношу, что все в порядке. «Грех не больше, чем потереть одну руку о другую, — говорил он, не выпуская юношу из объятий. — А что до девы Марии, в честь которой ты постишься, то она была такой же девственницей, как моя мать, у которой много детей».

Лелло, сообразив, что его честь находится под угрозой, отчаянно закричал. В комнату вбежал хозяин дома Пьетро, и Лелло удалось уйти. Он выскочил из комнаты, забыв даже взять деньги за туфли.

Еще будучи кардиналом, Бонифаций делал аналогичные предложения одному французскому доктору. Суду сообщили, что он говорил, будто загробной жизни не существует, а педерастия грех небольшой, вроде как «потереть одну руку о другую».

Бонифаций был хорошо знаком с семьей своего любовника Джакомо де Пайсиса. Один монах из монастыря в Риме показал, что видел, как Бонифаций держал сына Джакомо, Джиканелло, между колен — всем известно, что он надругался над сыном, как прежде над его отцом. Один из членов семьи де Пайсис заявил, что однажды застал папу в постели с женой Джакомо, леди Кола. Бонифаций также спал с дочерью Джакомо, Гартамацией.

Похоже, Джакомо де Пайсис не возражал против такого использования своей семьи, но ревно-

вал папу к остальным его любовникам. Однажды он поссорился с другим дружкой Бонифация, Гуглельмо де Санта Флория.

— Ты шлюха папы Бонифация! — кричал Джакомо.

— Нет, ты! — отвечал Гуглельмо.

— Ты стал его шлюхой до меня, еще в те времена, когда он был кардиналом. Я застал вас в его спальне, — не унимался Джакомо.

— Если я первая шлюха Бонифация, в таком случае ты его единственная шлюха, — парировал Гуглельмо, — ведь все, что у тебя есть, ты получил от него».

Рыцарь из Лукки заявил, что около 1300 года Бонифаций говорил одному рыцарю из Болоньи об отсутствии загробной жизни. И о том, что для мужчины не грешно получать в этой жизни удовольствия, в особенности, если речь идет о развлечениях с женщиной. Еще свидетель показал, что Бонифаций говорил, будто нет ничего греховного в занятиях любовью с женщиной и с мальчиком — во всяком случае, не больше, чем «потереть одну руку о другую». Этот разговор, по словам рыцаря, произошел в спальне Латеранского дворца, в присутствии послов из Флоренции и Болоньи. Рыцарь сказал суду, что из откровений Бонифация следовало: «каждый должен наслаждаться жизнью».

Суд также обвинил Бонифация в том, что он ел мясо во время великого поста. Но никто не

критиковал его за любовь к вину, шелкам, жемчугу и золоту. Среди прочего, Бонифаций, якобы, говорил, что святое причастие не более чем «мука и вода».

Бонифаций на суд не явился. Однако через некоторое время он сошел с ума и покончил с собой. Однако Филиппа такой исход не удовлетворил. Он приказал папе Клименту V (1305–1314) выкопать тело Бонифация и сжечь его как еретика.

Глава 10

ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ В АВИНЬОНЕ

Климент V (1305–1314) был человеком французского короля Филиппа и поступал в соответствии с его желаниями. Он первым из пап переехал из Италии во Францию. Весь XIV век папская резиденция находилась в Авиньоне.

Климент прославился разгромом ордена храмовников, основанного около 1119 года для охраны пилигримов, направлявшихся в Иерусалим во время крестовых походов. Идея о запрещении ордена исходила от Филиппа, который завидовал богатству ордена и хотел захватить его земли во Франции. Филипп угрожал возобновить позорный процесс против Бонифация VIII, если Климент не пойдет ему навстречу.

В 1307 году храмовников арестовали, и Климент обвинил их в еретических идеях и обычаях, оскверняющих святую Церковь. Поскольку признания

были вырваны под пыткой, они скорее отражают предрассудки инквизиторов — и самого Климента, возглавившего обвинение, — чем то, что в действительности имело место.

Говорят, что для вступления в орден, новичок должен был целовать храмовника в рот, анус и *virga virilis**. Всем членам ордена сообщалось, что они имеют право заниматься между собой педерастией. Эти показания дал человек, утверждавший, что он покинул ряды храмовников после того, как полюбил женщину.

Некоторые храмовники утверждали, что на самом деле членам ордена говорили, что они имеют право спать в одной постели, если всем не хватает места. По словам других, им сказали, что если они «возбудятся после церемонии вступления в орден, то могут обратиться к любому рыцарю, чтобы он помог им успокоиться».

Один из рыцарей отрицал педерастию среди храмовников, «потому что они могли обладать самыми красивыми женщинами, что и делали, когда становились достаточно богатыми и могущественными».

«По сему поводу, — признал он, — других братьев приходилось выселять из их домов».

Один свидетель показал, что храмовники лишали девушек невинности, а если в результате такого союза рождался ребенок, «они поджаривали его на огне, а из вытопленного жира делали мазь для сво-

* Ветка мужская, мужской член (лат.).

его идола». Идол представлял собой фигуру Бафомета с головой козла, женской грудью и эректированным пенисом.

Какими бы сомнительными и противоречивыми не выглядели показания свидетелей, Климент приговорил лидеров храмовников к сожжению, а Филипп получил все имущество ордена.

Впрочем, самого Климента тоже серьезно критиковали. Его называли «публичным прелюбодеем, имеющим любовницу — графиню Перигорд, необыкновенно красивую леди, дочь графа Фокса». Тот, кто желал получить папское благословение, должен был положить свое прошение на «шелковую белую грудь графини».

Говорили, что Климент «обожал шлюх, выступал в роли их покровителя и перебрался в Авиньон, чтобы свободно предаваться греху». И в самом деле, «леди начали играть существенную роль при решении проблем папского престола».

Папский престол в Авиньоне обходился в 25 000 фунтов в год, папа тратил 3000 фунтов только на еду и вино — огромные для того времени деньги. Чтобы собрать средства на покрытие расходов, Климент повысил налоги на духовенство. Когда священник получал приход, он должен был в течение первого года отдавать ему все полученные деньги.

Кроме того, Климент отменил древний обычай раздавать имущество умерших епископов народу.

Папский престол должен поддерживать свое существование для блага народа — в результате имущество отошедших в мир иной епископов стало переходить папе.

Климент также расширил трактовку понятия греха инцеста. Пары не могли вступить в брак, если находились в родстве четвертой степени — из чего следовало, что союз с прапрабабушкой считался инцестом, как и женитьба на троюродной кузине. Теперь людям все чаще приходилось платить папе за разрешение на брак. Кроме того, появлялся новый повод для развода — нельзя же жить в грехе! — если, конечно, вы заплатите папе кругленькую сумму.

Однако эдикты Климента вызвали сопротивление. Жившие в Новаре Дулсин и Маргарет придумали теорию, позволявшую, согласно папскому историку Платину, «мужчине и женщине жить вместе, изгнав всякую нечистоту». Климент немедленно объявил их еретиками и послал армию в Альпы, где жили представители этой секты. Дулсина и Маргарет поймали и разорвали на куски, их кости сожгли, а пепел развеяли по ветру.

Всегда помогавший членам своей семьи, Климент сделал пятерых родственников кардиналами. Умер он во Флоренции от руки монаха, который во время мессы подсыпал яд ему в кубок.

После Климента папский престол занял Иоанн XXII (1316–1334). Император Людовик IV сместил

его в 1328 году, но Иоанн, нисколько не испугавшись, продолжал сидеть на престоле в Авиньоне.

Иоанн был одним из тех пап, которые за неплату налогов отлучали священников от церкви. Кроме того, он за определенную сумму давал отпущение грехов, даже если речь шла об инцесте и педерастии. Особенно лояльно он относился к собственным грехам, сделав одного из своих сыновей кардиналом.

Кроме того, у Иоанна появилась блестящая идея возобновить годовой налог на секс, который священники должны были платить, если они хотели содержать любовницу. Он навязал его даже тем представителям духовенства, которые соблюдали обет безбрачия, на случай, если до конца года им посчастливится завести подружку.

Примерно тогда же миряне в Испании начали выступать с требованием, чтобы священники заранее, прежде чем брать новый приход, находили себе любовницу.

Когда в 1328 году Людовик сместил Иоанна XXII, Николай V (1328–1333) уже стоял на очереди, чтобы занять престол. Он женился еще в юности, но через пять лет оставил жену, Джованну Маттео, и детей и вступил в ряды францисканцев. Сторонники называли его аскетом; однако противники считали лицемером с сомнительной репутацией. Все «знали о его чрезмерной любви к выпивке». Хотя Николай V согрешил в молодости, вступив в брак,

император Людовик решил проблему, откупившись от Джованни Маттео. Николай V заседал в Пизе, пока Иоанн XXII обитал в Авиньоне.

Антипапа Николай не имел большого количества последователей, поэтому все его заботы сводились к сколачиванию огромного состояния — он грабил храмы. Его положение не слишком упрочилось и после того, как в 1329 году он устроил в Пизанском соборе весьма необычную церемонию — перед судом предстала соломенная кукла в папских одеяниях, которая изображала папу Иоанна XXII. Куклу признали виновной, подвергли надругательству и отдали в руки мирских властей для наказания.

Людовик лишил Николая своей поддержки и тот оставил Пизу и попытался договориться с Иоанном XXII. Иоанн обещал ничего против него не предпринимать, если Николай покается, но за спиной проклял антипапу. «Пусть его дети станут сиротами, а жена вдовой», — сказал Иоанн.

Впрочем, когда Николай вернулся в Авиньон, Иоанн его не убил — во всяком случае, не сразу. Он заточил Николая в папском дворце, где тот через четыре года скончался.

Теперь Иоанн XXII мог быть свободен в своих действиях, не встречая никакого сопротивления. Он любил роскошь и тратил огромные деньги на содержание родственников и друзей. На пиршестве, устроенном в честь бракосочетания своей двоюрод-

ной племянницы Жанны де Триан с Гишаром де Пуатье, гости прикончили 4012 караваев хлеба, 8 быков, 55 овец, 8 свиней, 4 кабана, большое количество разной рыбы, 200 каплунов, 690 цыплят, 580 куропаток, 270 кроликов, 40 ржанок, 37 уток, 50 голубей, 4 журавля, 2 фазана, 2 петуха, 292 маленькие птицы, три английских центнера* сыра, 3000 яиц, 2000 яблок, груш и других фруктов. И одиннадцать баррелей** вина.

Жак Фурнье, который впоследствии стал преемником Иоанна Бенедиктом XII (1334—1342), начал свою карьеру в качестве инквизитора во время войны с катарской ересью. Из чего следовало, что он не мог не интересоваться сексуальной жизнью духовенства. В 1320 году он начал расследовать дело священника Пьера Клерже, кюре небольшой деревушки Монтелу.

Вдова некоего Пьера Лизье рассказала инквизиции, что семь лет назад, когда ей было четырнадцать или пятнадцать лет, кюре пришел к ним в дом, где она жила с матерью, предложил ей заняться сексом, и она согласилась. Он лишил ее невинности на сеновале. Потом он регулярно заживал в дом ее матери, они занимались сексом днем, и ни у кого не возникло подозрений. Позднее мать обо всем узнала, но не возражала против продолжения отношений. В январе следую-

* 1 английский центнер = 50,8 кг.

** 1 баррель составляет примерно 142 литра.

шего года девушка вышла замуж за Пьера Лизье, причем кюре Клерже благословил новобрачных. Однако брак не уменьшил любовного пыла священника.

«В течение следующих четырех лет кюре продолжал меня навещать с ведома и разрешения моего мужа», — рассказала она будущему папе. Муж даже предупреждал ее, что она не должна обращать внимание на других мужчин, только на кюре, и она продолжала заниматься любовью с Клерже до самой смерти мсье Лизье.

Когда будущий папа спросил, считает ли она занятия любовью со священником преступлением против веры, вдова ответила, что она не считала это грехом, поскольку оба получали большое удовольствие.

Однако кюре Клерже не ограничился одной любовницей. Он завел целую дюжину, причем каждой говорил, что любит ее больше всех остальных женщин мира. Одна из них, молодая вдова по имени Беатрис де Плениссол, рассказала будущему папе, что кюре послал к ней ученика, который спросил у нее, согласна ли она спать со священником. Когда она ответила утвердительно, мальчик отвел ее в местную церковь святого Петра, где кюре устроил себе уютное гнездышко.

«Разве можно заниматься такими делами в церкви святого Петра?» — спросила женщина. «Бедный святой Петр», — ответил кюре. После чего они

легли в постель и занялись любовью. На рассвете он проводил ее домой.

Нарушение обета безбрачия и осквернение церкви не считалось таким уж страшным грехом в глазах будущего папы и бледнело перед настоящим преступлением — использованием примитивных противозачаточных средств.

Беатрис заявила, что беременность ее опозорит, и Клерже дал ей какие-то травы. Обычно они предназначались для предотвращения свертывания молока, но он заверил ее, что травы защитят от беременности. Кюре подвесил мешочек с травами на шею своей подружке, так что они свисали ей на грудь, а затем засунул траву в вагину. После окончания свидания он всякий раз забирал мешочек, чтобы Беатрис, опасаясь забеременеть, не бегала на свидания с другими мужчинами. Он просто сгорал от ревности, поскольку одним из любовников Беатрис был его кузен Реймонд.

Клерже также предупредил Беатрис, что на исповеди она не должна рассказывать другим священникам о своих грехах. Он убедил молодую женщину, что Бог уже обо всем знает и, несомненно, простил ее.

За совершенные грехи будущий папа Бенедикт посадил Беатрис в тюрьму на пятнадцать месяцев. А священник Пьер Клерже, чтобы избежать наказания, стал шпионом инквизиции. Однако в конце

концов умер в тюрьме, куда его посадили за другие преступления.

Подобные откровения не могли не поколебать решимость будущего папы игнорировать искушения плоти.

Еще один священник признался Бенедикту XII, что у него раздулось лицо после того, как он лег в постель с обычной шлюхой. Несчастный не сомневался, что заболел проказой из-за связи с проституткой. В Тулузе в те времена больных проказой сжигали. Со страху он дал клятву, что больше даже близко не подойдет к женщине — и принялся соблазнять мальчиков своего прихода. Один из них пожаловался, что священник приходит к нему каждую ночь. Думая, что мальчик спит, он начинает ласкать его так, словно имеет дело с женщиной. Священника арестовали и осудили. Будущий папа Бенедикт XII с большими подробностями занес описание этих случаев в специальный журнал инквизиции.

После того как Бенедикт XII взошел на престол, его не раз подвергали суровой критике, называя «Нероном, смертью для мирян, змеей на груди церкви, лжецом и пьяницей». Петрарка, поэт эпохи Возрождения, описывал его как пьяницу и человека, недостойного называться главой церкви. На то у него имелись личные причины. У Петрарки была очень красивая сестра, к которой Бенедикт воспылал страстью «ста-

рого греховодника». Бенедикт предложил Петрарке кардинальскую мантию, если тот отдаст ему сестру. Поэт стойко отверг это предложение. Тогда Бенедикт «купил девушку, заплатив огромную сумму денег другому брату, Герхарду, и проводил с ней все свое свободное время, хотя папы не выносят законных жен, предпочитая им шлюх».

Другие современники говорили о Бенедикте, как о слабом и развратном человеке. Петрарка утверждает, что над ним смеялся его же собственный двор. Он описывает жизнь в Авиньоне, как «позор человечества, средоточие греха, сточную канаву, где собирается вся мерзость мира. Здесь презирают Бога, почитают лишь деньги, попирая все божеские и человеческие законы. Здесь все дышит ложью: воздух, земля, дома, но более всего — спальни».

Петрарка описывает Авиньонский период как «Вавилонское пленение папства» и рисует картины полнейшей коррупции и дикого разврата. Авиньон, по его словам, «был твердыней мучений и гнева, гнездом разврата, выгребной ямой мира, школой ошибок, храмом ереси, однажды бывший Римом, ныне фальшивый и полный страданий от сознания своей вины Вавилон, кузница лжи, чудовищная темница, полная дерьма».

Поэт Альваро Пилаго жаловался: «Волки стали господами церкви».

Дела шли все хуже и хуже. Следующим папой, чей престол находился в Авиньоне, стал Климент VI

(1342—1352). Он заявил: «Никто до меня не знал, как быть папой». Его формула отличалась простотой. Наслаждайся богатством и положением, которое дает тебе папский престол, и сохраняй хорошие отношения с властью имущими. «Если король Англии хочет, чтобы его посла сделали епископом, — язвительно говорил он, — пусть только скажет об этом».

Вскоре в церковном суде появился осел, шею которого украшала лента с надписью: «Пожалуйста, сделайте и меня епископом». Климент посчитал шутку очень остроумной. Его также позабавил присланный подарок с запиской, в которой говорилось: «От дьявола его брату Клименту».

Климент VI любил тратить деньги и даже самому жадному просителю давал больше, чем тот осмеливался надеяться. Обладатель прекрасных манер *сеньора*, он был щедр буквально со всеми, одаривая дорогими вещами и высокими постами друзей и родственников. Кардиналы накапливали огромные состояния, окружали себя красивыми «придворными дамами», или, если имели к тому склонности, мальчиками-пажами. Поговаривали, что Бахуса и Венеру в Авиньоне славят больше, чем Иисуса.

По слухам, свита Климента была даже многочисленней, чем у принца. Он с благоговением относился к красоте, особенно женской. А его роскошный двор славился как «дом вина, женщин,

песен и священников, которые выделяли такие курбеты, словно надеялись снискать себе славу не в почитании Христа, а в пиршествах и разврате», — говорил Петрарка. Он даже утверждал, что лошади папы подкованы золотом. На самом деле золотыми были только мундштуки.

Даже «Католическая энциклопедия» признает, что Климент «любил повеселиться и часто устраивал пирушки, на которые допускались женщины», проникавшие не только в банкетные залы. Климент принял религиозный сан в десять лет и «был весьма увлечен женщинами».

«Будучи архиепископом, он не отказывался от встреч с женщинами и вел себя, как молодой аристократ, — писал флорентийский историк, — Климент не пытался себя ограничивать и после того, как стал папой. Благородные леди попадали в его покои так же легко, как и прелаты. Среди прочих, графиня Тюреннская была так с ним близка, что Климент часто одаривал своих приверженцев через нее».

Петрарка описывает Климента VI как «церковного Диониса со всеми присущими ему непристойными привычками и хитростями». И добавляет, что Авиньон во времена Климента «погрузился в пучину самых гнусных удовольствий и разврата, а целомудрие потерпело самое невиданное из крушений».

Действительно, проституток развелось так много, что Климент начал брать с них налоги. Историк

Джозеф Маккейб даже раскопал бумаги о покупке папскими представителями «прекрасного нового респектабельного борделя» у вдовы одного врача. Среди прочего там написано: «Сделка совершена во славу Господа нашего Иисуса Христа».

Климент VI положил начало неограниченной папской роскоши. В Сирии он приобрел сорок разных золотых одеяний, покупал в Тоскане шелк, тонкое льняное полотно в Реймсе, Париже и Фландрии. мех считался роскошью, его не имели права носить рыцари, пажи, сквайры и фрейлины. Климент использовал на свои одеяния 1080 горностаевых шкурок — 68 ушло на капюшон, 430 на плащ, 310 потребовалось для мантии, 150 еще для двух капюшонов, 64 шкурки было израсходовано на четвертый капюшон, 30 на шляпу, 80 на большой капюшон и 88 на головной убор.

Свидетель так рассказывает о приеме, устроенном кардиналом Аннибейлом для Климента VI в пригороде Авиньона в 1343 году:

Папу ввели в комнату, стены которой украшали великолепные гобелены. Пол покрывал бархатный ковер. Огромная кровать была убрана тончайшим алым бархатом, отороченным белым мехом горностаевая, и белым шелком с золотой вышивкой. Четыре рыцаря и двенадцать сквайров папского двора ждали его за столом; хозяин одарил каждого бога-

тым серебряным поясом и кошельком с 25 золотыми флоринами. Пятьдесят сквайров из свиты кардинала Аннибейла прислуживали папе и его свите. Обед состоял из девяти перемен, каждая из которых включала три блюда — всего двадцать семь. Среди прочего внесли нечто, напоминающее громадный замок — блюдо из огромного индюка, кабана, нескольких козлят, зайцев и кроликов. В конце четвертой перемены кардинал преподнес папе великолепное белое блюдо стоимостью в 400 флоринов и два кольца, оцениваемых в 150 флоринов, одно с громадным сапфиром, а другое с таким же топазом. Все шестнадцать кардиналов, двадцать прелатов и аристократы получили по кольцу с прекрасным самоцветом. Двенадцати молодым клирикам из папского окружения вручили пояса с кошельками, где лежало по 25 флоринов; двадцать пять сержантов папской гвардии надели новые ремни ценой по три флорина. После пятой перемены появился фонтан с деревом и колонной, в котором било пять разных видов вина. Фонтан украшали петухи, фазаны, куропатки, журавли и другие птицы. Между седьмой и восьмой переменами прямо в банкетном зале состоялся турнир. Пиршество венчал концерт. На десерт внесли два дерева; с одного, будто отлитого из серебра, свисали яблоки, груши, фиги, персики и виноград из золота; другое, лавровое, было усыпано разноцветными засахаренными фруктами.

Вино для пиришества прибыло из самых разных областей. После десерта перед гостями танцевал главный повар вместе с тридцатью помощниками. Когда папа отправился отдохнуть в свои покои, перед нами поставили вина с пряностями.

День закончился пением, танцами, турнирами и непристойной комедией, которую, по всей видимости, папа и кардиналы нашли весьма забавной. Согласно Петрарке, вслед за этим началась оргия.

Климент купил город Авиньон за 80 000 золотых соверенов и построил там новый дворец, Пале-Неф. Говорили, что это самый прекрасный дворец в мире, и что он украшен лучшими гобеленами и шелками. На фресках папской спальни были изображены играющие нимфы и сатиры, которых можно увидеть и в наше время.

Значительную часть дворца в свое распоряжение получила инквизиция. Климент весьма брезгливо относился к тому, что там происходило, и редко посещал камеру пыток. Больше всего он любил маленькую комнату в башне, где стоял двуспальный диван. Именно здесь он проводил блаженные часы, положив голову на колени несравненной Сесилии, графини Тюреннской.

Впрочем, он принимал в этих покоях не только ее. Обнаженный Климент развлекался на простынях, отороченных мехом горноста, со многими любовницами, в то время как жертвы инквизиции,

также обнаженные, подвергались пыткам и умирали в темницах дворца за мелкие проступки, вроде нарушения великого поста.

Каждый вечер, когда зажигалась вечерняя звезда, Климент VI устраивал аудиенцию, на которой присутствовали только женщины. Однако один из его недоброжелателей стоял перед входом во дворец и считал входивших и выходивших женщин. Вскоре он обнаружил, что входит всегда больше, чем выходит, и сделал очевидный вывод.

Поползли слухи, что папа принимает по ночам женщин. Об этом узнал исповедник папы, который предупредил Климента, что ему необходимо соблюдать обет безбрачия. Однако Климент ответил, что в молодости он привык спать с женщинами, а теперь продолжает так поступать потому, что ему советуют доктора.

Такой ответ не устроил кардиналов, и папский двор начал кампанию против Климента. И тогда папа выступил с речью, при этом он сжимал в руках маленькую черную книгу. В ней он записал имена своих предшественников на папском престоле и на их примерах продемонстрировал, что папы, отличавшиеся особой похотливостью и постоянно нарушавшие обет безбрачия, управляли церковью лучше, чем те, кто обет соблюдали. Он очень подробно рассказал об их любовных похождениях и «вечеринках с полным отпущением гре-

хов». И весьма великодушно признал своих незаконных отпрысков.

Существуют разные описания поведения папы во время черной смерти* в Авиньоне, в 1348 году. Шестьдесят две тысячи людей умерли между 25 января и 27 апреля; 1312 человек скончались в один день. Более 7000 домов были заколочены. Когда люди ворвались в кармелитский монастырь, оказалось, что все 166 его обитателей были мертвы.

Первым симптомом было кровохарканье, и больной иногда умирал в течение трех дней.

«Люди заражались, прикасаясь к больным, но иногда даже и этого не требовалось, — писал Боккаччо. — Опасность подстерегала даже тех, кто разговаривал с больными, или только бросал на них взгляд».

Другой современник отмечал:

«Люди уходили из жизни без слуг, и их хоронили без священников. Отец не посещал сына, а сын отца. Милосердие умерло, исчезла надежда».

Кое-кто утверждает, что Климент продемонстрировал большое мужество и защищал евреев, которых обвинили в возникновении эпидемии. Другие говорят, что он заперся во дворце, окружив его огромными кострами. Если это правда, то, вероятно, таким образом он спасся от эпидемии, в то время как три четверти населения Авиньона умерло.

* Чума в Европе в XIV в.

В 1350 году Климент объявил об отпущении всех грехов христианам, которые совершат паломничество в Рим. На то у него имелись особые причины, ведь душу папы отягчало множество грехов. Все соглашались на том, что обвинения в аморальном поведении на сексуальной почве, выдвинутые против него современниками, совершенно справедливы. Петрарка обращает внимание на непристойные замечания, которые приписывались папе, не говоря уже о его бесчисленных любовных приключениях.

«Я рассказываю о том, что видел», — подчеркивает Петрарка.

Распутный образ жизни Климента и «блудниц Нового Вавилона» в Авиньоне многие считали причиной чумы. «Разрешив прелюбодеяние своим священникам и раздав сокровища Церкви богачам», Климент навлек на всех божественный гнев. В тот день, когда он умер, молния ударила в базилику святого Петра и расплавила колокол. Люди посчитали это божественным знаком.

Известие о смерти Климента было встречено с радостью. Никто не сомневался, что папа отправился прямо в ад. В течение девяти дней подряд пятьдесят священников читали мессу за упокой его души, но никто не сомневался в том, что это не поможет.

Многие считали, что папский престол необходимо вернуть в Рим, чтобы люди снова могли его

уважать. В 1367 году папа Урбан V (1362—1370) попытался решить эту задачу. Когда он собрался уезжать, толпы людей кричали: «Злой папа... нечестивый Отец, куда ты уводишь своих детей?»

Урбан нашел Рим в руинах. В Латеранском дворце поселились летучие мыши и совы. Через три года он снова приехал в Авиньон.

В 1377 году монахиня Екатерина из Сиены пришла просить Григория XI (1370—1378) уехать из Авиньона в Рим. Она считала Авиньон средоточием порока.

«Отвратительное зловоние курии давно достигло моего города, — сказала она. — Когда я появляюсь при папском дворе, который должен быть образцом добродетели, я ощущаю смрад ада».

На папу произвел большое впечатление религиозный экстаз, который охватывал Екатерину во время мессы, но кардиналы боялись, что под ее влиянием им придется закрыть свои салоны, куда в надежде занять высокое положение приходили красивые молодые люди, сыновья принцев и герцогов. Во время богослужения прелаты шипали и щекотали монахиню, чтобы выяснить, насколько истинным является ее экстаз. Одна женщина вонзила иголку в ногу Екатерины, и она несколько дней ходила прихрамывая. Монахиня потрясла Григория, и он выполнил ее просьбу и решил перебраться в Италию, оставив в Авиньоне шесть кардиналов, которые не пожелали расстаться с роскошными

домами, бургундским вином и восхитительными французскими женщинами.

Когда Григорий покидал свой дворец в Авиньоне, его мать разорвала платье, чтобы показать ему грудь, которая его выкормила, и молила сына не возвращаться в Рим. Она не сомневалась, что его там убьют. И надо сказать, Григорию чудом удалось избежать насильственной смерти. Италия превратилась в сцену кровавых сражений благодаря солдату Роберту из Женевы, впоследствии ставшему папой Климентом VII (1378—1394). Григорий удалился на покой и вскоре умер от истощения сил. Он прожил в Италии менее года.

И тут возникла новая проблема. После того, как папский престол вернулся в Рим, римляне захотели иметь римского папу; однако среди кардиналов теперь преобладали французы. Конклав смог предложить лишь неаполитанца, Бартоломео Приньяно, архиепископа Бари. Он хотя бы был итальянцем. Чтобы на время успокоить римлян, кардиналы одели в папскую мантию выжившего из ума восьмидесятилетнего старика, кардинала Тибалдечи и представили его толпе. Бартоломео Приньяно, ставший папой Урбаном VI (1378—1389), был неуравновешенным алкоголиком. Во время пиршества, последовавшего за коронацией, он выпил в восемь раз больше, чем любой другой член коллегии, и, по свидетельству кардинала Бретани, оскорбил кардинала Орсини.

Новоиспеченного папу пришлось держать за руки, чтобы предотвратить драку. Поэтому кардиналы попытались сместить Урбана.

Мятежную коллегия поддержал отлученный от церкви неаполитанский король Карл, который осадил Урбана VI в замке Носера. Спасенный геноуэцами Урбан захватил в плен пять мятежных кардиналов. По его приказу их замучили до смерти, пока он пьянствовал и молился.

Рожденный в одном из нищих кварталов Неаполя, Урбан с презрением относился к изнеженным французским кардиналам. Чтобы избежать гнева папы, они ускользнули в Ананьи, откуда объявили, что остановились на кандидатуре Урбана VI только из опасений гнева римской толпы, следовательно, его не следует считать истинным папой. Они немедленно избрали другого папу — Роберта из Женева, который считался храбрым солдатом. В 1375 году он привел армию — 6000 всадников и 4000 пехотинцев — чтобы покорить Болонью и Флоренцию, и прославился своей жестокостью. Только в одной Сезене он уничтожил 4500 человек. Роберт из Женева стал Климентом VII (1378—1394). Теперь на папском престоле восседали сразу два папы. Так начался Великий раскол.

Антипапа Климент VII вернулся в Авиньон — оказалось, что он мало чем отличается от своих предшественников. Климент стал папой в трид-

цать шесть лет и «часто предавался наслаждениям плоти». Однако он старался, чтобы все оставалось в семье. Говорят, он выбирал фаворитов и любовниц из числа собственных родственников. Климент VII окружил себя мальчиками-пажами, чьи курточки, как было отмечено, стали значительно короче — теперь они доходили лишь до середины ягодиц. Во времена Климента VI курточки пажей закрывали колени.

Климент VII прекрасно понимал, что для сохранения власти ему необходима поддержка принцев и королей. Он без всяких возражений легализовал троих незаконнорожденных сыновей сицилийского короля Владислава, которому в этом наотрез отказал Урбан VI. Когда Карл VI был ранен во время кампании против герцога Бретани, он временно потерял рассудок, и его пришлось держать под домашним арестом. Потом разум частично к нему вернулся, и он снова окунулся в удовольствия своего развратного двора, но вскоре стало ясно, что помутнение рассудка носит циклический характер, и что он и королева Изабелла Баварская больше не могут жить вместе. Если бы он убил ее во время одного из своих приступов безумия, это привело бы к войне с Германией. Тогда нашли девушку по имени Одетта де Чампдайверс. Ей отдали два поместья в Кретей и Баньоле за то, что она согласилась стать спутницей короля. Она честно исполняла свои обязательства и вошла в историю как «малень-

кая королева». Кроме того, она родила королю дочь, которую называли Маргарита. Между тем настоящая королева, Изабелла, нашла утешение в объятиях герцога Людовика Орлеанского.

Урбан VI умер в октябре 1389 года. За свое правление он назначил двадцать шесть новых кардиналов, которые выбрали нового папу из своего числа. Им стал Бонифаций IX (1389—1404). Новый папа был убийцей, который активно использовал симонию для пополнения оскудевшей папской казны. Кроме того, он брал деньги за индульгенции, канонизацию святых и подтверждение подлинности новых религиозных реликвий, вроде крайней плоти Христа. Говорят, он получал один дукат за каждый подписанный документ — за исключением отлучения от церкви своего соперника, засевшего в Авиньоне антипапы Климента VII. Существенная часть денег переходила в руки его братьев, «племянников» и матери.

Преемником Климента в Авиньоне стал Бенедикт XIII (1394—1417). В 1396 году он дал разрешение на брак между двадцатидевятилетним королем Англии Ричардом II и Изабеллой, семилетней дочерью короля Франции. Во время свадебного пиршества маленькую невесту принесли на шелковых носилках. Сохранилось трогательное описание их расставания в 1399 году. Король поцелуями свою тогда уже десятилетнюю жену. В том же году его убили. В пятнадцать лет

Изабелла обратилась к римскому папе, Иннокентию VII (1404—1406) за разрешением выйти замуж за Карла Орлеанского. Жених, граф Орлеанский, едва достиг тринадцати лет. Между тем, герцог Людовик Орлеанский подал прошение Бенедикту в Авиньоне, в надежде получить разрешение на брак своей дочери с дофином. Ей в тот момент исполнилось всего лишь четыре месяца. Оба разрешения обеспечили Иннокентия и Бенедикта политическими связями.

В Риме на смену Иннокентию пришел Григорий XII, знаменитый тем, что он имел огромное количество «племянников». Перед избранием он обещал, что покончит с расколом в церкви, но заняв папский престол, передумал. Тогда все его кардиналы, кроме трех, встретились с кардиналами Бенедикта на соборе в Пизе в 1409 году.

Собор издал декрет, в котором осуждались и Бенедикт XIII в Авиньоне, и Григорий XII в Риме. Кардиналы избрали другого папу, Александра V (1406—1410), знаменитого чревоугодника, который половину дня проводил за столом. В его дворце служило четыреста ливрейных слуг — все женщины. Александр V отличался исключительной щедростью, в то время как сам скромно разъезжал по улицам Пизы в папских одеяниях на спине белого ослика.

Теперь к двум папам прибавился третий, и шутники провозгласили рождение новой рели-

гии: «Я верю в три святыя католическия церкви». Три папы, естественно, отлучили друг друга от церкви. Каждый содержал свой двор, назначал новых кардиналов, издавал буллы и продавал индульгенции. Каждый утверждал, что двое других являются самозванцами, и нанимал шпионов и убийц, чтобы обманом, подкупом и силой оружия разделаться со своими соперниками.

НЕВОЗДЕРЖАННОСТЬ В КОНСТАНЦЕ

Антипапа Иоанн XXIII (1410—1415) начинал свою карьеру пиратом и наемником — он был неаполитанцем из аристократической, но обедневшей семьи и носил имя Бальдассаре Косса. Он восстановил состояние семьи, приняв участие в войне на море между Людовиком II Анжуйским и Владиславом из Сицилии, который стал королем Неаполитанским. Позднее у него хватило денег, чтобы откупиться и получить прощение Владислава.

Затем, как это принято у мошенников, Косса занялся изучением юриспруденции. Он учился в Болонье, где прославился своим обжорством и любовью к женщинам. После окончания учебы римский папа Бонифаций IX (1398—1404) назначил его своим казначеем. Алчный и амбициозный, он помогал папе проворачивать многочисленные денеж-

ные махинации. В том числе продажу должностей тому, кто больше заплатит. Косса помог Александру V, пизанскому папе, выиграть выборы. В награду Александр сделал его папским легатом.

Кардинал Косса, которого называли «не краснеющий распутник», содержал двор в Болонье, состоящий, по слухам, из «двухсот девушек, жен, вдов и множества монахинь». Он утверждал, будто соблазнил там сотни женщин. Многие жены, побывавшие во дворце кардинала, позднее были преданы смерти ревнивыми мужьями или семьями, считавшими, что обесчещены.

Кардинал Косса брал налог с проституток и игорных домов точно так же, как с пекарей, мельников и продавцов вина. Он молился на аристократов и стирал в порошок бедняков.

«Каждый день, — вспоминали современники, — множество мужчин и женщин находило свою смерть — приезжие и жители Болоньи — так что население небольшого города заметно уменьшилось».

Леонардо Аретино, секретарь Коссы во время его девятилетнего кардинальского правления в Болонье, говорил, что оставшиеся в живых процветали. Железная воля Коссы принесла мир тем, кто выжил и соглашался с ним сотрудничать.

Кардинал Косса был наделен недюжинным административным талантом и деловой хваткой, но его душевные качества, по словам Аретино, «рав-

нялись нулю, или минус нулю», поскольку он предпочитал вымогательство молитвам. Говорят, кардинал никогда не ходил на исповедь и не причащался, не верил в бессмертие души и воскрешение мертвых, и, если уж на то пошло, в Бога.

Александр V сделал ошибку, посетив своего ставленника в Болонье: за это он поплатился жизнью. Никого не удивило, когда Коссу обвинили в том, что он отравил папу. Впрочем, это уже не имело особого значения. В мае 1410 года в Болонье собрался конклав, в задачу которого входило выбрать нового папу. Войска Коссы окружили дворец. А кроме того, у него было более чем достаточно денег для взяток, если таковые потребуются.

Как только кардинал Косса появился на конклаве, он потребовал, чтобы внесли папский палантин.

«Я возложу его на человека, который более всех его достоин», — заявил он.

Когда палантин принесли, он возложил его на себя.

«Я папа», — сказал он остальным кардиналам.

Никто не посмел с ним спорить. Никого не пришлось подкупать. Без промедления бывшего пирата Бальдассаре Коссу короновали как Иоанна XXIII.

Всего за день до коронации Косса стал священником. В те времена можно было стать кардиналом — принцем Церкви — не приняв посвящения. Иоанн XXIII короновался с большой помпой. Когда его торжественно несли по улицам,

какой-то еврей передал ему Ветхий завет. Осмотрев его, Иоанн заявил:

«Ваша религия хороша, но наша лучше». — С этими словами он швырнул книгу в пыль. И отправил две сотни солдат, вооруженных дубинками, в гетто избивать евреев.

Празднование продолжалось восемь дней — с пирушками, танцами и музыкой.

Иоанн XXIII вел себя на папском престоле весьма экстравагантно. Его секретарь говорил, что Косса прорубил себе путь к престолу золотым топором. Тех, кого ему не удавалось подкупить, он соблазнял проститутками, которые находились под его контролем.

«Играя в кости, он просил помощи у дьявола, а в момент веселья мог поднять бокал в честь Сатаны», — так говорили о нем очевидцы.

Ходили упорные слухи, что Косса атеист. Кроме того, он частенько наносил увечья своим кардиналам: «лишал языка, пальцев, рук и носов».

Его сексуальные пристрастия также были чрезвычайно извращенными. Говорили, что он водил «порочную дружбу с двумя своими сестрами».

В описываемое время одновременно правили три папы, но Иоанн XXIII сумел обосноваться в Риме, обойдя Григория. Впрочем, ему пришлось отступить, когда Владислав Неаполитанский пошел на него войной.

Иоанн XXIII заполучил папский престол при помощи оружия, но довольно быстро лишился поддержки внутри церкви. Кардиналы, на соборе в Пизе, выбрали Александра V, который представлял наибольшее число людей, исповедующих католичество. Они надеялись, что под его предводительством им удастся покончить с расколом внутри Церкви — рассчитывать на это под эгидой Иоанна XXIII, конечно же, не приходилось. Григорий XII и Бенедикт XIII по сравнению с ним казались невинными младенцами. Так или иначе, три различных церковных направления необходимо было объединить.

Положить конец Великому расколу сумел Сигизмунд — король Венгрии, император Священной Римской империи и чрезвычайно интересная личность. Образованный человек, говорящий на нескольких языках, он прославился своим остроумием. Кроме того, он любил крепко выпить и побывал во множестве чужих постелей.

«Еще не рождалось мужчины, который так часто нарушал бы свою супружескую клятву», — таковы первые свидетельства о Сигизмунде.

В 1396 году, когда турки вышли к Дунаю, он, по повелению Бонифация IX, римского папы, повел против них объединенные силы христиан, но потерпел поражение в Никопольском сражении. Позднее он лишился трона в Венгрии и попал в плен. Однако вернул себе корону, но чуть не умер от ли-

хорадки. В лечение входила и такая процедура — больного на двадцать четыре часа подвешивали за пятки, чтобы лихорадка вытекла через рот.

Его жена, знаменитая красавица Барбара из Стирии, была такой же неверной, как и Сигизмунд. Однако он никогда не отрекался от нее — «всякий, имеющий рога, не должен отказываться их носить», говорил Сигизмунд. Она не верила в христианство и называла загробную жизнь глупой мечтой. Барбара находила истории о посте, покаянии и замученных за веру девственницах особенно забавными. Удовольствие — вот что составляет жизнь, говорила она. Когда Сигизмунд умер, ее попросили положенное время соблюдать траур, «как горлица, потерявшая своего голубя». Барбара ответила, что голуби ужасно глупые птицы, а она предпочитает ласточек.

Сигизмунд считал, что существует только один способ покончить с Великим расколом: собрать трех соперничающих пап и все заинтересованные стороны, что он и сделал в 1414 году на соборе в Констанце. Сигизмунд остановил свой выбор на этом городе, памятуя о щедрости городских властей, продемонстрированной ими во время его прошлых визитов. Он даже выразил им публичную благодарность за то, что они разрешили его людям бесплатно пользоваться борделями.

У Иоанна XXIII не было выбора, ему пришлось приехать в Констанцу. Поскольку он бежал из

Рима, Иоанну пришлось искать убежища у Сигизмунда. Однако он знал, как выигрываются подобные битвы — все решают деньги. Перед собором Иоанн вернулся в Болонью и продал места будущих епископов и архиепископов — в результате он отправился в Констанцу с миллионом дукатов.

Сигизмунд встретил его в Милане и проводил самого опасного — по его мнению — из трех пап через Тирольские Альпы. По пути Иоанн XXIII — который понимал не хуже любого другого, в каком серьезном положении он оказался — выпал из кареты. Когда его спросили, не ушибся ли он, Иоанн ответил: «Нет, со мной все в порядке, но это падение можно рассматривать как предупреждение о том, что мне следовало остаться в Болонье».

Когда же, наконец, их глазам предстала Констанца, Иоанн заметил: «Значит, вот как выглядит ловушка, в которую поймают лису».

Собор в Констанце оказался грандиозным мероприятием. На него приехало 2300 принцев и рыцарей; 18 000 прелатов, священников и теологов; 80 000 мирян, включая 45 ювелиров, 330 различных торговцев, 242 банкира, 75 кондитеров, 250 пекарей, 70 сапожников, 48 скорняков, 44 аптекаря, 92 кузнеца, 48 менял, 228 портных, 83 содержателя таверн, где продавалось итальянское вино, 65 глашатаев, 346 клоунов, жонглеров и акробатов, 306 цирюльников и 700 проституток.

Проституток оказалось абсурдно мало для такого огромного количества духовных лиц. Но в данном списке фигурируют только те, что имели постоянное место работы. Кроме того, упоминаются еще 1500 проституток, которые работали на улицах, не имея постоянного пристанища. Говорят, у них было так много предложений, что многие после окончания собора смогли скопить достаточно денег, чтобы уйти на покой.

Современники рассказывали о духовенстве, собравшемся на собор: «Чем свободнее они становились, тем сильнее предавались различным порокам. Одна женщина в постели их уже не устраивала; кроме той, что жила вместе с ними как жена, они обычно имели еще немало молодых девушек в качестве любовниц».

Один предприимчивый гражданин Констанцы воспользовался преимуществами возникшей ситуации. Он продал свою жену служащим архива Сигизмунда. Она заработала 500 дукатов, на которые впоследствии он купил дом.

Историк Бенедикт де Пилео заявил, что сама Венера правила в Констанце, «так много здесь собралось дам и девушек, что от разнообразия ярких красок и лиц разбегались глаза».

Поэт Освальд фон Фолькенштейн также приехал в Констанцу и написал:

*Женщины здесь соблазнительны как ангелы,
Они разбили мое сердце,*

Они овладели моими снами, редчайшие самоцветы,
На прекрасных локонах и румяных щечках
Не остается следов страданий.

Кроме того, поэт жаловался, что ему пришлось расстаться со всеми имевшимися у него деньгами. Местных оборванцев вышвырнули из города, однако два человека погибли в уличных драках, а из озера выудили 63 тела. Церковники воспользовались шансом и свели со своими врагами счеты.

Грешили все подряд, в город приехало множество иностранцев, поэтому требовались исповедники, знающие разные языки. Хуже всего пришлось эфиопам — им отказывали в отпущении грехов, поскольку никто не знал их языка.

Грандиозное открытие собора — его отложили из-за эпидемии *noli me tangere** (изъязвление лица, особенно поражающее нос) — состоялось 3 ноября. Однако, когда все собравшиеся, в парадных одеждах, заняли свои места, папа Иоанн сделал вид, что заболел, так что собор пришлось опять перенести. Наконец, 5 ноября 1414 года он начал свою работу.

Несмотря на дурные знамения, Иоанн XXIII по-прежнему чувствовал, что у него есть шанс. В конце концов, два его соперника, Бенедикт XIII и Григорий XII, не осмелились приехать на собор. Многие из собравшихся в Констанце церковников были такими же коррумпированными, как и

* Не тронь меня, не прикасайся ко мне (лат.).

он сам, хотя по сравнению с ним выглядели малыми детьми. Мнение о том, что священники много хуже обычных людей, считалось общепринятым — Чосер даже говорил о «дерьмовых пастырях и чистых овцах».

В Англии светские власти даже попытались как-то с этим бороться. В 1414 году король Генрих V попросил Оксфордский университет подготовить тезисы по реформированию церкви. Статья 39 начиналась так: «Из-за того, что греховная жизнь кардиналов и священников компрометирует саму церковь, а их публичные пороки остаются безнаказанными...» Благородные джентльмены из Кента имели свое, радикальное предложение по борьбе с невоздержанностью духовенства. Они считали, что во время принятия сана священников следует насильственно кастрировать.

Во Франции Николай де Клеманж, ректор парижского университета и архидьякон Байенна, с презрением высказывался в адрес священников, «изнеженных и невоздержанных, вынужденных служить трем господам: Распутству, требующему удовольствий в виде вина, мяса, сна, роскошных развлечений, шлюх и сводников. Гордости, которая желает высоких домов, башен и замков, дорогих одежд и породистых лошадей. Алчности, требующей огромных денег, чтобы за все платить». «В результате, — пишет он, — «каждый росчерк пера имеет свою цену», а мы получили духовен-

ство, которое «охотнее потеряет десять тысяч душ, чем десять солей». В старом французском ливре содержалось двадцать солей.

Де Клеманж также привлекал внимание общественности к вечным проблемам церкви — «Что такое сейчас женские монастыри, как не отвратительные дома Венеры?»

Иоанн XXIII чувствовал себя прекрасно в компании таких церковников. Кроме того, он знал, что кардиналы, принимавшие участие в соборе в Пизе, склонны поддержать его претензии на папский престол, поскольку он являлся несомненным преемником Александра V. К тому же умер заклятый враг Иоанна король Владислав.

На самом деле Иоанн считал, что его положение настолько прочно, что он может расстроить собор, не посещая его заседаний. Однако процесс уже набрал ход. Делегаты проехали тысячи миль и не собирались покидать Констанцу, не приняв решения.

Вскоре Иоанн узнал, что на тайной встрече собор спланировал обнародовать его грехи и сместить. Он не стал терять времени, предстал перед собором и отрекся от престола. Однако его отречение будет иметь силу, заявил Иоанн, только в том случае, если и остальные папы также отрекутся. Тогда можно будет избрать нового папу.

Конечно, он знал, что Авиньонский антипапа Бенедикт XIII, который уже двадцать лет отстаива-

ет свое право называться папой, отречься не собирается. Он даже провел пять лет в темнице Авиньона, перед тем как ему удалось бежать оттуда в 1403 году. К тому же, Бенедикт объявил, что отречение истинного папы есть грех. Так что при ближайшем рассмотрении выяснилось, что Иоанн вовсе и не сложил с себя свои обязанности.

Однако это был хороший политический ход, Иоанну удалось тем самым сохранить своих приверженцев. Однако он поссорился с Сигизмундом: сохраняя внешние приличия, за спиной он называл короля пьяницей, дикарем и глупцом. А тот, в свою очередь, со свойственной ему прямоотой заявил: «Вы, итальянцы, думаете, что все знаете и управляете всем миром, но я считаю вас подонками».

Слова короля вынудили Иоанна быть более откровенным.

«Кажется, ты думаешь, будто занимаешь такое же положение как и я — и все из-за того, что ты родился в Люксембурге? — спросил он у Сигизмунда. — Если бы ты не был королем римлян, то сидел бы у моих ног. Я же оказываю тебе честь, позволяя находиться рядом с собой только потому, что ты итальянец, а не варвар».

Сделав такое заявление, Иоанн XXIII преступил черту. Собор желал видеть смиренного и скромного папу, а не наглого тирана. Иоанн попытался вернуть себе поддержку кардиналов, пожаловав Сигизмунду «Золотую розу», символ папского ува-

жения. Но опоздал. Личность Иоанна снова стала предметом яростных споров.

Анализируя преступления Иоанна XXIII, Роберт Хэллем, епископ Солсбери, выразил мнение большинства присутствующих на соборе, когда просто сказал, что «Иоанна следует сжечь».

Когда события приняли такой оборот, Иоанн бежал из Констанцы, переодевшись в конюха, завязав платком лицо и держа в руках арбалет. Папа нашел убежище в Шафхаузене у своего союзника герцога Фридриха. Сигизмунд, опасаясь, что Иоанн может вернуться в Авиньон и еще больше осложнить и без того практически неразрешимую ситуацию, напал на Фридриха и одержал победу.

Между тем, впервые за все время папской власти собор постановил, что можно сместить папу: «вы же отбираете меч у безумца». Все требовали возвращения Иоанна в Констанцу. И тот заявил, что с радостью вернется — поскольку ему уже некуда было деваться.

14 мая 1415 года на десятой сессии собора в Констанце прозвучал сокращенный список преступлений Иоанна. Один из комментаторов написал: «Никогда еще не предъявлялись суду более ужасные обвинения — общим числом семьдесят — чем те, что выдвинуты против Иоанна XXIII. Перед принятием окончательной формулировки было решено умолчать о шестнадцати самых чудовищных преступлениях — не из уважения к папе, а чтобы

пошадить чувства публики». Таким образом, осталось пятьдесят четыре. Эдуард Гиббон говорит в «Истории упадка и разрушения римской империи»:

«Его самые скандальные прегрешения остались для широкой публики тайной — речь шла только о пиратстве, убийствах, изнасилованиях, педерастии и инцесте».

Итак, папу Иоанна XXIII обвинили в «...лживости и порочности; в том, что он сбил с пути истинного папу Бонифация IX, подкупил конклав кардиналов, жестоко и несправедливо правил Болоньей, отравил папу Александра V, не верил ни в воскресение души, ни в загробную жизнь, предавался животным удовольствиям, был зеркалом бесчестия, воплощением дьявола, осквернил Церковь симонией...» Также упоминались инцест и педерастия, как и «осквернительные половые сношения с тремя сотнями монахинь; насилие над тремя собственными сестрами; захват в плен целой семьи для того, чтобы одновременно надругаться над матерью, сыном и отцом». После чего собор сместил его с папского престола как «убийцу, педераста, симониста и еретика». Всем христианам было предписано отказаться от верности Иоанну XXIII. 29 мая его окончательно лишили папского титула. А вскоре после этого он отрекся от престола и отдал папскую печать и кольцо.

Папа Иоанн XXIII признался в убийстве, прелюбодеянии, инцесте и атеизме. Однако это не

помешало ему продолжить церковную карьеру. После трехлетнего пребывания в баварской тюрьме, он купил себе свободу за огромную сумму и вернулся в Италию, где стал архиепископом Тускула (сейчас он известен как Фраскати). А вскоре его назначили деканом коллегии кардиналов, и он жил в роскоши благодаря щедрости своего друга, флорентийского банкира Косимо Медичи. Иоанн умер в 1419 году и похоронен в восьмиугольной баптистерии Флорентийского собора работы Донателло. На склепе простая надпись: «Здесь покоится тело Бальдассаре Коссы, Иоанна XXIII, который был римским папой».

В XX веке был еще один папа Иоанн XXIII (1958–1963). Для католической церкви подобная практика является нормой — так делается для того, чтобы скрыть преступления прошлых пап, давая их имена другим. Существовало два Бенедикта XII, два Бенедикта XIV, два Климента VII и два Климента VIII.

После скандального смещения Иоанна XXIII, правившего в XV веке, Григорий XII заболел, не выдержав напряжения бесконечных споров. Он вновь созвал собор в Констанце, а потом отрекся от престола, получив в благодарность должность архиепископа Порто и постоянный пост легата папского престола в Анконе.

Теперь у западных христиан остался всего один папа — Бенедикт XIII. Сигизмунд навестил его и

попросил сделать отречение *pro forma**, чтобы собор смог заново его избрать и покончить с расколом. Однако Бенедикт отказался. Он утверждал, что является законным папой и единственным оставшимся в живых кардиналом, который получил свой сан еще до раскола. А поскольку он *единственный настоящий* кардинал, никакой собор на свете не обладает большей, чем он сам, властью, чтобы назначить его папой.

Собор не согласился с ним. Бенедикта сместили, и он лишился поддержки своих сторонников. Папский престол занял Мартин V (1417–1431) — по иронии судьбы сторонник Иоанна XXIII.

* Для видимости (лат.).

Глава 12

ПАПСКАЯ ПОРНОГРАФИЯ

В эпоху Возрождения папы стали большими покровителями искусств и литературы.

Мартин V нанял своим главным секретарем писателя Поджо Баккиолини, прославившегося тем, что, сидя в папском дворце, он создал собрание непристойных рассказов, которые ходили в рукописной форме. Позднее они были опубликованы. Менее чем за четверть века вышло двадцать шесть изданий. Когда папа Павел IV (1555–1559) впервые составил «Индекс запрещенных книг», в нем говорилось, что цензоры должны переработать в данном сборнике ряд особенно неприличных мест.

Мартин V совсем не был ханжой, когда дело доходило до неприличной истории, и ему нравились произведения Баккиолини. В послании к другу Баккиолини пишет, что папа «сильно веселился»,

когда аббат сказал, что у него есть пять сыновей, которые будут за него драться.

О тех временах говорили: «Едва ли найдется хотя бы один священник из тысячи, соблюдающий обет безбрачия: все совершают прелюбодеяния, живут с любовницами, или делают еще кое-что похуже».

«Еще кое-что похуже» — в данном случае намек на инцест и педерастию. Сам Баккиолини признавал, что у него четырнадцать детей, но, как и большинство других модных писателей того времени, открыто прославлял педерастию, о которой другие, более осторожные авторы, писали, что она «как чума поразила крупные города Италии».

Баккиолини также с восторгом рассказывал о банях в Бадене:

«Здесь монахини, аббаты, монахи и священники часто ведут себя менее пристойно, чем миряне».

Несмотря на любовь к подобного рода литературе, Мартин V пытался бороться с непристойным образом жизни священников. В одном из своих посланий он писал, что любовницы, симония, пренебрежение своими святыми обязанностями, игра в азартные игры, пьянство, драки, фиглярство и родственные им безобразия свойственны служителям Христа. Епископ Анжера согласился с Мартином. В 1428 году он признал, что прелюбодеяние стало настолько распространенным среди духовенства, что больше уже не считается грехом.

Между тем, священники XV века с амвона клеймили новую моду — глубокое декольте. Женщины демонстрировали в храмах свою открытую грудь.

«Вы переступаете порог храма, но по вашей роскошной, неприличной одежде можно подумать, что вы явились на бал. Отправляясь на танцы, пирушку или в бани, одевайтесь как хотите, — заявил один из священников того периода, — но когда вы приходите в церковь, прошу вас, сделайте так, чтобы была заметна разница между домом Господа нашего и притоном дьявола».

Другие с презрением осуждали нравственные устои того времени.

«Как редко стыд посещает людей, живущих в нашем столетии. Они не краснеют на публике, когда совершают святотатство, играют в азартные игры, воруют, одалживают деньги под высокие проценты, дают ложные показания в суде, произносят недостойные слова и даже их поют. Женщины ходят с неприкрытыми руками, шеей и грудью, выставляют себя передо мной, чтобы склонить к чудовишным грехам прелюбодеяния, изнасилования, осквернения и педерасти».

Брат Мейлард также выступал против новой моды.

«А вы, женщины, показывающие свою прекрасную грудь и шею, неужели вы хотите умереть в таком виде? — спрашивал он. — Скажите мне, глупые, разве у вас нет поклонников, которые

приносят вам цветы, и разве вы не кладете их цветы себе на грудь?»

И в наказание, утверждал брат Мейлард, их атакует жаба, извергающая потоки огня.

Между тем, мужчины начали носить гюльфик, охватывающий пенис, как палец перчатки. «Какова цель этого чудовищного безобразия, которое мы в наши дни демонстрируем на своих панталонах? — вопрошал эссеист Мишель Монтень. — И, кстати, очень часто оказывается, что у многих гюльфик большего размера, чем необходимо».

В Англии духовенство продолжало идти своим собственным «сладким» путем. В приходе святого Иоанна Захарии в Лондоне открылся бордель, который обслуживал исключительно монахов и священников. Войти туда мог только тот, у кого имелась тонзура. Без сомнения, работающие там леди чувствовали, что их призвал на службу сам Господь.

Преемника Мартина V, Евгения IV (1431—1447) сместил антипапа Феликс V (1439—1449), герцог Савойский, который до своего избрания не был даже священником. Впрочем, он отказался от герцогства, когда стал папой. Еще будучи герцогом Амадеусом VIII, он был женат и имел двух сыновей, но смерть жены и старшего сына так сильно потрясла его, что он ушел в орден рыцарей-отшельников возле Тонона на Женевском озере, оставив младшего сына Людовико управлять герцогством.

Хотя за пределы Савоя его влияние практически не распространялось, он нанял в качестве секретаря Энеа Сильвио Пикколомини, еще одного писателя того времени, который специализировался на порнографии. Феликс V отрекся от престола в пользу нового римского папы Николая V (1447–1455), а в виде компенсации получил пост архиепископа святой Сабины и солидную пенсию. Кроме того, его назначили папским легатом в Савое, где когда-то он был герцогом.

Взойдя на престол, Николай V передал поэту Франческо Филельфо более 1000 фунтов, чтобы тот написал книгу рассказов. Позднее их называли «самыми отвратительными историями, на которые только способно воображение». Однако Николаю его работа понравилась, он щедро платил Филельфо и регулярно делал ему заказы.

В то же время писатель Лоренцо Валле сочинил эссе под названием «Об удовольствии», в котором высмеивал саму идею обета безбрачия. Однако у него не возникало проблем с папским престолом до тех, пока он прямо не атаковал церковь.

В действительности, между 1400 и 1550 годами многие итальянские писатели, среди которых были кардиналы, а иным делали заказы папы, сочиняли поэмы, рассказы и комедии «настолько продвинутые в сексуальном плане, насколько это вообще характерно для мировой литературы» — по словам историка Джозефа Маккейба. Творили на заданную

тому не только кардиналы и писатели. Один из известных создателей эротических произведений сам сидел на престоле святого Петра.

Пий II (1458—1464), прежде чем стать папой, являлся вышеупомянутым писателем Энеа Сильвио Пикколомини, весьма умудренным жизнью. Его отец, Сильвио Пикколомини, служил в армии простым солдатом. Мать, Виттория, говорят, отличалась такой плодовитостью, что у нее часто рождались близнецы. Всего она родила восемнадцать детей, хотя у нее ни разу не было десяти живых отпрысков одновременно. Энеа появился на свет в 1405 году и вырос в нищете в городе Корсиньяно, в долине Орсия. Когда он был еще совсем ребенком, началась эпидемия чумы, которая унесла почти всех его сестер и братьев. Остались только Энеа и две его сестры Лаодамия и Катерина.

С Энеа постоянно происходили разные несчастные случаи. Когда ему исполнилось три года, он свалился с высокой стены на камень. В восемь на него напал бык, и он избежал смерти только «благодаря вмешательству свыше, а не помощи людей». Тем не менее, он обладал чем-то большим, чем просто талантом к выживанию.

В возрасте восемнадцати лет он отправился в Сиену и Флоренцию, чтобы изучать поэзию и ораторское искусство, но война, разразившаяся между этими городами, помешала его литературным занятиям. Не желая возвращаться в маленький го-

родок, где он родился, Энеа нанялся в качестве секретаря к Бартоломео Висконти, епископу Новары. Постепенно он заинтересовался историей средневековой церкви. Однажды, вернувшись домой после пятидневного визита к своему дяде Николо Пиккинино, знаменитому генералу, Энеа обнаружил, что Бартоломео предъявлены обвинения в «страшных преступлениях», и он предстанет перед судом.

Энеа поступил на работу к кардиналу Николо из Санта-Гросе и начал оттачивать свой литературный стиль. Со временем он стал разъезжать по свету в роли представителя кардинала и побывал в Шотландии. «Женщины там красивы и обаятельны, а их сердца легко завоевать, — писал он. — Для них поцелуй значит меньше, чем пожатие руки в Италии». И в самом деле они так легко позволяли себя завоевать, что у Энеа родился мальчик от одной шотландской красотки. К его глубокому огорчению ребенок умер.

В Англию он отправился вместе с двумя слугами, проводником и сотней женщин. Вечером две молодые дамы отвели его в комнату, пол в который был усыпан соломой, «где собирались переспать с ним, если он того захочет — по обычаям страны», — вспоминал папа Пий в своих «Тайных мемуарах», написанных от третьего лица. Однако он стоически отказался, опасаясь, что если займется с ними любовью, то может пропустить

появление грабителей. Позднее послышался лай собак и шипение гусей. Женщины тут же убежали, но грабители так и не показались. Пий решил, что это награда за его воздержанность. Во всяком случае, такова история, рассказанная им в книге.

Впрочем, вернувшись в Италию, он дал волю своему неумному темпераменту. В Неаполе Энеа увлекся «божественной» Лукрецией ди Алонго — «красивой женщиной или девушкой, дочерью бедного неаполитанского аристократа (если только в бедности может быть аристократизм)», — говорил он. К несчастью, в нее отчаянно влюбился Альфонсо, король Неаполя. «В ее присутствии король забывал обо всем и не слышал никого, кроме Лукреции. Он не мог оторвать от нее глаз, восторгался каждым словом, превозносил ее мудрость. Он приносил ей множество подарков, приказал, чтобы с Лукрецией обращались, как с королевой, а под конец был так околдован ею, что никого не хотел слушать, если тот не получал ее одобрения».

«Удивительна сила любви», — комментировал Пий.

Лукреция обещала Энеа, что не станет заниматься любовью с королем. «С моего согласия никогда король не возьмет мою невинность, — заявила она. — Но если он применит силу, я не стану повторять путь Лукреции, жены Коллатина, которая сначала пережила насилие, а потом покончила с

собой. Я не отдам себя на поругание — лучше покончу с собой прежде, чем это произойдет».

Но совершать благородные поступки гораздо труднее, чем произносить благородные речи, размышляет Пий в своих мемуарах, «да и в загробной жизни вряд ли кто-нибудь услышит жалобы жертвы насилия». После смерти Альфонсо Лукреция сбежала в лагерь Пиккинино, где стала любовницей его секретаря и родила от него ребенка. Когда она снова появилась в Риме, многие кардиналы стремились с ней подружиться, однако разочарованный Энеа остался в стороне. На последней странице своих «Тайных воспоминаний» Пий с горечью говорит, что Лукреция отправилась в Далмацию вместе со своим любовником. Больше он ее никогда не видел.

Энеа продолжал свою карьеру дипломата, став секретарем антипапы Феликса V. В начале февраля 1442 года его отправили в Страсбург. Хотя ему уже исполнилось сорок, он сохранил юношеский темперамент и «воспылал там страстью». У его возлюбленной, замужней бретонки по имени Елизавета, имелась пятилетняя дочь. Энеа чувствовал себя одиноким и по уши влюбился в очаровательную, остроумную и веселую красавицу. Муж Елизаветы ненадолго уехал по делам, и Энеа попросил ее разделить с ним постель. Елизавета три дня стойко отвергала его ухаживания, но 13 февраля, перед тем как отправиться на

встречу с мужем, не стала запира́ть дверь своей спальни. Энеа был счастлив, когда позднее узнал, что Елизавета забеременела. Их сын родился 13 ноября 1442 года.

Довольный Энеа написал своему отцу, но тот не проявил особого энтузиазма, и тогда Энеа отправил ему еще одно письмо:

Ты пишешь, отец, что не знаешь, следует ли нам радоваться тому, что Господь дал мне ребенка... Но я не вижу никаких причин для печали. Что может быть прекраснее, чем произвести на свет существо, похожее на тебя; оставить в мире свое продолжение. И что может быть лучше, чем увидеть детей своих детей? Я ликую, что мое семя принесло плоды, и что какая-то часть меня останется, когда я умру; и я благодарю Бога, который сделал ребенка этой женщины мальчиком, и теперь еще один маленький Энеа будет играть рядом с моим отцом и матерью, давая утешение, которое должен был подарить им его отец. Поскольку, если мое рождение было для вас желанным, почему же появление на свет моего сына не должно наполнить мою душу счастьем? Возможно, ты горюешь из-за того, что я зачал ребенка в грехе. Уж не знаю, что ты обо мне думаешь. Ты ведь и сам из плоти и крови и не мог произвести меня на свет из железа и камня. Ты знаешь, каким петухом ты был, да и я не евнух.

а кровь у меня горячая. Однако я не ханжа, который хочет выглядеть лучше, чем он есть на самом деле. И я признаюсь в своих ошибках, поскольку не могу соревноваться в святости с царем Давидом и мудростью с Соломоном.

Энеа намеревался встретиться с Елизаветой в Базеле, но ребенок умер в возрасте четырнадцати месяцев, лишив, без сомнения, церковь очередного кардинала. Энеа так и не увидел своего сына.

Он переехал во Франкфурт, где король Германии Фридрих III был поражен его ораторским и литературным талантом и отдал ему корону лучшего поэта. Так Энеа оставил службу у Феликса и окупился в более свободную атмосферу двора Фридриха. Особенно близко Энеа подружился с его канцлером, Гаспаром Шликом. Роман Энеа «Лукреция и Эвралий», в основу которого положены любовные приключения Шлика, пользовался огромной популярностью. Позднее Энеа достиг еще большей литературной славы, написав эротическую комедию.

Энеа Пикколомини являлся одним из тех писателей XV века, которых мало что на свете смущало, и которые нередко обвиняли друг друга в гомосексуализме, хотя в своих произведениях сами часто отстаивали однополую любовь. Во время пребывания при дворе Фридриха, будущий папа Пий II, несомненно, практиковал то, что восхвалял. Его

письма показывают, что он наслаждался полной сексуальной свободой, и у него имелось по меньшей мере двое незаконных сыновей. Историк Григоровий утверждает, будто всего у него было двенадцать внебрачных детей.

Император Фридрих отправил Пикколомини в качестве посла в Рим, дав ему задание добиться примирения с папой Евгением IV (1431—1447). И здесь, в целях дальнейшего продвижения, Энеа принял сан священника. Став дьяконом, он поделился своими тревогами с одним приятелем, сетуя на то, теперь ему придется покончить с прежним разгульным образом жизни.

«Я не отрекаюсь от своего прошлого, — сказал он. — Да, я далеко уклонялся от истины, но я познал многое; надеюсь, что знание не пришло ко мне слишком поздно».

Впрочем, обет безбрачия не был в то время обязательным. В 1432 году Базельский собор потребовал, чтобы «все священники расстались со своим любовницами, а тот, кто через два месяца не выполнит постановление, лишится сана, будь он даже римским папой».

Хотя не осталось никаких свидетельств на счет того, имел ли любовниц в то время римский папа Евгений IV, он не одобрил декрета и созвал свой собственный собор во Флоренции, на котором объявил, что «Базельский собор есть компания нищих вульгарных священников, худших представителей

духовенства, апостатов, подлых мятежников, виновных в осквернении святынь, преступников, бежавших из тюрем; людей, заслуживающих попасть в лапы дьявола, когда придет их черед». Очевидно, Базельский собор многим наступил на больную мозоль.

Став духовным лицом, Энеа не отказался от литературной деятельности. Он отправился на отдых в Витербо, где приступил к созданию «Истории Богемии». Через два года после принятия сана его назначили епископом; с этого момента началось его быстрое восхождение к папскому престолу.

Однако, добравшись до папского престола, Энеа был вынужден отречься от эротических романов, написанных в молодости, и вообще скрывать свое литературное прошлое, о котором практически не говорит в своих «Тайных воспоминаниях».

«Отречься от Энеа и принять Пия», — так он сказал после коронации.

Однако, хотя Энеа Пикколомини сильно изменился, он не забыл о своей веселой юности. Во время восстания против папской власти, банда, состоящая из трехсот молодых головорезов, начала грабить и насиловать всех подряд. Один из них похитил со свадьбы невесту и изнасиловал ее. Когда порядок был восстановлен, кардинал Тибальдо потребовал признать мятежников виновными в «таких чудовищных преступлениях», что их требовалось пытать, прежде чем предать смер-

ти. Пий вмешался. Смерть вполне достаточное наказание, заявил он. Папа плакал, когда преступников вешали.

Пий II разрешил своему племяннику жениться на незаконной дочери сына короля Альфонсо, Ферранте, но это был чисто политический ход. Король Неаполя пользовался в Италии огромным влиянием, и брак давал юноше статус принца.

Пий принял близко к сердцу проблемы королевы Кипра, Шарлотты, которая попросила его о помощи, когда трон захватил ее сводной брат, не имеющий на корону никаких прав. В «Воспоминаниях» Пий говорит о «блестящих глазах» Шарлотты и удивительных волосах — «не темных и не светлых». Он написал, что она «была не лишена обаяния», а потом с подробностями рассказал о том, как королева Кипра целовали ему ноги. В результате Пий II удовлетворил все ее политические просьбы.

Пий несомненно страдал от вынужденного безбрачия. Он говорил, что существуют причины, по которым духовным лицам запрещен брак, но существует еще больше причин разрешить им иметь семью. Священникам следовало бы жениться, и тогда они смогли бы продолжить свой род, что достаточно трудно при обете безбрачия. Все это происходило во времена, когда во многих деревнях не принимали кюре, если он приезжал без любовницы — местные жители боялись, что в про-

тивном случае он станет проявлять интерес к их женам.

Словно для того, чтобы подчеркнуть важность проблемы, Пию II пришлось распустить монастыри святой Бригиты и святой Клары, «поскольку под монашескими одеяниями прятались греховные сердца». Однако навести порядок в Риме оказалось гораздо труднее — это единственный город на свете, которым управляют ублюдки, — сказал он. Под ублюдками он, естественно, подразумевал незаконных детей высшего духовенства.

Глава 13

НАШИ ЛЕДИ

Пий II в шутку часто называл кардинала Пьетро Барбо из Сент-Марко — своего преемника — «благочестивой Марией». Барбо, впоследствии ставший Павлом II (1464—1471), любил наблюдать, как пытаются обнаженных мужчин.

Он был гомосексуалистом и носил папскую тирару, которая, согласно некоторым источникам, «стоила больше, чем весь дворец». Павел II опустошал папскую казну, чтобы удовлетворить свое стремление к роскоши и блеску. Днем он обычно спал, а по ночам разглядывал самоцветы и ювелирные украшения. Кроме того, он любил участвовать в различных увеселениях и римских карнавалах, проводившихся на средства городских евреев, которым приходилось отдавать в казну огромные деньги.

Известный среди кардиналов как «наша жалостливая леди», он мог расплакаться по ничтожнейшей причине. Павел II, якобы, умер от сердечного

приступа, занимаясь любовью с одним из своих фаворитов.

Выбор преемника Павла II, Сикста IV (1471–1484) был predetermined крупными дарами влиятельному герцогу Милана. Сикст прославился как «большой любитель шлюх». Чтобы финансировать свою войну с турками, он построил благородный «лупонарий», или бордель в Риме для обоих полов. И каждая проститутка в Риме платила ему «юлия» — серебряную монету достоинством в два с половиной фунта — «иными словами, четыреста дукатов в год». Другие источники, оценивая доходы папы, утверждают, что каждая куртизанка платила ему «золотого «юлия» в неделю, что составляло годовой доход в 26 000 дукатов».

Сикст IV также «посвящал все свое время росту собственного состояния». Он увеличил налоги, не забыв и о священниках, которые содержали любовниц; помимо этого, он нашел новый источник дохода — продавал богатым горожанам право «утешать некоторых матрон во время отсутствия их мужей».

Сикст был бисексуалом и, почти наверняка, занимался инцестом. Он назначил шестерых своих родственников — «племянников», или внебрачных сыновей, кардиналами. Двое из его красивых молодых племянников — Пьетро Риарио — по слухам, сын родной сестры Сикста — и Джулиано делла Ровере также являлись «инструментами постыдных наслаждений». Риарио, привлекательный и остро-

умный юноша, стал миллионером благодаря Сиксту, который ради него опустошил папскую казну. Но в 1474 году Риарио «пострадал от разгульного образа жизни». А Джулиано занял папский престол под именем Юлия II (1503–1513).

Сикст даже не пытался скрывать свои похождения. Вот что писал историк того времени:

«Одного этого мерзкого факта достаточно, чтобы получить представление о распутном образе жизни Сикста IV: семья кардинала обратилась к нему с просьбой разрешить акт содомии в течение трех жарких месяцев — июня, июля и августа. Папа написал на петиции: «Пусть все будет так, как вы просите».

После смерти Пьетро Риарио его место занял другой сын Сикста, Джулиано, который вовлек папу в заговор против Лоренцо и Джулиано де Медичи. Он послал другого своего брата, Рафаэля Риарио, во Флоренцию, чтобы тот организовал покушение. Во время торжественной мессы во Флорентийском соборе, в тот момент, когда кардинал поднимал гостию*, заговорщики, вооруженные короткими кинжалами, напали на Джулиано де Медичи. Лоренцо мужественно защищался. Получив ранения, он сумел добраться до ризницы. Тем временем прихожане набросились на заговорщиков, разоружили их и повесили обнаженными на церковных окнах. В результате началась бессмысленная война между

* «Тело христово» (хлеб, облатка).

папским престолом и Флоренцией, вся Италия была залита кровью.

Несмотря на самые разнообразные развлечения и кровавые заговоры, у Сикста нашлось достаточно свободного времени, чтобы канонизировать эротическое и святотатственное видение монаха Алано де Рупа. Опубликованная в Германии версия видения гласила: «Когда всеблагая дева Мария вошла в келью Рупа, она взяла волос с его головы, сделала кольцо, символизирующее брак, заставила монаха поцеловать себя и потрогать свою грудь, а потом сошлась с ним, как жена с мужем».

Конечно, Сикст вошел в историю благодаря строительству Сикстинской Капеллы, где сейчас коронуются папы, но он совершил и множество гораздо менее достойных деяний. В 1478 году Сикст издал папскую буллу, утверждающую инквизицию в Кастилии, и назначил бесславного Торквемаду ее главой. Торквемада немедленно взялся за дело. В 1482 году в одной только Андалусии было сожжено 2000 «еретиков» — врагов церкви отправляли на костер, чтобы обойти библейский запрет на кровопролитие.

Описание типичного судебного процесса приводится в книге Генри Чарльза Ли «История инквизиции в Испании». Перед судом предстала молодая беременная женщина по имени Эльвира дель Кампо, арестованная за то, что она была «тайной иудаисткой». Ребенок родился в тюрьме еще

до того, как трибунал Толедо рассмотрел ее случай в следующем году.

Свидетелями против Эльвиры выступили двое рабочих, снимавших у нее комнату. Они заявили, что Эльвира не ест свинину и меняет нижнее белье по субботам. За свой донос каждый получил индульгенцию на три года.

Эльвира все отрицала и утверждала, что она христианка. И что ее муж христианин. Ее отец тоже был христианином, но, вроде бы, у ее матери в роду имелись евреи. С одиннадцатилетнего возраста она не могла есть свинину. Всякий раз после этого ей становилось плохо. Мать действительно научила ее менять нижнее белье по субботам, но она не видела в этом никакого религиозного значения.

Трибунал предупредил Эльвиру, что если она не скажет правду, ее будут пытаться. Однако ей было нечего добавить к своей истории. Инквизиторы раздели ее догола и связали руки. Веревку натягивали до тех пор, пока Эльвира не начала кричать, что они ломают ей руки. После шестнадцатого поворота палки, кость треснула.

Затем ее привязали к столу с заостренными кольями. Веревки снова натянули. Не выдержав страшной боли, женщина призналась, что нарушала закон. «Какой закон?» — спросили у нее. Несчастная не смогла уточнить, какой именно закон Божий она преступила. Тогда при помощи палки ей засунули в рот кусок материи — пришла очередь пытки во-

дой. Когда очередное испытание закончилось, Эльвира не могла говорить, поэтому допрос отложили на четыре дня — все это время ее держали в одиночном заключении.

Во время следующего заседания она молила своих мучителей только об одном — чтобы ей разрешили прикрыть наготу.

Со временем она призналась, что исповедует иудаизм и стала просить о пощаде. И судьи проявили милосердие — конфисковали все имущество, а саму Эльвиру приговорили к трем годам тюрьмы. Ее выпустили через шесть месяцев, когда она сошла с ума. О том, что случилось с ее ребенком, записей не сохранилось.

Именно таким, а иногда и более жестоким образом испанская инквизиция обращалась со своими несчастными жертвами в течение более трех столетий. Инквизиция процветала и в 1808 году, когда в Испанию вторгся Наполеон. В подвалах доминиканского монастыря в Мадриде французы нашли темницы, полные абсолютно обнаженных узников, большинство из которых сошли с ума. Даже закаленные в боях ветераны не выдерживали столь ужасного зрелища. Они отпустили заключенных, а монастырь взорвали.

Однако испанская инквизиция не умерла. Она была упразднена только в 1813 году. Впрочем, в других странах ее злодеяния продолжались еще двадцать лет.

Создание испанской инквизиции было чудовищным преступлением. Епископ Крейтон так сказал о Сиксте: «Он стал виновником падения уровня морали в Европе».

Другой комментатор не пожалел более резких эпитетов. Папа Сикст, — заявил он, — «воплощал в себе худшие стороны человеческой натуры».

Сикст не пользовался популярностью даже в Риме. Когда он умер, папские покои были так старательно разграблены, что капеллану Сикста пришлось позаимствовать сутану, чтобы покрыть тело покойного.

Преемника Сикста, Иннокентия VIII (1484—1492), тоже нельзя было назвать невинной овечкой. Говорили, что «его личная жизнь омрачена множеством скандальных происшествий». Получив образование при дворе сицилийского короля Альфонсо, он пристрастился к греху педерастии. Необычная красота позволила ему войти в семью Филлипа, кардинала Болоньи; после смерти своего покровителя он стал фаворитом Павла II и Сикста IV, который сделал его кардиналом.

Оба эти папы были гомосексуалистами. Впрочем, в те времена не существовало строгих границ между сексуальными ориентациями. Многие мужчины считали нормой пользоваться своими гомосексуальными связями ради карьеры. И никого не удивляло, что мужчины гомосексуалисты имели множество детей.

У Иннокентия было «восемь внебрачных сыновей и столько же дочерей». О нем даже написали четверостишие на латыни:

Он стал отцом восьми мальчиков и восьми девочек;
Так что у Рима имелись веские причины
называть его отцом.

Но, Иннокентий VIII, где бы ты ни был похоронен,
Пусть обжорство, алчность и лень,
останутся лежать вместе с тобой.

Хотя стихотворение потеряло часть остроты в переводе, настроение передано верно.

В отличие от других пап, Иннокентий VIII открыто признавал при дворе своих незаконных сыновей. Он их крестил, присутствовал на свадьбах и подбирал им подходящие должности. Его правление получило название: «Золотой век убудков».

«Он растил своих сыновей и дочерей в богатстве и почестях, — писали его противники, — не испытывая никакого стыда — первый папа, который даже не пытался сделать вид, что они его племянники, племянницы или просто родственники».

Когда Сикст IV сделал его кардиналом, Иннокентий предложил своих детей в качестве супругов отпрыскам принцев. Один из них женился на Мадделене, дочери Лоренцо де Медичи. Пережив покушение на свою жизнь во Флорентийском соборе, Лоренцо исполнился решимости не допустить его повторения. Он поддержал Иннокентия и помог ему

занять папский престол, после чего тот выполнял все его приказы. Став в возрасте пятидесяти двух лет папой, Иннокентий позаботился о том, чтобы торжества по случаю бракосочетания его внучки Пьеретты состоялись в Ватикане. Во время свадебного завтрака в папских апартаментах присутствовали его дочери и их мать. Позднее его вторая внучка вышла замуж за неаполитанского принца — и тоже с огромной помпой. Католические историки утверждают, что Иннокентий отказался от личной жизни, когда стал папой, но, по слухам, он все же продолжал содержать несколько любовниц.

«Его Святейшество покидает постели блудниц, чтобы открывать и закрывать ворота чистилища и рая».

Папа сквозь пальцы смотрел на выкрутасы своего сына Францесчетто, который был «необузданным повесой». Однажды Францесчетто пожаловался отцу, что кардинал Риарио обманул его на 50 000 фунтов, когда они ночью играли в карты. Вместо того, чтобы наказать сына, папа заставил кардинала отдать выигрыш.

Впрочем, азартные игры были далеко не самым главным грехом Францесчетто. Он шлялся ночью по улицам, врвался в дома и насиловал всех женщин, которые ему нравились — отец ни разу не выказал ему своего недовольствия.

Иннокентий являлся опекуном Джема — младшего брата султана Османской империи Баязида II. Султан платил папе 40 000 дукатов (60 000

фунтов) в год и подарил Священное Копье, которое, якобы, пронзило бок Христа во время распятия. Взамен папа обязался обеспечить Джема «роскошью и неограниченными удовольствиями». Джема удалили из Константинополя, чтобы, погрузившись в Риме в пучину самых разнообразных развлечений, он не захотел вернуться в Турцию и не мешал Баязиду править империей.

При дворе Иннокентия царили такие же свободные нравы, как и при дворе Сикста, или любого другого итальянского принца, а кардиналы, создания Сикста, в основном, изображали великосветских сеньоров. В 1489 году Мортон, архиепископ Кентерберийский, посетил аббатство святого Албания и обнаружил, что монахи выгнали монахинь и поселили в своих покоях проституток, с которыми «грешили напропалую». Он заявил, что аббатство насквозь «пропитано кровью и семенем». Иннокентию предложили запретить священникам иметь любовниц. Однако он ответил, что не желает попусту тратить силы и время. «Грех так распространился среди духовенства, особенно в курии, что вам вряд ли удастся найти хотя бы одного священника, который не имел бы любовницы».

Сам Иннокентий VIII «предавался праздности, излишней роскоши, тщеславию, обжорству, расточительности и другим грехам и порокам». Он очень любил деньги и обвинил в ереси восьмерых мужчин и шестерых женщин только потому, что они

говорили: «Папа, наместник Бога на земле, должен брать с него пример и жить в бедности». Кроме того, он издал эдикт, по которому все евреи, не обратившиеся в христианство, должны были покинуть Испанию. Сто тысяч человек уехало, но еще столько же осталось. Сомневаясь в искренности их обращения в христианство, испанская инквизиция решила подвергнуть их жесточайшему испытанию.

В разгар своего распутства Иннокентий VIII вдруг забеспокоился о колдовстве, которое, как казалось, пронизывает насквозь весь христианский мир. Он издал папскую буллу:

Мужчины и женщины отходят от католической веры, отдавая себя в лапы дьяволов, инкубов и суккубов — (дьяволов в образе мужчины и женщины, проходящих по ночам к спящим людям для совокупления), посредством заклинаний, колдовства и других запретных способов, убивают детей в утробе матери, а также потомство скота, вызывают неурожай... они отвлекают мужчин от свершения сексуальных актов, а женщин от рождения детей, поскольку мужья не знают своих жен, жены мужей.

Эта булла появилась в предисловии к книге «*Malleus Maleficarum*» — «Молот ведьм», в которой рассказывается, как следует находить и наказывать ведьм. Ее написали Генрих Краммер и Джеймс Спренгер, два доминиканских монаха, которых Иннокентий VIII

лично наделил полномочиями инквизиторов. Краммер и Спренгер особенно интересовались случаями совокупления с дьяволом. Согласно Спренгеру, такое случалось достаточно часто.

«Тут все дело в неизбывной похоти женщины, — писал он, — если она не может получить мужчину, то будет искать встречи с самим дьяволом».

Сам Спренгер не слишком любил женщин: «Я бы предпочел иметь дело с драконом или львом, но не с женщиной».

Гораздо больше Спренгера беспокоил его собственный половой член — «власть дьявола заключена в интимных органах мужчин», — писал он, многократно повторяя, что эти части тела должно защищать как можно старательнее, особенно доминиканцам.

В «Молот ведьм» излагается следующая история:

Однажды на исповеди молодой мужчина с горечью поведал мне, что потерял свой член. Я не поверил ему и потребовал доказательств... И получил их, когда он снял одежду и показал мне пустое место. Тогда я поступил мудро и спросил у него, не думает ли он, что его кто-то околдовал. Молодой человек ответил, что подозревает одну особу, которая живет в другой деревне. А я сказал: «Советую тебе как можно быстрее пойти к ней и попытаться смягчить мягкими словами и обещаниями». Так он и сделал. Через несколько дней он сно-

ва пришел и поблагодарил меня. Теперь он обрел целостность и вернул утерянное. Я на всякий случай проверил истинность его слов».

Мужчины, теряющие свой пенис, судя по всему, не являлись редкостью в период правления Иннокентия VIII.

Ведьмы... собирают мужские органы в больших количествах, иногда их число достигает двадцати или тридцати, и кладут в птичьи гнезда, или прячут в ящик, где они двигаются словно живые, и едят овес и пшеницу... Во всем виноват дьявол, создающий иллюзии... Как-то раз один человек рассказал мне, будто потерял свой член и пришел к ведьме с просьбой его вернуть. Ведьма посоветовала несчастному взобраться на определенное дерево и взять из гнезда, где лежит несколько членов, тот, который ему понравится. А когда он попытался забрать самый большой, ведьма ему сказала: «Не бери этот, — и добавила: — он принадлежит священнику нашего прихода».

С благословения Иннокентия VIII два ярых охотника за ведьмами — Генрих Краммер и Джеймс Спренгер — принялись за работу. Они «превратили землю, по которой прошли, в тропу огня и крови», но обычные садистские номера, вроде раздевания, порки, дыбы и иголок, загоняемых под ногти, не

считались ими «настоящими пытками». Следует обратиться к книге «Пошлина на пытки», написанной архиепископом Кельна во время правления Иннокентия. Он самым тщательным образом составил прейскурант, по которому семья жертвы должна была платить папским палачам. Отдельная цена бралась за сжатие в тисках пальцев рук и ног, или лодыжек. К примеру, вырвать язык и залить в горло расплавленный свинец стоило в пять раз дороже, чем простая порка. В книге не написано, что делали с теми, кто не платил, но пошлина заставляла обвиняемых признаваться в несуществующих грехах в надежде тем самым спасти своих родственников от разорения. К тому же, в этом случае перед сожжением жертву душили.

Под пыткой, конечно же, несчастные женщины говорили двум извращенным доминиканцам все, что те хотели услышать. Поэтому не удивляет, что среди признаний часто речь шла о сексе. Краммер и Спренгер особенно любили истории об оргиях и черных мессах. Один из лучших приемов, предлагаемых «Молотом ведьм» будущим охотникам, заключался в том, чтобы обещать жертве небольшое наказание, если она во всем сознается, а потом сжечь. Еще один замечательный прием, рекомендуемый книгой: сказать жертве, что она будет оправдана, если назовет имена ведьм, о которых ей известно, а потом предоставить другому инквизитору приговорить ее к сожжению. Тут мы столкнулись с настоящими женоненавистниками.

То, что в христианском мире происходили столь чудовищные вещи, ни в малейшей степени не беспокоило папу Иннокентия VIII. Лежа на смертном одре, он страстно желал только одного — подкрепиться женским молоком. Удалось найти кормящую няню. Возможно, как Казанова, он хотел найти утешение на женской груди перед тем, как предстать перед создателем. В отчаянной попытке продлить ему жизнь, Бушар, капеллан Иннокентия, заплатил трем юношам, чтобы они отдали свою кровь для переливания. Все трое умерли во время операции, и Бушар вырвал деньги из костенеющих рук, прежде чем тела несчастных были унесены.

Иннокентий открыл дорогу для Борджиа. Он сделал Цезаря Борджиа епископом в возрасте семнадцати лет и разрешил его кардиналам, разодетым в яркие роскошные камзолы и шляпы с высоким плюмажем, а то и в военную форму, с самодовольным видом разгуливать по Риму. Кроме того, он назначил кардиналом четырнадцатилетнего сына своего патрона Лоренцо де Медичи. Впоследствии этот гомосексуалист стал папой Львом X (1513—1521).

Глава 14

ОРГИЯ БОРДЖИА СЕГОДНЯ НОЧЬЮ

*И*спанский папа Александр VI (1492–1503) родился 1 января 1431 года неподалеку от Валенсии и получил имя Родриго де Борджа и Борджа из Джативы. По-итальянски Борджа звучало как Борджиа. Родриго являлся внебрачным сыном своего дяди по материнской линии Альфонсо де Борджа, архиепископа Валенсии, который звался папой Калликстом III (1455–1458). Его мать Джованна была замужем за Джеффри Лензоло, но папа Калликст III хотел, чтобы сын носил его имя и заставил Джеффри отказаться от своей фамилии и стать Борджа, или Борджиа.

Родриго рос испорченным ребенком. Говорят, свое первое убийство он совершил в двенадцать лет. Историк писал:

Когда Родриго подросток, вместе с ним выросли его гордость и высокомерие, жестокость и склонность к тирании. Он показал себя упрямым, неуступчивым, мстительным и непредсказуемым юношей. Говорят, когда ему исполнилось двенадцать, он убил мальчика из Валенсии — своего ровесника, но ниже по происхождению — нанес ему множество ударов ножнами в живот, наказав несчастного за то, что он произнес несколько непристойных слов. То была первая проверка его гордости и первый случай, позволивший людям увидеть, что представляет собой его вспыльчивый темперамент, который управлял его поступками до конца жизни.

В юности Родриго был невероятным распутником, он имел множество любовниц и по меньшей мере шестерых незаконных сыновей в Испании. Совсем неплохое начало, если ты собираешься стать папой эпохи Возрождения.

Красивый, высокий и сильный юноша, Родриго обладал пристальным, пронзительным взглядом. Когда он стал папой, то постепенно из привлекательного юноши превратился в уродливого и толстого человека, но, как и прежде, своим обаянием и интеллектом производил впечатление на женщин, а интереса к хорошеньким девушкам не утратил даже в преклонном возрасте.

В Испании Родриго получил образование у лучших профессоров. «Он обладал честолюбием, — писал один из его современников, — быстрой и энергичной речью, изобретательностью, но прежде всего выделялся удивительным умом».

Став папой, Каллист пригласил юного Родриго в Италию, чтобы он, как и Иоанн XXIII, занялся изучением юриспруденции в Болонье. Наставник Родриго, Гаспар де Верона, пишет о нем так:

Он красив; жизнерадостен и искренен. Одарен удивительным ораторским искусством. Красивые женщины легко влюбляются в него, их неотвратимо влечет к Родриго, словно железо к магниту.

Калликст считался добродетельным и склонным к аскетизму человеком, тем не менее, он назначил двух своих «племянников» кардиналами. Одним из них был Родриго. Кроме того, Родриго получил должность архиепископа Валенсии в 1456 году, когда ему исполнилось всего двадцать пять лет. Именно назначение в Валенсию, самый богатый город Испании, положило начало огромному состоянию Борджиа.

Родриго так открыто наслаждался богатством и властью, что вызвал возмущение у духовенства и поставил в неловкое положение своего дядю даже в те времена, когда царили весьма свободные взгляды на мораль. Родриго обзавелся множеством вне-

брачных детей — не представляется возможным назвать даже их примерное число.

Именно в этот период он познакомился с испанской вдовой поразительной красоты. Соблазнив ее, он также изнасиловал двух ее дочерей и «совратил их на чудовищное сладострастие». Вскоре после того, как мать умерла, Родриго заставил старшую дочь уйти в монастырь, оставив более привлекательную — младшую — себе. Она родила ему троих детей, которых Родриго признал, Педро Луиса, появившегося на свет в 1462 году, и двух девочек, Изабеллу и Джироламу, в 1467 и 1471 годах. Праправнук Изабеллы стал папой Иннокентием X (1644—1655).

Через своего дядю Калликста Родриго получал один епископат за другим, а в 1457 году стал вице-канцлером папского престола, заимев особенно прибыльную должность, которую занимал при четырех следующих папах. Родриго очень быстро разбогател, и не мудрено — ведь его годовое жалование составляло 12 000 крон, не говоря уже о 30 000 дукатах, которые ему приносили папские поместья, плюс продажа выгодных церковных должностей.

В Риме Родриго всю использовал свою привлекательную внешность и прославился неумными сексуальными аппетитами, собирая обильную жатву среди легкомысленных римских матрон.

Когда Калликст умер, Родриго рассчитывал занять его место, однако, церковь была еще не готова его

принять. Вместо него на папский престол избрали любителя порнографии Пия II, вступившего в должность с такими словами: «Я отказываюсь от легкомыслия гуманизма и беру на себя бремя Церкви».

Одним из элементов этого тяжелого бремени стал вице-канцлер Родриго Борджиа. Когда папский двор встретился в Мантуе с принцем, один из свидетелей написал: «Двадцатипятилетний вице-канцлер [на самом деле ему уже исполнилось двадцать восемь] кажется человеком, готовым на любое коварство. Когда он появился перед нами, его с колоссальной помпой сопровождал кортеж из 200 или 250 лошадей».

Родриго остановился в Мантуе у Марчеса, который разделял его страсть к охоте и лошадям. Кроме того, вице-канцлер быстро нашел общий язык с красавицей женой недалекого аристократа. Пий II, неожиданно изменивший взгляды на жизнь, возмущался легкомысленным поведением своих прелатов. Он удалился в Сиену, откуда посылал проклятия, возмущаясь их аморальным образом жизни:

Вы забыли о достоинстве и святости вашего сана. Создается впечатление, что вас гораздо больше интересует услаждение собственной плоти, чем проблемы церкви. Вы не отказываетесь от охоты, азартных игр и связей с женщинами; устраиваете невообразимо роскошные обеды; носите чересчур дорогие одежды; покупаете слишком много золотой и

серебряной посуды, содержите больше лошадей и слуг, чем вам требуется.

Однако Родриго не обращал на него никакого внимания. После того как папа уехал из Сиены, он и стареющий кардинал Эстувиль вели себя чрезвычайно непристойно на вечеринке в Сиене, 7 июня 1460 года. После крещения, на котором два кардинала выступали в роли почетных гостей, празднование продолжалось в небольшом саду, куда допускались только кардиналы, их слуги и женщины. Мужчины — мужья, отцы, братья и другие родственники — остались в доме; вскоре поползли самые невообразимые слухи.

11 июня Пий послал Родриго письмо, в котором сурово упрекал его за невоздержанность:

Возлюбленный сын: нам рассказали о твоём поведении — ты забыл о своём высоком положении, и в компании нескольких женщин, чьи души поглотило зло, находился четыре дня назад с 17 до 22 часов в саду Джованни де Бичи. Твоим спутником являлся человек, чьи почтенные годы и занимаемый пост должны были напомнить ему о долге. Мы слышали о возмутительных танцах и о том, что вы не упустили ни одной непристойной возможности, вели себя как молодые миряне. Чтобы ваша похоть не встречала преград, вы не позвали отцов, мужей и братьев молодых женщин, приглашенных вами; ты

и несколько слуг стали вдохновителями самой настоящей оргии. Сейчас в Сиене только и говорят о твоём тщеславии, ставшем объектом всеобщих насмешек. Во всяком случае, здесь твоё имя у всех на устах. Наше возмущение нельзя выразить словами.

И это был не единичный случай. Пий II даже поинтересовался однажды у Родриго, считает ли он совместимым с должностью кардинала «ухаживание за молодыми женщинами, подарки в виде фруктов и вина и заботы исключительно о радостях плоти». Пий, чье прошлое никто не назвал бы пуританским, мог лишь просить Родриго не являться на оргии в кардинальском облачении.

Мантуанский посланник в Сиене, Бартоломео Бонатти, отмечал, что «если бы все дети, рожденные в течение этого года, появились одетые, как их отцы, то многие оказались бы священниками и кардиналами».

Бонатти также рассказывал своей любовнице, Марчесе из Мантуи, что Родриго видели «в компании самой красивой женщины». Речь шла о Начин, богатой куртизанке, о связи которой с кардиналом Борджиа знали практически все. Даже по стандартам того времени поведение Родриго Борджиа считалось неслыханным. Однако отповеди Пия не помешали Родриго вновь претендовать на папский престол.

С римской красавицей Ваноззой Катанеи Родриго познакомился в Мантуе, во время собора 1461 года. Ей только что исполнилось восемнадцать лет. Родриго называл ее Розой. Он успел переспать с ее матерью и, весьма возможно, с сестрой, но Ванозза стала его любовницей надолго. Она была удивительно красивой женщиной с овальным лицом, миндалевидными глазами и маленьким, хорошо очерченным ртом. Ее яростный темперамент и непостоянный характер завораживали Родриго.

Помня о недовольстве Пия II, он устроил Ваноззу в Венеции, а сам отправился в Рим, но часто навещал Розу и поддерживал с ней регулярную переписку в течение двадцати лет. В одном из своих посланий он написал: «Роза, любовь моя, следуй моему примеру. Соблюдай чистоту до того дня, когда я смогу навестить тебя — и тогда мы насытим нашу страсть. А до тех пор пусть ничьи губы не касаются твоих прелестей, ничья рука не поднимет вуали, покрывающей мои сокровища. Еще немного терпения, и я получу от моего «дяди» наследство — папский престол. Тем временем обрати особое внимание на образование наших детей, поскольку им предстоит управлять нациями и королями».

У них было четверо детей — Чезаре, родился в 1475 году; Хуан — в 1477 году; Лукреция и Жофре — в 1480 и 1481 годах. Родриго удалось избежать скандала, поскольку он устроил брак Розы.

Между тем Родриго продолжал накапливать колоссальное состояние. Один из современников, ослепленный его богатством, писал:

Его должности при папском дворе, бесчисленные аббатства в Италии и Испании, три епископата в Валенсии, Порто и Картагене приносят огромный доход; ходят слухи, что пост вице-канцлера дает Родриго 8000 золотых флоринов. Его посуда, жемчуга, слуги, одетые в шелка и золото, бесчисленные книги по всем отраслям человеческого знания — все это достойно короля или папы. Я уже не говорю о великолепных покоях, конюшнях и гардеробе или огромном количестве золотых монет, которыми он обладает.

Родриго потратил огромные средства на строительство роскошного дворца в Риме. Пий II сравнивал его с домом Нерона — и по убранству, и по тому, что там происходило.

«Дворец поражает великолепием своего убранства, — писал кардинал Асканио Сфорца. — Стены огромного холла украшают прекрасные гобелены; ковры на полу гармонируют с мебелью, в том числе с изумительной кроватью с балдахином, обитой красным атласом, и поставцом, где выставлена потрясающая коллекция золотой и серебряной посуды. Далее идут еще две комнаты, одна отделана тонким атласом, здесь вашим глазам предстает еще

одна кровать с балдахином из александрийского бархата; а в другой, еще более изысканной, диван сшитым золотом покрывалом. В центре, в окружении изумительных резных стульев, стоит стол, накрытый скатертью из александрийского бархата.

Несмотря на самые разнообразные уловки, Родриго не удалось стать преемником Пия II. На папский престол взошел Павел II. Однако когда Павел II умер, Родриго все еще был слишком молод, чтобы называться папой. Тем не менее он обладал колоссальным влиянием, которое использовал для выборов Франческо делла Ровере на роль папы Сикста IV, а в награду получил еще большую власть и богатство.

Под эгидой Сикста IV Родриго купил богатое аббатство Субьякко и стал папским легатом в Арагоне и Кастилии. Однако, находясь в Испании, он и его люди совершили так много изнасилований и убийств, что были высланы Генрихом Слабым, королем Кастилии.

Вернувшись в Рим, Родриго решил, что больше нет никаких причин соблюдать приличия. Он послал за Ваноззой Катаней и своими детьми. Купил для них дворец в спокойном районе Рима. Она взяла себе титул графини Фердинанды Кастильской, воспользовавшись именем человека, игравшего роль ее мужа. Под предлогом визитов к земляку Родриго проводил с ней каждую ночь.

Когда Сикста IV сменил Иннокентий VIII, среди общей распущенности деятельность Родриго не

привлекала к себе особого внимания. Рим превратился в огромный бордель, где работало более 50 000 проституток. На улицах было полно карманных воров, оборванцев, бандитов и головорезов. Дела шли так плохо, что когда после смерти Иннокентия VIII собрался очередной конклав, в особняках кардиналов, на время их отсутствия, пришлось размещать крупные отряды солдат для защиты от разграбления. Дорогу на Ватикан забаррикадировали, и она охранялась конницей и пехотой.

Под влиянием Родриго, сохранившего пост вице-канцлера, Рим стал рынком, на котором можно было купить любой церковный пост. Даже папский престол получал тот, кто больше заплатит. Когда в 1492 году умер Иннокентий VIII, кардинал делла Ровере, который позднее стал папой Юлием II (1503—1513), оказался именно таким человеком. Его притязания поддержали 100 000 золотых дукатов от республики в Генуе и 200 000 от короля Франции.

Однако Родриго Борджиа сохранял пост вице-канцлера при четырех папах и сумел сколотить огромное состояние, поскольку не скупился на щедрые взятки. Чтобы заручиться голосом какого-нибудь кардинала, Родриго мог подарить ему богатое аббатство, роскошную виллу или целый город.

Во время пятидневного конклава в августе Родриго обещал кардиналам высокие посты и, чтобы победить на выборах, раздавал взятки направо и налево. Кто-то соглашался на выгодный пост, дру-

гие — на замки, землю и деньги. Кардинал Орсини продал свой голос за замки Монтичелли и Сарьяни. Кардинал Асканио Сфорца потребовал четырех мулов, груженных серебром, и прибыльную должность канцлера. Кардинал Колонна получил в вечное пользование для себя и своей семьи доходное аббатство святого Бенедикта со всеми его владениями. Кардинал Сент-Анджело мечтал о сане епископа, а также замке и погребке с лучшими винами в Порте. Кардинал Савелли стал обладателем Сивиты Каstellана.

Не удалось подкупить только кардинала Черардо из Венеции. Ему было девяносто пять лет, и он почти наверняка выжил из ума. Он не просил и не брал взятки. Впрочем, он также отдал свой голос за Родриго.

Однако для победы Борджиа не хватило еще одного голоса. Он принадлежал венецианскому монаху, который хотел всего лишь 5000 крон и одну ночь с прелестной Лукрецией, двенадцатилетней дочерью Родриго. Сделка состоялась, и при поддержке двадцати двух кардиналов Родриго Борджиа был объявлен папой Александром VI (1492—1503).

У кардиналов не было иллюзий относительно своего избранника. Джованни де Медичи, будущий папа Лев X, сказал кардиналу Жибо: «Мы попали в лапы к самому коварному зверю из всех, кого видел свет. Либо мы сбежим, либо он, вне всякого сомнения, нас проглотит».

Кардинал делла Ровере благоразумно убрался во Францию и большую часть правления Александра VI прятался от него. Другие старались сидеть тихо или рано выходили на покой. Однако Родриго мало заботило то, что говорили люди. Он получил все, что хотел.

Гиббон называет Александра «Тиберием христианского Рима».

Современник Александра VI, флорентийский государственный муж, Франческо Гвиччардини высказался иначе: «Доброта папы проявлялась в те моменты, когда он не пресекал зло в других людях».

Другой критик назвал Александра «самым роскошным тираном; никакое перо не в силах описать чудовищную душу этого нечестивого подлеца».

Говорили, что Александр заключил договор с дьяволом, чтобы заполучить папский престол. Но самое серьезное обвинение состояло в том, что он был «близок со своей бесстыдной дочерью Лукрецией».

После церемонии на кресле, предназначенном для проверки пола будущего папы — вряд ли необходимой в случае с Родриго — и его коронации, Александр устроил в Риме грандиозный парад. Улицы были разукрашены цветами, со стен зданий свисали флаги. Все принцы христианского мира прислали своих послов. Только Фердинанд, король Неаполя, отказался установить с Александром дипломатические отношения.

Хотя Родриго Борджиа короновался как Александр VI, фактически он должен был стать Александром V. Александра V, избранного на папский престол в 1406 году Пизанским собором, вычеркнули из официального списка пап. После смещения Иоанна XXIII на соборе в Констанце в 1415 году его перевели в антипапы. Поскольку пизанский антипапа славился своими многочисленными приключениями с женщинами, он нравился Родриго, и новый папа признал своего развратного предшественника.

Родриго с удовольствием финансировал спектакли, в которых участвовали обнаженные женщины с пышными формами. Иногда эти празднества даже прерывали мессу. Однажды он посадил хихикающую женщину на алтарь, так что гостия оказалась у нее под ногами. Он никогда не пропускал возможности устроить в папском дворце бал, который неизменно приводил к появлению куртизанок. Куда бы Родриго не отправлялся, его всегда сопровождали полуобнаженные танцовщицы.

Александр с сочувствием относился к сексуальным пристрастиям других людей. Воспользовавшись своим положением, он благословил похороны пятнадцатилетнего флорентийского мальчика, который, как говорят, умер во время полового акта, поскольку в течение одного часа семь раз занимался любовью с молоденькой девушкой — впрочем, кое-кто утверждал, будто не семь раз за час, а одиннадцать

за ночь — после чего у него началась лихорадка, и он скончался.

В то же время Александр пытался взять на себя функции цензора, что и входило в обязанности папы. В 1496 году он издал папскую буллу, в которой попытался реформировать бенедиктинцев, заявив, что «представители этой древней и уважаемой братии — как мужчины, так и женщины — вовлечены в невероятное и совершенно бесстыдное распутство».

Помимо страсти к деньгам и женщинам, Родриго питал страсть и к собственным детям. Боккаччо писал: «Десять папских престолов не смогли удовлетворить это семейство».

Став папой, Александр начал продвигать на высокие должности своих внебрачных детей, а в особенности четверых самых любимых — отпрысков Ваноззы Катанеи.

В день коронации Александра его порочный семнадцатилетний сын Чезаре получил назначение на должность архиепископа Валенсии. Позднее, по решению консистории*, которая выдвинула на высокие посты брата Ваноззы Катанеи и пятнадцатилетнего фаворита Ипполита Д'Эсте, Чезаре стал кардиналом.

Александр ловко обошел условие, гласящее, что кардинал не должен быть внебрачным ребенком. Он выпустил две папских буллы. В одной, распространенной повсюду, утверждалось, что Чезаре яв-

* Церковный суд.

ляется сыном Ваноззы Катаней и ее «мужа». Во второй, тайной, он признавал Чезаре своим сыном.

С самого начала Александр посчитал разумным держать Чезаре подальше от Рима и отослал его в Сиену участвовать в Палио — знаменитых скачках вокруг городской площади. Чезаре обеспечил себе победу, подкупив судей. Примерно через месяц, когда Александр уже полностью завладел ситуацией в Риме, Чезаре вернулся, занял дворец неподалеку от Ватикана и принялся развлекаться со своими многочисленными подружками и проститутками.

«Позавчера я навестил Чезаре в его доме на Трастевери, — писал Боккаччо. — Он как раз собирался отправиться на охоту; голову Чезаре украшала маленькая тонзура, как у простого священника, но зато одет он был в роскошный шелковый костюм, а на боку у него висел меч. Я ехал рядом с ним, и мы разговаривали. У него манеры великого принца, а держится он гораздо лучше, чем его брат, герцог Гандии.

Став папой, Родриго переселил любовницу и дочь в Ватикан. И заказал Пентуриккио свой портрет в полный рост, на котором он изображен в роскошном парчовом одеянии, украшенном самоцветами. Одновременно Родриго занялся усилением политического влияния папского престола, заметно ослабевшим после авиньонской ссылки.

Другая задача, которую поставил перед собой Александр, заключалась в том, чтобы вернуть день-

ги, потраченные на взятки за голоса кардиналов. Решить ее оказалось совсем нетрудно. В Риме ежедневно совершалось четырнадцать казней, а папа Александр отпускал преступников — за определенную плату. «В конце концов, — заявил он, — Господь вовсе не требует смерти грешника — пусть расплачивается за свой проступок и живет».

Симония стала еще одним прекрасным источником дохода. Всякий, кто хотел стать кардиналом, должен был заплатить кругленькую сумму. Чтобы увеличить оборот, Александр начал отравлять кардиналов после того, как они получали свой пост. Теперь у него не только появлялась возможность еще раз продать выгодную должность, но и завладеть имуществом кардинала — по закону оно отходило церкви, то есть папе. Кроме того, он продолжал деятельность, которую начал еще будучи на месте вице-канцлера: торговал другими должностями и индульгенциями. Он потребовал 24 000 золотых монет за разрешение совершить инцест. Петр Мендоза, кардинал Валенсии, купил право назвать своего любовника сыном.

«Необходимо быть добрым пастырем, — говорил Александр, — совесть не позволяет нам отказывать нашим подданным в том, что мы не раз разрешали себе».

Убийство являлось еще одним источником дохода. Устав от потенциальной угрозы в лице собственного брата, который по-прежнему жил в

Ватикане, султан Баязид II прислал Александру 40 000 золотых дукатов за убийство Джема. Но Александр так дешево не продавался. Он решил выждать. Тогда султан прислал еще 20 000 дукатов. И Александр отравил Джема.

К тому моменту, когда Родриго Борджиа утвердился на папском престоле, его многолетняя любовница Ванозза Катанеи постарела, и ее красота увяла. Пятидесятивосьмилетний Александр VI выбрал для себя другую любовницу, пятнадцатилетнюю Джулиану Фарнезе. Она была так красива, что римляне называли ее «Джулия Белла» — Прекрасная Джулия.

Александр благословил ее брак с Орсино Орсини, в «звездной комнате» во дворце Борджиа и взял молодого жениха под свое крыло. Однако очень скоро юная жена оказалась в его постели. Таково было условие сделки, которую Александр совершил с братом Джулии, Алессандро, разрешившим папе наслаждаться прелестями своей сестры в обмен на то, что с него снимут обвинения в подделке. Как и всякий достойный римский муж, Орсини отнесся к происходящему совершенно спокойно. Говорят, он был слеп на один глаз, и знал, когда моргнуть другим.

Хотя связь Александра с Джулией Фарнезе начиналась как обычное приключение, между ними постепенно возникла настоящая страсть. Чтобы удержать прекрасную Джулию, папа отдал девятнадцатилетнему Алессандро Фарнезе кардинальскую шапку. В результате Орсини получил прозвище

«кардинал нижняя юбка». Позднее он стал папой Павлом III (1534—1549).

По всей Италии Джулию называли «невестой Христа» или «папской шляхой». Но всякий, кому доводилось видеть ее ослепительную красоту, понимал причину безумной страсти Александра. Она стала «сердцем и глазами» папы, сказал один дипломат. Александр обессмертил свою любовницу, заказав картину, изображавшую мадонну с ее лицом. У них были дети, но Александр попытался представить дело так, что их первая дочь Лаура является ребенком Орсино Орсини. Флорентийского посла обмануть не удалось. Он написал домой: «Девочка так похожа на Александра, что не может не быть его ребенком». А кроме того, Джулия перед самой смертью Александра родила ему сына Родриго.

Джулия и дочь Александра Лукреция стали близкими подругами и частенько развлекались вместе, флиртуя с посетителями папских апартаментов. Александр начал ревновать и решил, что пора выдать Лукрецию замуж. Она была красивой женщиной со светлыми волосами и голубыми глазами и покоряла всех своей жизнерадостностью. Александр очень ее любил.

«Улыбка освещала ее лицо, придавая ему тысячи самых разных выражений, — писал Боккаччо, который служил послом Феррары при папском дворе. — Она казалась такой удивительно живой и счастливой».

Другой очевидец написал: «Среднего роста, изящная, лицо, как и у отца, немного удлиненное, нос хорошо вылеплен, золотые волосы, довольно крупный рот, ослепительно белые зубы, шея белая и длинная, великолепная грудь. Она всегда улыбалась».

Александр несколько раз обручал Лукрецию, а потом организовал для нее выгодный брак с Джованни Сфорца, лордом Песаро. Один из ее бывших женихов, дон Гаспаро де Просида, устроил по этому поводу грандиозный скандал.

«Ходит множество слухов из-за грядущего брака Песаро, — писал Боккаччо. — Первый жених ужасно жалуется и возмущается, как и Каталан, который грозит обратиться с жалобой ко всем королям христианского мира; но что бы он ни делал, ему придется подчиниться принятому решению».

Родриго попросту заплатил ему 3000 золотых дукатов. Дон Гаспаро отказался от своих притязаний на руку Лукреции и вернулся в Испанию.

На роскошной свадьбе Лукреции присутствовали внучка папы Иннокентия Джулия Фарнезе и 150 римских женщин, которые, по слухам, обратили на себя внимание Александра. На свадебном пире почетное место занимал папа вместе со своей любовницей. Наряд Александра — золотая турецкая мантия, подол которой несла африканская девочка-рабыня, — затмевал даже великолепное платье невесты...

«По случаю бракосочетания в течение нескольких дней устраивались празднества и оргии, достойные мадам Лукреции», — свидетельствует Стефано Джавессура. Танцы и пиры, комедии и «весьма фривольные игры». Сам папа развлекался тем, что швырял конфетти в декольте дам.

«Вечером Его Святейшество кардинал Борджиа [Чезаре], и герцог Кандия [Хуан], придворные и благородные леди отправились ужинать. Появились клоуны и танцоры обоего пола, устроившие ко всеобщему восторгу гостей чрезвычайно непристойное представление, — сообщает хроникер. — Ближе к утру Александр VI сопровождал новобрачных в спальню, посреди которой высилась огромная кровать без занавесок. Здесь глазам гостей предстали столь дикие и шокирующие картины, что никакой язык не в силах их описать. Папа сыграл для своей дочери роль матроны; Лукреция, эта Мессалина, которая с малых лет занималась с отцом и братьями самыми невообразимыми вещами, чтобы продлить отвратительную комедию, прикинулась невинной девушкой; в результате молодожены взошли на брачное ложе в присутствии всей семьи».

Однако после свадьбы Лукреция отказалась последовать за мужем в Песаро и продолжала жить в Ватикане. Бушар писал: «Она никогда не покидала покои папы — ни днем ни ночью». В конце концов, Лукрецию удалось уговорить навестить мужа в

сопровождении красавицы Джулии, что только усилило страдания папы.

Александр начал отчаянно ревновать, когда Джулия в письме из Песаро чрезмерно расхваливала Катерину Гонзага, родственницу мужа Лукреции, Джованни Сфорца.

Папа написал в ответ:

Мы прекрасно знаем, что ты восхваляешь красоту этой женщины, которая недостойна надевать тебе туфли, исключительно из свойственной тебе скромности. Мы отлично понимаем, почему ты так себя ведешь; ведь тебе известно, что все в один голос утверждают — рядом с тобой она, как простой светильник на фоне солнца. Впрочем, мы и так в том не сомневались. И мы хотели бы, чтобы ты знала — ты предназначена для того, кто любит тебя превыше всего на свете.

Он явно скучал без нее. Но на следующее его письмо Лукреция ответила, что Джулия и кузина Александра, Адриана дель Мила, которая была гувернанткой Джулии, уехали в Каподемонте, фамильное имение Фарнезе, где на смертном одре лежал брат Джулии, Анджело.

Александр пришел в ярость и отправил Лукреции суровое письмо. «Откровенно говоря, дон Джованни и ты совсем не подумали обо мне, отпустив Адриану и Джулию без нашего разреше-

ния, — писал он. — Ведь тебе прекрасно известно, что подобный отъезд без нашего одобрения может вызвать у нас большое неудовольствие. И если ты скажешь, что поступила так потому, что кардинал Фарнезе отдал такое указание, то должна задать себе вопрос, понравится ли это папе. Впрочем, что сделано, то сделано. Но в следующий раз мы будем более осторожными и позаботимся о наших интересах».

Джулия в Каподемонте получила ревнивое письмо. Она ответила: «Раз Его Святейшество просит меня особенно следить за сохранением собственной чести, то могу заверить Его Святейшество, что он может не беспокоиться. Не сомневайтесь, днем и ночью я думаю только об одном — ради любви к Вашему Святейшеству — вести себя, как святая Катерина».

Святая Катерина была девственницей и мученицей, но как Александр понял эту аллюзию, не известно. Для своих покоев в Ватикане он заказал Пентуриккио фреску под названием «Спор о святой Катерине». На ней Родриго Борджиа присутствует и как обворожительный молодой епископ, и как благочестивый папа Александр VI; Лукреция позировала как святая Катерина.

Чтобы еще больше успокоить Александра, Джулия написала, что Адриана дель Мила, гувернантка его детей, подтвердит ее верность. Последовал обмен письмами.

«Джулия, моя дорогая дочь, — писал Александр, — я получил твое письмо. Меня бы больше устроило, если бы оно было более длинным и подробным».

Она ответила:

«Моему единственному повелителю». Далее она вскользь описывает удовольствия и праздники, в которых участвует и продолжает: «Может быть, Ваше Святейшество подумает, читая обо всех вышеупомянутых вещах, будто нам очень хорошо и весело, но мы должны отметить, что совершили огромную ошибку: из-за отсутствия Вашего Святейшества, от которого только и зависит мое счастье, я не в силах получить истинного наслаждения от каких бы то ни было развлечений. Мое сердце должно находиться там же, где и мое сокровище. И тот, кто с этим не согласен, попросту глуп. Мы умоляем Ваше Святейшество не забывать нас и вернуть обратно, чтобы мы могли поцеловать ваши ноги, которых нам так не хватает».

Вскоре Александр узнал, что муж Джулии, Орсино Орсини, сославшись на болезнь, покинул свой полк и вернулся в семейное поместье в Бассанелло. Папа заподозрил, что молодой Орсини попытается вернуть свою жену и написал Джулии, что запрещает ей ехать в Бассанелло. Она ответила, что должна отправиться туда по политическим причинам.

Тогда Александр связался с кардиналом Алессандро Фарнезе и потребовал, чтобы тот вмешался. Кардинал растерялся, и Александр отправил ему

угрожающее письмо: «Ты прекрасно знаешь, как много мы для тебя сделали, и с какой любовью. Мы и представить себе не могли, что ты так быстро все забудешь и поставишь Орсини превыше нас. Мы призываем и умоляем тебя отплатить нам той же монетой — ведь в противном случае ты нарушишь свои обещания, не говоря уже о том, что пострадает твоя честь и благополучие.

Подобное послание от такого чудовища, как Александр VI напугало бы кого угодно.

В тот же день Александр написал Джулии письмо, полное упреков и проклятий:

Неблагодарная предательница, мы получили известие о том, что ты не собираешься возвращаться сюда до тех пор, пока того не захочет Орсини; и хотя мы прекрасно понимаем твои намерения и знаем, где ты ищешь совета, тем не менее, вспоминая твои сомнительные клятвы, мы не можем до конца поверить в то, что ты способна на такую неблагодарность и неверность (ведь сколько раз ты давала слово, что будешь с нами и не станешь встречаться с Орсино) и отправишься в Бассанелло, где твоей жизни грозит опасность; мне не понятно, почему ты так себя ведешь — если только не хочешь забеременеть во второй раз от своего жеребца из Бассанелло. Мы надеемся, что очень скоро ты и мадам Адриана, самые неблагодарные из женщин, признаете свою вину и понесете соответствующее нака-

зание. Более того, учитывая все обстоятельства, мы приказываем тебе, под страхом отлучения от церкви и вечных мук, не покидать Каподемонте, по причинам, имеющим непосредственное отношение к интересам государства.

Тут он несколько превысил свои полномочия. В Италии эпохи Возрождения по церковным и светским законам Джулия должна была во всем повиноваться мужу. Обязана ли она ставить желание папы выше воли мужа — являлось подходящей темой для теологических дебатов.

Поведение Адрианы дель Мила тоже подверглось резкой атаке.

«Наконец ты продемонстрировала нам зло, что таится в твоём сердце, — писал Александр. — Можешь не сомневаться, за твой обман тебя ждет самое жестокое наказание».

Если она покинет Каподемонте без его разрешения, — заявил Александр, — он конфискует все ее владения и обречет на вечное проклятие. А чтобы кардинал Фарнезе знал, что сказать Джулии, Александр отправил ему церковный циркуляр, в котором ей запрещалось встречаться с Орсино — «этой обезьяной», как его теперь называл Александр.

В обязанности посланника, который доставил циркуляр, входило убедить Джулию и Адриану, что им грозит отлучение. Другой эмиссар прибыл в Бассанелло и передал Орсино, что он тоже рискует

быть отлученным от церкви, если не вернется в Рим в течение трех дней. Однако духовник Орсино сообщил Александру, что молодой человек чувствует себя оскорбленным из-за любовной связи своей жены с папой и готов рискнуть всем, чтобы вернуть ее обратно.

Александру ужасно не хватало Лукреции. Он писал ей с упреком: «Вот уже в течение нескольких дней мы не получали от тебя писем. Ты не пишешь нам о себе и доне Джованни, нашем возлюбленном сыне, и это причиняет нам жгучую боль. В будущем будь более внимательной и заботливой».

Лукреция тут же послала в ответ сочувственное письмо: «Мы понимаем, что в Риме дела обстоят не лучшим образом».

Французская армия вошла в Италию и требовала прохода через папские владения, чтобы приступить к осаде Неаполя — так что положение было весьма тяжелым.

«Я прошу Ваше Блаженство уехать, — продолжала в своем письме Лукреция, — а если это невозможно, умоляю, соблюдайте максимальную осторожность, и пусть Ваше Блаженство не сочтет мои слова за высокомерие, ведь они продиктованы огромной любовью — не сомневайтесь, Ваше Святейшество, что я не буду спокойно спать, не получая от вас регулярных весточек».

Впрочем, кризис миновал — во всяком случае, в любовных отношениях. Джулия и Адриана слиш-

ком боялись Александра, чтобы отправиться в Бассанелло. Когда Орсино узнал, что они не приедут, он вернулся в свою часть.

Однако в ноябре 1494 года Джулия и Адриана, наконец, решились покинуть Каподемонте. Они направились в Витербо, чтобы повидать кардинала Фарнезе, который только что получил должность папского легата. В дороге женщин захватили наступающие подразделения французской армии. Король Карл расхотался, когда услышал, что он только что взял в плен «сердце и глаза» Александра.

Александр пришлось заплатить за женщин выкуп в 3000 золотых дукатов. Их вернули в сопровождении почетного эскорта, состоящего из четырех сотен французских кавалеристов. Александр принял их в черном камзоле с оторочкой из золотой парчи, испанском поясе с мечом и кинжалом, и бархатном берете. Один из наблюдателей заметил, что он выглядел как «настоящий шеголь». В ту ночь в папских покоях в Ватикане обожаемая Джулия снова оказалась в объятиях Александра.

Отчаянная ревность Александра вовсе не означала, что он хранил Джулии верность. Людовико Сфорца заявил миланскому сенату, что уже через неделю после их воссоединения Александр переспал с тремя другими женщинами — «одной из них была монахиня из Валенсии, другая из Кастилии, а третья — очень красивая девушка из Венеции, которой едва исполнилось шестнадцать лет».

Впрочем, у Александра VI имелись и более серьезные проблемы. Король Франции стоял у ворот Рима и грозил низложить Александра и обвинить его, среди прочего, в прелюбодеяниях, инцесте и убийствах. Когда на помощь папе не пришел никто, он распахнул ворота Рима, хотя кардинал Чезаре и оказал жестокое и бессмысленное сопротивление. Чтобы обеспечить себе безопасный проход, король Карл взял Чезаре с собой, и французская армия двинулась на Неаполь. Однако через пару дней Чезаре сумел сбежать, переодевшись конюхом и оставив на постели небрежно брошенную кардинальскую мантию. Карл пришел в ярость и приказал сравнять с землей соседний город, но кардинал деля Ровере, который путешествовал вместе с французами, справедливо заметил, что это лишь задержит их марш на юг.

Когда французская армия добралась до Неаполя, город не оказал серьезного сопротивления. Французских солдат покорили красивые и темпераментные неаполитанские женщины. К несчастью, многие из них были заражены сифилисом, который здесь называли «неаполитанской болезнью». В те времена в Европе сифилис был практически неизвестен, но очень скоро распространился от самого носка итальянского сапога до английского канала, теперь уже как «французская болезнь». В 1494 году всего за два месяца сифилисом заразилось семнадцать членов семьи папы и его двора, включая Чезаре Борджиа.

В том же году Жофре Борджиа сочетался браком с Санцией, зеленоглазой внучкой короля Ферранте, таким образом возник новый альянс. Свадебная церемония продолжалась до трех ночи, после чего молодоженов проводили в спальню, раздели и положили в постель обнаженными. Затем король Альфонс и кардинал Борджиа-Ланзол остались с новобрачными и наблюдали, как целуются и обнимаются тринадцатилетний принц и двадцатилетняя принцесса. Их присутствие нисколько не смущало парочку. Только после того, как брак был скреплен, мужчины удалились, оставив молодоженов наслаждаться первой брачной ночью.

В своем отчете Александру кардинал Борджиа-Ланзол рассказал, что Жофре вел себя чрезвычайно изящно и был полон огня, упомянув также, что многие дорого бы заплатили за возможность увидеть юного жениха в деле.

Однако, судя по всему, Санции действия Жофре не показались ни изящными, ни полными огня. Очень скоро слухи о ее любовных похождениях начали распространяться по всему Риму. Александр написал ей письмо, в котором обвинил в безнравственности. Ее мажордом бросился на защиту своей госпожи, утверждая, что единственным мужчиной, входившим в спальню Санции, кроме ее мужа, был «человек доброй воли, которому давно исполнилось шестьдесят». Поскольку самому Александру перевалило за шестьдесят, подобное объяснение едва ли могло его удов-

летворить — учитывая, что братья Жофре, Хуан и Чезаре наперебой ухаживали за Санцией. Скоро чувственная, теперь уже двадцатидвухлетняя Санция принимала обоих в своей постели, в то время как Жофре, которому в то время было всего пятнадцать, утешался, растрачивая огромные деньги.

Неизлечимый тогда сифилис нанес страшный удар Европе, посеяв повсюду панику. У людей отсутствовал иммунитет, и болезнь очень легко передавалась. При каждом половом акте с носителем инфекции имелся пятидесятипроцентный шанс заразиться. Разразилась неслыханная до тех пор эпидемия.

Однако сифилис оказался не единственной проблемой того времени. В Риме появилось множество шарлатанов, обещавших быстрое излечение от самых разных недугов. Продавцов «лекарств» ловили и подвергали жестокой расправе. Однажды шестерых несчастных провели по улицам Рима, избивая палками. Они рекламировали масло, которое, якобы, излечивало оспу. Многие платили большие деньги за то, чтобы в нем искупаться. Впрочем, вскоре обнаружилось, что хитроумные продавцы собирали масло обратно в кувшины и снова использовали.

Доминиканский монах Джироламо Савонарола объявил сифилис божьей карой. Страдавшему от болезни Александру такая трактовка происходящего вряд ли могла понравиться. Савонарола провозгласил:

Приди ко мне, вырождающаяся Церковь. Я дал тебе роскошные одежды, сказал Господь, а ты создала идола. Твои сосуды наполнены гордостью, а святыни стали жертвой симонии. В своем разврате ты превратилась в бесстыдную шлюху. Ты хуже, чем животное, настоящее извращенное чудовище. Время, когда ты стыдилась своих грехов, осталось в прошлом. Ты выстроила позорные притоны, ставшие борделями.

С особенной силой он обрушивался на духовенство.

Они продают приходы и святыни, продают узы брака, продают все. А потом боятся отлучения от Церкви. Когда наступает вечер, один садится за игорный стол, а другой идет к любовнице. Рим настолько пропитан ядом, что Франция, Германия и весь мир взируют на него с отвращением. Дело дошло до того, что мы вынуждены советовать всем добропорядочным гражданам держаться подальше от Рима и говорим: «Вы хотите погубить своего сына? Тогда сделайте из него священника». Приближается время, когда мы откроем запоры, и тогда отвратительная вонь и мерзость хлынет из Рима и затопит весь христианский мир.

Не забыл он и про самого папу Александра.

Уверяю вас, что Александр не папа, и никто не должен считать его таковым. Ведь он взошел на папский престол при помощи симонии и продает церковные должности тому, кто больше заплатит; забыв на время об остальных его грехах, присущих большинству людей, я утверждаю, что он не христианин и не верит в существование Бога.

Александр приказал Савонароле, чтобы тот попридержал язык. Когда тот не послушался, папа предложил ему кардинальский пост — бесплатно. Савонарола отказался. Тогда в 1498 году Александр сжег его как еретика, отметив казнь своего врага пышными празднествами и крещением сына, которого ему родила Джулия Фарнезе. Позднее он аннулировал брак Лукреции и Джованни Сфорца на смехотворном основании — объявил, что брак не консуммирован, хотя это произошло на его собственных глазах.

Джованни Сфорца такой поворот событий не понравился. Он публично заявил, что брак подтвержден, причем не один раз, а множество. Однако ему не хватило храбрости противостоять Александру, который, вероятно, собирался его отравить. Перед Сфорца стоял выбор — признаться в импотенции или объявить брак незаконным из-за по-

молвки Лукреции с доном Гаспаро де Просида. В последнем случае Джованни пришлось бы вернуть приданое, чего он сделать попросту не мог. И в то же время гордость не позволяла ему ни при каких обстоятельствах назвать себя импотентом. «Я предпочитаю потерять состояние и жизнь, но только не свою честь», — заявил он.

Джованни бежал из Рима к своему кузену, Людовико Сфорца, герцогу Милана. Людовико посоветовал Джованни потребовать от Александра устроить ему испытание на нейтральной территории — чтобы он мог публично заняться любовью с Лукрецией и продемонстрировать свою полноценность. Если же папа не пожелает подвергнуть свою дочь такому унижению, то Джованни с радостью продемонстрирует свои способности в любом борделе Милана в присутствии папского легата, племянника Александра, кардинала Борджиа-Ланзола.

Сейчас такие испытания кажутся по меньшей мере странными, но в те времена были весьма распространены. Однако проблема заключалась в том, что Людовико не мог защитить своего кузена силой оружия.

Тогда Джованни заявил, что Александр «хочет заполучить дочь для себя» и что «он совокуплялся с ней множество раз». Вся Италия встала на сторону Джованни. Обвинение Александра, выдвинутое против него, имело бы силу только в том случае, если бы Лукреция оставалась девственницей. На сей

счет ни у кого никаких сомнений не возникало. Лукреция пришла в ужас от того, что ей придется согласиться на проверку, и укрылась в монастыре.

Кардинал Асканио Сфорца попытался выступить в качестве посредника, но потерпел неудачу. Александр и Чезаре с дьявольским упорством настаивали на разводе. Лукреция требовалась им для заключения нового важного союза. Кардинал Сфорца с неохотой написал, что «он хотел сохранить брак... который, к сожалению, не был консуммирован из-за импотенции супруга».

В конце концов, Джованни пришлось отступить. За право сохранить остаток приданого Лукреции — около 31 000 дукатов — он признался в импотенции.

Лукреция вернулась из монастыря и поклялась перед папской комиссией, что все еще остается девственницей. Ее заявление вызвало бурю насмешливых комментариев. Ходило немало разговоров об инцесте и о ее многочисленных любовных шалостях. Однако комиссия аннулировала брак именно на основании слов Лукреции. «Италия смеялась, — написал один историк, — ведь все знали, что большей шлюхи, чем Лукреция, в Риме не найти».

Более того, вскоре после официального объявления о разводе Лукреция обнаружила, что беременна. Отцом ребенка, скорее всего, являлся Перотто Калдерони, красивый испанец, камерарий Александра и его фаворит. Чезаре пришел в ярость из-за того, что планы Александра могут быть нару-

шены, и заколол Калдерони прямо в папских покоях, после чего тело несчастного сбросили в Тибр.

Паоло Капелло, посол Венеции в Риме, написал домой: «Своей собственной рукой, прячась за папскую мантию, Чезаре убил Перотто, так что его кровь брызнула прямо папе в лицо».

Александр попытался спасти своего юного фаворита, но Чезаре это не остановило. Он зарезал несчастного камерария, окропив своего отца его кровью.

Александр неплохо относился к Калдерони, а вот с женой красавчика камерария папу связывали действительно близкие отношения. Говорят, он был отцом мальчика, которого она родила в 1497 году.

Убийство Калдерони не положило конец сплетням. Посол Феррарези писал несколько месяцев спустя: «Из Рима сообщают, что дочь папы родила ребенка».

Ребенка спрятали, но в 1501 году Лукреция появилась с трехлетним мальчиком по имени Джованни, которого прозвали «дитя Рима». Однако историки до сих пор спорят о том, кто являлся его отцом. Чезаре не сомневался, что это Калдерони. Позднее папа выпустил две буллы: в одной отцом назван Чезаре; в другой сам Александр VI — что представляется более вероятным.

Не вызывает сомнений, что Лукреция и ее отец были очень близки. Когда Александр уезжал из Рима, она выступала в качестве его регента — вскрывала официальные письма, занималась текущими

делами и созывала Святую Коллегию. Она часто председательствовала на кардинальских советах, словно вакханка, с обнаженной грудью, в прозрачных муслиновых одеяниях. Затем «предлагала обсудить различные излишества». И, согласно Бушару, не стыдилась давать или принимать «непристойные ласки» прямо на глазах собравшихся.

Иоанн Бушар, глава кафедрального собора, писал в своем дневнике: «Сегодня папа, чтобы развлечь мадам Лукрецию, приказал привести в маленький дворик кобыл, а потом выпустил туда же жеребцов, которые набросились на несчастных кобыл и после жестокой борьбы овладели ими под радостные аплодисменты мадам Лукреции и папы, наблюдавших за этой сценой из окон спальни».

Затем, отмечает Бушар, папа и его дочь уединились в спальне и не выходили оттуда в течение часа.

Если Александр действительно вступал в подобные отношения со своей дочерью, то он, скорее всего, является единственным папой, наслаждавшимся тремя поколениями женщин — бабушкой, матерью и дочерью.

Александр стремился расторгнуть брак Лукреции для того, чтобы выдать ее замуж за неаполитанского короля Федерико. Чезаре отправился на предварительные переговоры, но Федерико, опасавшийся влияния Борджиа, отказался жениться на женщине, которая, «как всем известно, спит со своими братьями».

Еще большее беспокойство вызвало у него поведение Чезаре при дворе, когда тот, сбросив кардинальскую мантию, удовлетворил свое желание с понравившейся ему неаполитанкой. Красивый и хорошо сложенный мужчина, он привлекал внимание всех придворных женщин. Чезаре влюбился в Марию Диаз Карлон, дочь арагонского графа. Роман расстроился, когда симптомы сифилиса, которым страдал Чезаре, стали очевидными. Впрочем, когда он вернулся в Рим, казалось, болезнь отступила. Однако вскоре выяснилось, что она просто перешла в следующую, более опасную фазу.

Между тем Хуан Борджиа, герцог Гандии, женился в 1493 году на испанской принцессе, кузине короля Фердинанда, но вместо того, чтобы объединить Италию и Испанию, как планировалось, Хуан умудрился окончательно испортить отношения с Фердинандом. Александр предупреждал Хуана не увлекаться азартными играми и женщинами. Епископ и двое доверенных папских слуг получили приказ уберечь молодого герцога от беды, но к рождеству 1493 года Александр получил сообщение, что Хуан постоянно играет и проводит ночи в борделях Валенсии и Барселоны. Но главное — поползли слухи, что он не сумел консуммировать свой брак.

Александр написал Хуану, что ничто не унижает женщину больше, чем пренебрежение супружескими обязанностями. Не консуммированный

брак рассматривался Фердинандом, как страшное оскорбление.

Чезаре также послал ему письмо, в котором просил: «Постарайся реализовать надежды, которые питает Его Святейшество, если желаешь ему долгой жизни, от которой зависят наше благополучие, наша жизнь и успех; и если ты любишь меня, постарайся, чтобы послания, которые получает Его Святейшество, не причиняли ему боли».

Хуан ответил, что слухи о его скандальном поведении исходят от людей «с полным отсутствием мозгов, находящихся, к тому же, в последней стадии опьянения». Кроме того, он заявил, что консуммировал свой брак не единожды, а множество раз. Через некоторое время Александр получил известие, что его невестка, герцогиня, беременна.

В 1497 году было получено известие об убийстве Хуана, которое потрясло папу. Подозрение упало на Чезаре, который всегда ревновал отца к Хуану. В течение многих лет они пытались завоевать расположение Александра, снабжая его личный гарем роскошными красавицами, а Хуану однажды удалось найти испанскую девушку, которая доводила его до экстаза. Чезаре проиграл. Кроме того, Лукреция предпочла ему Хуана, оставив в одиночестве.

После вечеринки в доме матери, Хуан и Чезаре вместе отправились в Ватикан. Хуан заявил, что «хочет поискать новых удовольствий» и уехал в сопровождении своего груга и отряда в масках. На

следующий день его тело нашли в Тибре. Ему нанесли восемь ножевых ран и перерезали горло. Руки связали, а на шею привязали камень, чтобы труп затонул. Мотивом убийства являлось не ограбление. Хуан был полностью одет, в кошельке осталось тридцать золотых.

Последние несколько часов своей жизни Хуан провел в женских объятиях. По одной из версий, этой женщиной была известная римская куртизанка по имени Мадонна Дамиата. По другой, его заманила в ловушку красивая дочь римского аристократа, в которую он влюбился.

Первым подозреваемым стал Жофре. Кое-кто предполагал, будто он убил брата из ревности к своей жене Санции. Другие называли имя Джованни Сфорца, ревновавшего Хуана к Лукреции. Но на Чезаре указал знаменитый флорентийский политик Никколо Макиавелли. Его рассуждения выглядели достаточно простыми — он нашел того, кто больше всех выигрывал от смерти Хуана. Избавившись от конкурента, Чезаре получил монополию на любовь своего отца Александра и сестры Лукреции, а также место военачальника папской армии.

Когда тело Хуана выудили из реки и положили у ног папы, какой-то циник прошептал: «Наконец-то он стал ловцом человеков».

Пораженный горем папа решил отказаться от греховной жизни и посвятить себя церкви. Он объявил, что в течение десяти дней всем священникам

следует забыть о своих любовницах. Бушар пишет: «Затем он осушил слезы и нашел утешение в объятиях мадам Лукреции, послужившей причиной убийства». Уже в следующем году Джулия Фарнезе подарила ему еще одного ребенка.

Так или иначе, но отношения между Цезаре и его отцом быстро наладились. Чтобы это отпраздновать, Цезаре организовал охоту. Оба церковника, в сопровождении огромного числа куртизанок и проституток, танцовщиц и других прихлебателей, под охраной пятисот рыцарей и шестисот пехотинцев, отправились в Остию.

«Они провели в лесах Остии четыре дня, — написал историк Томас Томази, — развлекаясь самым чудовищным и непристойным образом. Потом вернулись в Рим, который превратили в логово разбойников и средоточие зла».

Томази безнадежно добавляет: «Невозможно перечислить, сколько при дворе папы совершалось убийств, актов насилия и инцеста ежедневно. Жизни человеческой едва ли хватит, чтобы записать имена тех, кого они убили, отравили или живыми сбросили в Тибр».

Только ради того, чтобы сохранить свою жизнь, прелатам приходилось падать на колени перед Александром VI, восхвалять его чудовищные деяния и льстить Цезаре.

Хотя король Федерико отказался от руки Лукреции, из дипломатических соображений он посчи-

тал полезным устроить ее брак. Она должна была выйти замуж за Альфонсо, герцога Бизагалии, сына Альфонсо II, герцога Арагона, который контролировал Сорренто. Наконец, у Александра появился неаполитанский союзник, на которого он мог рассчитывать, чтобы значительно усилить свое влияние в Италии. Лукреция и Альфонсо влюбились друг в друга с первого взгляда. Когда он приехал в Рим, то, по словам одного историка, «был самым красивым юношей из всех, кого когда-либо видел императорский город». И в глазах Лукреции он во всем превосходил неуклюжего Джованни Сфорца.

Александр ликовал, что Лукреция нашла свое счастье, но по условиям брачного контракта супруги должны были жить в Риме. Он не пережил бы еще одну разлуку с любимой дочерью.

Свадебный пир прошел сравнительно спокойно, хотя слуги Чезаре и принцессы Санции устроили безобразную драку. Затем на суд зрителей представили пьесу, в которой Чезаре играл роль единорога — сексуальный символ безбрачия.

Папский мастер церемоний, Бушар, подтвердил, что брак консуммирован в первую же брачную ночь, и вскоре Лукреция забеременела. Однако случился выкидыш после того, как она резвилась в винограднике одного кардинала, но довольно быстро она вновь забеременела.

Лукреция и Альфонсо назвали ребенка Родриго в честь ее отца. Папа был так взволнован этим собы-

тием, что поднял с постели послов, чтобы возвестить на всю Европу, что стал дедушкой. Завернутого в золотую парчу ребенка крестили в Сикстинской Капелле в присутствии огромного количества прелатов. Венецианец Джироламо Приули написал в своем дневнике: «Крещение вызвало много откликов в христианском мире, говорили, что глава христианской Церкви публично продемонстрировал любовь к своей семье, официально признав себя отцом своих детей».

Обстоятельства складывались так, что неаполитанский союз стал не нужен Риму. Альфонсо поступил мудро, сбежав обратно в Неаполь, однако посчитал необходимым присутствовать при крещении сына. После торжественного обеда на ступенях собора святого Петра на него напало пятеро убийц, вооруженных мечами и кинжалами. Слуги Альфонсо успели прийти к нему на помощь и унесли в папские покои, где за ним ухаживала его любящая жена Лукреция.

Чезаре, ставший командующим папской армии, издал приказ, суливший смертную казнь всякому, кто проникал в Ватикан с оружием. Лукреция и Санция сами готовили для Альфонсо еду, чтобы его не отравили. Доктор сохранял максимальную бдительность. Однако, когда Альфонсо уже начал поправляться, его задушили в собственной постели. Все считали, что это дело рук Чезаре.

Спустя некоторое время после убийства второго мужа Лукреции, когда Александр вместе с

тремя прелатами обсуждал возможности извлечения максимальной прибыли из предстоящего юбилейного года*, началась сильная гроза. Молния ударила в Ватиканский дворец, и крыша рухнула. Три епископа погибли под упавшими балками. Лишь только папа уцелел. Однако многие увидели в том знак — Господь демонстрировал свое отношение к деяниям Александра.

Чезаре Борджиа послужил для Макиавелли образцом безжалостного политика, портрет которого он нарисовал в классическом трактате «Принц». Тем самым Макиавелли признавал, что его соплеменники многим обязаны семье Борджиа и церкви. Он писал: «Итальянцы в долгу перед римской католической Церковью и ее духовенством. Благодаря их примеру мы потеряли истинную веру и стали настоящими атеистами. Считайте это правилом, но чем ближе нация расположена к папскому престолу, тем менее она религиозна».

Флорентийский государственный деятель Франческо Гвиччардини больше боялся Чезаре, чем Александра. Он писал, что Чезаре рожден для того, чтобы «воплощать в жизнь самые низкие замыслы своего отца, Александра VI». Впрочем, по его мнению, остальные представители духовенства немногим лучше. В заключение Гвиччардини отмечал: «Как бы плохо вы не отзывались о папском престоле, он

* Год покаяния и отпущения грехов. У католиков объявляется каждые 25 лет (церк.).

заслуживает еще худшего, поскольку является примером всего самого отвратительного и подлого, что есть в мире».

Нельзя не отметить, что Чезаре был красивым, мужественным, очаровательным, умным и абсолютно лишенным совести человеком. За всю свою жизнь он совершил лишь одно доброе дело — открыл дом для престарелых проституток, впрочем, и тут у него имелся личный интерес.

Чезаре особенно любил исполнять для своего отца роль палача. Король Фердинанд и королева Изабелла из Кастилии пожаловались ему, что епископ Флорида из Козенца обещал разрешить наследнице португальского трона покинуть монастырь, где она была монахиней, чтобы выйти замуж за сына покойного короля Иоанна II. Тем самым Кастилия лишалась возможности захватить Португалию. Александр приказал схватить епископа Флорида, раздеть и обнаженным бросить в темницу замка Сент-Анджело, где он оказался по колено в нечистотах. Несчастному дали два фунта хлеба, ведро воды, банку масла и лампу, сообщив, что этого ему должно хватить на неделю.

Через два месяца Чезаре посчитал, что решимость прелата сломлена. Он обещал епископу, что его не отправят на виселицу и вернут должность, если он заявит, будто разрешение португальской принцессе на брак является фальшивкой. Не видя другого выхода, Флорида подписал документ. Однако Алек-

сандр заявил, что ему ничего не известно о соглашении, заключенном епископом с Цезаре, лишил Флорида должности и передал для суда гражданским властям.

Впрочем, Цезаре выполнил часть своего обещания. Он спас епископа от виселицы, попросту отравив его в камере, перед тем как несчастного должны были вести на эшафот. А состояние епископа, его должность и особняк достались тому, кто сумел победить на торгах.

Даже в тот период, когда Борджиа занимал папский престол, сексуальные отношения в Риме вряд ли можно было назвать особенно либеральными — во всяком случае, для тех, кто не обладал солидным состоянием и властью. Бушар рассказывает о наказании, которое постигло чернокожего трансвестита, называвшего себя Испанской Барбарой, и проститутку по имени Курсетта. Сначала их провели по городу — его в платье, задранном так, чтобы все видели его гениталии и никто не сомневался в том, что он мужчина; ее в тигровой шкуре, державшейся лишь на поясе.

Затем Курсетту освободили. Однако Испанскую Барбару бросили обратно в тюрьму. Через несколько дней его провели по городу вместе с двумя ворами. Во главе процессии ехал на осле мужчина, который держал привязанные к кончику палки яички. Их отрезали у еврея, занимавшегося любовью с христианской женщиной.

На шею Испанской Барбары набросили веревочную петлю, привязали к столбу и поставили на связку хворосту. Затем дерево подожгли. К несчастью, пошел дождь, и хворост горел плохо. В конце концов, пламя сожгло ноги Испанской Барбары.

Чезаре, несомненно, был достаточно кровожаден, чтобы реализовать амбиции отца. На площади святого Петра он с изяществом, присущим лишь испанцам, копьем убил пятерых быков. Шестого он обезглавил одним ударом своего меча.

«Он любил смотреть, как проливается кровь, — писал Бушар, — как император Коммод, который ходил на скотобойню, чтобы удовлетворить свою жажду убийства».

Однажды он зашел так далеко, что приказал обнести площадь святого Петра оградой и согнать туда узников — мужчин, женщин и детей. Затем несчастным связали руки и ноги, а Чезаре верхом на злобном жеребце, с оружием в руках налетел на беспомощных пленников. Одних он застрелил, других зарубил мечом, многие погибли под копытами его коня. Меньше чем через полчаса он остался один в лужах крови, среди трупов своих жертв. С балкона чудовищным зрелищем наслаждались Его Святейшество и Лукреция.

В охоте за женщинами Чезаре сумел превзойти даже своего отца. Однажды он похитил замужнюю

женщину, изнасиловал ее, а потом убил. Когда сифилис наложил на его внешность страшную печать, он перестал восхищаться изяществом и красотой — «теперь, проведя несколько дней с какой-нибудь молодой женщиной, он сбрасывал ее в Тибр».

Чезаре не любил выполнять обязанности, налагаемые на него саном. Церковной мессе он всегда предпочитал охоту и любовные утехы. После смерти Хуана он с радостью занял место главнокомандующего папской армией. Но сначала решил заполучить титул и высокое положение. Кроме того, он считал своим долгом увековечить имя Борджиа в детях.

Пока в Неаполе шли переговоры о втором браке Лукреции, Чезаре познакомился с Карлоттой, законной дочерью короля Федерико. Он предложил ей выйти за него замуж, но король Федерико напомнил Чезаре, что он носит кардинальский сан. Король сказал папе: «Если вы сможете найти сына, который сумеет жениться на моей дочери, сохранив кардинальскую мантию, я обдумаю это предложение».

На самом деле Федерико просто пытался выиграть время, прекрасно понимая, что если Чезаре женится на его дочери, то сам Федерико рискует быть убитым — Чезаре постарается заполучить корону Неаполя.

В возрасте двадцати двух лет Чезаре попросил позволения выйти из коллегии кардиналов, по-прежнему намереваясь жениться на Карлотте. Александр его одобрил, поскольку лицо Чезаре уже

покрылось рубцами и пятнами — сифилис перешел во вторую стадию. Один из кардиналов заявил, что если бы всем разрешалось уходить по таким тривиальным причинам, то в коллегии никого бы не осталось.

В то время Карлотта находилась во Франции. Король Людовик XII обещал Чезаре содействие в обмен на развод с его нынешней женой Жанной де Валуа. Он хотел жениться на Анне Бретонской. В результате несчастной Жанне пришлось признаться, что брак не консуммирован из-за порока ее гениталий, а все остальное взял на себя Чезаре.

Избавившись от кардинальской мантии, Чезаре стал герцогом Валентинуа и отправился в Париж, где попытался произвести впечатление на Карлотту, потратив целое состояние на подарки и свой багаж. Потребовалось шесть французских галер, чтобы переправить Чезаре и его двор в Марсель. Его сопровождало около двухсот человек. Он одевался в бархат и дамаст, а своего жеребца приказал подковать серебром. Шелковые туники пажей украшала золотая кайма, ожерелья с изумрудами и сапфирами, а туфли были инкрустированы жемчугами. Даже мулов, на которых везли провизию, при приближении к Парижу подковали золотом. Впрочем, многие довольно быстро потеряли свои подковы.

Однако Карлотта осталась равнодушной. Она отвергла предложение Чезаре, поскольку знала, что ее отец против этого брака. Впрочем, Карлотта влю-

билась в бретонского дворянина и заявила, что никогда не выйдет замуж за внебрачного сына священника. Александр написал, что свадьба должна состояться, иначе Борджиа станут посмешищем всей Европы. Карлотта не отличалась особой красотой, но это не имело особого значения для Чезаре, которого интересовала лишь власть. Однако, несмотря на сухую и потемневшую от сифилиса кожу, французский двор превозносил его как «самого красивого мужчину века», поэтому он считал для себя унижением отказ такой невзрачной женщины, как Карлотта.

Ситуация заметно ухудшилась после появления послов короля Федерико. Они принесли письмо, в котором говорилось: «Ублюдку папы король не отдаст не только свою законную дочь, но и незаконную тоже».

Чтобы сгладить оскорбление, Людовик предложил Чезаре понравившуюся ему семнадцатилетнюю красавицу Шарлотту Д'Альбре, дочь герцога Гийенского. Свадьба состоялась 12 мая 1499 года в небольшой часовне замка Блуа. Роскошный свадебный завтрак проходил в шелковых палатках на поле перед крепостными стенами замка. Брак был дважды консуммирован днем и еще шесть раз вечером. В Рим отправился посланец с сообщением, в котором говорилось, что Чезаре подарил жене «восемь знаков своей мужской силы». Бушар также отмечает в своем дневнике, что консуммация свершилась восемь

раз подряд. Король Людовик с восхищением писал о мужской силе Чезаре, а Чезаре лично сообщил отцу эту радостную новость. И вовсе не за тем, чтобы похвастаться. Это была обычная переписка мужчин, обсуждающих свои эротические победы. Очевидно, Чезаре действительно очень нравилась его невеста, поскольку ему множество раз приходилось прерываться. Какой-то смельчак решил над ним подшутить и подменил возбуждающие таблетки на сильное слабительное. Если верить фрейлинам Шарлотты, которые подглядывали за новобрачными в замочную скважину, жених провел на ночном горшке не меньше времени, чем на брачном ложе.

Робер де ла Марк писал в своих воспоминаниях: «Расскажу о брачной ночи герцога Валентинуа. Он попросил у аптекаря таблетки, чтобы доставить леди побольше удовольствия, однако тот подложил ему свинью и дал слабительное — в результате жених всю ночь ходил на горшок, как сообщили на утро придворные дамы».

И все же Чезаре был счастлив. Он сказал Александру, что «чувствует себя самым умиротворенным человеком на свете». Впрочем, несмотря на устроенный Александром фейерверк по случаю свадьбы, Бушар отмечал, что брак сына не давал ему особых поводов для радости, более того, явился «большим позором», еще одним ударом, нанесенным папскому престолу.

Брак продлился всего четыре месяца. Чезаре пришлось вернуться в Италию для исполнения обязанностей командующего папской армией, поскольку теперь в Италии непрерывно шла война. Через несколько месяцев Шарлотта родила девочку, которую назвали Луиза. Чезаре больше никогда не видел свою жену, как и единственную законную дочь, хотя часто писал письма и посылал дорогие подарки. Шарлотте исполнилось двадцать два года, когда она узнала о смерти мужа. Погрузившись в траур, она пребывала в нем семь лет, до самой своей смерти.

Чезаре, естественно, во время разлуки с женой находил утешение в объятиях других женщин. В 1500 году он взял штурмом крепость Форли, захватив в плен тридцатисемилетнюю Катерину Сфорца. В течение многих лет она отважно сражалась со всеми, кто посягал на ее владения. Прекрасная и храбрая женщина, Катерина отправлялась в бой, надевая специальные доспехи. Двое ее мужей погибли у нее на глазах, а когда толпа пригрозила прикончить детей Катерины, она встала на крепостной стене своего замка, задрала рубашку и крикнула: «Смотрите, у меня есть все, чтобы родить новых!»

Катерина доблестно защищала свои земли от Чезаре и папских армий. Затем, когда казалось, что все потеряно, она послала в Рим письмо, зараженное микробами чумы, в котором сообщала, что сдается. Чезаре удалось об этом узнать, и он бросился

в Рим, чтобы спасти отца. Александр приказал сжечь посланца со злополучным письмом в руках.

Чтобы пресечь дальнейшее сопротивление, Чезаре решил публично унижить Катерину. Он вернулся в Форли и после штурма, во время которого менее чем за полчаса погибло более четырехсот человек, Катерину захватили в плен. Чезаре выпорол и изнасиловал ее, а потом принялся рассказывать всем подряд, что она защищала замок с большим пылом, чем свою честь.

Катерина, казалось, нашла в Чезаре идеального партнера. На пути в Рим они, по слухам, стали любовниками. Когда же они въехали в Рим, ее провели по улицам в оковах.

Сохранились также свидетельства о том, что Чезаре похитил и изнасиловал самого красивого итальянского юношу. Во время покорения Романьи Чезаре осадил город Фаэнза, обороной которого командовал шестнадцатилетний принц Астор Манфреди. Несколько атак были отбиты, но город все-таки сдался, поставив условием, что жизнь и достоинство юного принца будут сохранены. Однако красота молодого Манфреди возбудила в душе Чезаре страсть. Когда юноша ему надоел, он отослал его вместе с братом и еще одним красивым юношей к Александру. Говорят, папа некоторое время развлекался с ними, однако никаких достоверных свидетельств этому не сохранилось. Вскоре всех троих выловили в Тибре

с камнями на шее — так что и они тоже ничего не смогли рассказать.

Может, им и повезло, что их настигла смерть, так как симптомы сифилиса, поразившего Чезаре, стали такими очевидными, что ему пришлось носить на людях черную шелковую маску, которая еще усилила его демоническую репутацию; теперь он выходил на улицу только по ночам.

Наконец, покорив в 1501 году с помощью французов Романью, Чезаре стал тамошним герцогом.

Александр VI прибыл из Рима вместе со своими любовницами и куртизанками, чтобы осмотреть новые папские владения. На острове Эльба он пригласил к себе самых красивых девушек, которые танцевали для него во дворце.

«Пирь, в которых участвовали Борджиа, неизменно заканчивались оргиями, — писал историк Гордон, — где нарушались все заповеди, и гости ели мясо во время великого поста. Его Святейшество, однако, окрестил цыплят и оленину палтусом и осетром».

Несмотря на сифилис, в 1500 году Чезаре сошелся с красивой и образованной куртизанкой Фиаметтой де Мичелис. Она играла на лире, свободно говорила на греческом языке и цитировала великих поэтов. Фиаметта пользовалась таким успехом, что быстро стала состоятельной женщиной.

Чезаре редко платил за свои удовольствия. Обычно он просто брал то, что хотел. В 1501 году он

похитил Доротею Малатеста Караккиоло, одну из самых красивых женщин в Италии, которая направлялась на встречу со своим мужем, венецианским офицером.

«Если герцог совершил такой поступок, значит, он сошел с ума», — возмутился Александр.

Такое жестокое оскорбление, нанесенное Венеции, могло привести к новой войне. Когда Цезаре обвинили в похищении, он заявил, что ничего о нем не знает, и свалил вину на одного из своих офицеров. Цезаре держал в плену Доротею Малатесту и использовал ее в качестве сексуальной игрушки целых два года. Только после того, как она ему наскучила, он отослал ее к мужу.

Между тем, отец и сын Борджиа пытались прибрать к рукам всю центральную Италию, финансируя армию продажей высоких церковных постов и убивая всех, кто вставал у них на пути.

Александр организовал для своей любимой Лукреции третий брак. И снова выбор мужа был продиктован политическими соображениями. Ее третий супруг, Альфонсо Д'Эсте, герцог Феррары, не отличался привлекательностью: некрасивое лицо с большим носом, бычья шея. К тому же, он не блистал умом. Его первая жена, Анна Сфорца, умерла во время родов, впрочем, по слухам, он проводил больше времени в борделях, чем в супружеской спальне.

Чтобы отпраздновать предстоящую свадьбу, Цезаре пригласил своего отца, папу Александра VI

и сестру Лукрецию на «Состязание шлюх». Пятьдесят знаменитых римских проституток собрались в покоях Чезаре в папском дворце. Даже Бушар, считавший, что он уже все повидал, возмутился, увидев танцы одетых в прозрачные накидки женщин, — которые потом совсем разделись, — вокруг папского стола.

Эту свадьбу, — писал Бушар, — отпраздновали такими чудовищными оргиями, каких еще не видел христианский мир. Его Святейшество устроил завтрак для кардиналов и своих придворных, посадив возле каждого гостя по две куртизанки, одеяния которых состояли из прозрачных накидок и гирлянд цветов; когда трапеза завершилась, женщины, числом более пятидесяти, устроили непристойные танцы — сначала отдельно, а потом и вместе с гостями. Наконец, по сигналу мадам Лукреции, накидки соскользнули на пол, и танцы продолжались под аплодисменты Его Святейшества.

Затем пришло время других развлечений. По приказу папы по всему залу расставили двенадцать рядов канделябров с зажженными свечами, после чего совершенно обнаженные куртизанки, на четвереньках, принялись их собирать. Самых быстрых и ловких Его Святейшество одаривал самоцветами и шелковыми нарядами. После состязаний в ловкости наступил черед розыгрыша премий за похоть — на женщин набросились возбужденные гости; на сей раз призы

выдавала мадам Лукреция, которая сидела на платформе рядом с папой.

Тот, кто сумел использовать наибольшее количество проституток, становился победителем.

«Состязание шлюх» явилось, несомненно, кульминацией правления Александра VI; впрочем, в течение некоторого времени среди римского дипломатического корпуса ходили слухи о том, что каждый вечер двадцать пять проституток ублажают в Ватикане Александра, Чезаре и кардиналов.

«Папа держит во дворце целую армию проституток, так что постепенно папские покои превращаются в бордель, где царят всяческие извращения».

Легенды о пьяных папских оргиях множились и распространялись повсюду. Однажды, когда Александр отменил официальные аудиенции, сославшись на холодную погоду, флорентийский посол, Франческо Пепи, написал: «Это не помешало ему в воскресную ночь, в канун Дня Всех Святых*, не ложиться спать до двенадцати часов, поскольку герцог Валентинуа привел во дворец проституток и куртизанок, и они провели весь вечер в танцах и веселье»..

Похожие истории про Александра распространялись и раньше, однако ситуация стала выходить из-под его контроля, когда начало циркулировать письмо, в котором описывалось его возмутитель-

* 1 ноября.

ное поведение. Так называемое «Письмо к Сильво Савелли», переведенное на все европейские языки, было, якобы, адресовано барону Савелли, чьи земли Александр конфисковал. В нем папу называли «отвратительным животным» и «монстром», обвиняли в убийствах, воровстве и инцесте.

Кого не шокируют слухи о чудовищных прелюбодеяниях, которые в открытую свершаются в Ватикане теми, кто бросает вызов Богу и человеческим добродетелям? Кто не испытывает отвращения к разврату, инцесту и непристойностям, творимым детьми папы, сыном и дочерью? Кто не возмущен тем, что куртизанки разгуливают по дворцу святого Петра? Ни один дом или бордель не пользуется такой позорной репутацией. Первого ноября, в День Всех Святых, пятьдесят куртизанок присутствовали на банкете в папском дворце, где был устроен чудовищный спектакль. Родриго Борджиа, средоточие всех пороков, попрал правосудие Божие и человеческое.

Не забыл автор и о Цезаре.

Отец любит сына за то, что видит в нем свою извращенность и жестокость. Трудно сказать, какое из двух качеств он ценит больше. Кардиналы все понимают, но молчат, продолжая восхвалять папу и восхищаться им. Впрочем, его все боятся, однако еще

большой ужас наводит на них его внебрачный сын, который из кардинала превратился в убийцу. Он живет, как турок, в окружении проституток, под охраной вооруженных солдат. По его приказу людей убивают, калечат, выбрасывают в Тибр и лишают имущества.

Александр не обратил никакого внимания на письмо, но суровая критика разозлила Чезаре. Один из людей, распространявших послание, был брошен в тюрьму. Чтобы он не мог писать или говорить, Чезаре приказал отсечь ему правую руку и вырвать язык. В назидание остальным его руку и язык вывесили на дверь камеры, чтобы все могли их видеть. Александр, как всегда, нашел оправдание столь чудовищному варварству: «Герцог добросердечный человек. — заявил папа, — но он не переносит оскорблений».

Александр пошел навстречу жениху Лукреции и разрешил отпраздновать свадьбу без него — роль Альфонсо сыграл по доверенности его брат. По случаю третьего брака дочери Александр повелел отлить специальную медаль. На одной стороне была изображена сама Лукреция; на другой выбиты слова: «Целомудрие — самое ценное, что есть в красоте».

Лукреции пришлось оставить своих детей в Риме, поскольку ни один мужчина эпохи Возрождения не принял бы чужих детей. Чезаре настоял на том, чтобы путешествие в Феррару проходило через города

Романьи, которые он покорил. А Александр перенес сроки великого поста, чтобы народ Феррары смог отпраздновать свадьбу его дочери.

Когда Лукреция приехала в Феррару, новый муж сразу повел ее в спальню. На следующее утро герцог Эрколе написал Александру: «Прошлую ночь наш сын, прославленный дон Альфонсо, и Лукреция провели вместе, и мы убеждены, что обе стороны остались друг другом довольны». Однако Альфонсо было далеко до Чезаре. Сестра Альфонсо сказала своему мужу: «Насколько я поняла, дон Альфонсо взял ее трижды».

Несмотря на то, что брак Лукреции казался вполне удачным, Чезаре не спускал глаз с любимой сестры. Когда она заболела, он остановил военную кампанию, чтобы ее навестить.

В августе 1503 года на обеде у кардинала, который впал в немилость, папа и Чезаре заболели. Чезаре поправился, а Александр умер. Говорят, у них была малярия, но, скорее всего, они стали жертвами яда, который Чезаре приготовил для опального кардинала.

Из ядов Борджиа чаще всего пользовался мышьяком, а вот Александр предпочитал душить или избивать жертву до смерти. Говорят, из-за мышьяка в желудке у Александра началось страшное жжение, глаза налились кровью, а кожа пожелтела. Он часами лежал в постели, не в силах сделать даже глотка воды. Постепенно его лицо приобрело баг-

ровый оттенок, жир в животе стал жидким, началось кровотечение.

Доктора мало умели в те времена. Кровопусканье и рвотное лишь ухудшали состояние больного. В конце концов, получив последнее причастие, Родриго Борджиа, папа Александр VI, умер.

Еще не поправившийся Чезаре приказал запечатать покои отца, чтобы жадные кардиналы не разграбили все его имущество. Тело папы положили на подмости. Оно быстро почернело и почти сразу же начало разлагаться. Вскоре труп так раздулся, что в ширину стал почти такого же размера, что и в длину. Из открытого рта торчал распухший язык и вытекала жидкость. Венецианский посол описывал тело Александра, как «чудовишно уродливое и отвратительное, лишившееся даже намека на принадлежность к человеческому роду».

«То было мерзкое зрелище, — сказал Рафаэль Волтеррано, — страшный почерневший труп, чудовишно раздувшийся, источающий тошнотворный запах; губы и нос покрылись коричневой коркой, рот широко открыт, а язык, распухший от яда, достает до подбородка. В результате, никто не осмелился поцеловать его руку или ногу, как того требует обычай».

Пока капеллан обмывал тело перед похоронами, Чезаре лично наблюдал за своими слугами, выносившими все из покоев отца. Они забрали золотые и серебряные украшения, роскошные одея-

ния, ковры и люстры, даже сорвали кольца с распухших пальцев трупа.

К тому моменту, когда покои опустели, вонючая жидкость начала сочиться из всех отверстий трупа. Папским слугам пришлось зажимать носы, когда они переносили тело Александра. Боясь подхватить какую-нибудь заразу, они обвязали его ноги веревкой — ноги, которые так часто целовали принцы и красивые женщины. Раздувшееся тело не влезало в гроб, и капеллану Бушару пришлось приложить немало усилий, чтобы затолкать его внутрь. Затем он прикрыл останки старым ковром. Больше ничего в покоях папы люди Чезаре не оставили.

Духовенство не желало пропускать останки Александра в базилику. В подземной часовне разгорелась драка, но папским носильщикам удалось занести гроб внутрь. Однако не нашлось священника, который согласился бы провести мессу. Папа Юлий объявил, что молиться за проклятого является святотатством, поэтому любая служба будет осквернением церкви.

В день своих выборов Юлий II сказал:

«Я не стану жить в тех покоях, где обитал Борджиа. Он осквернил святую церковь, как никто до него. При помощи дьявола он узурпировал папский престол, и я запрещаю под страхом отлучения от церкви говорить или думать о нем. Его имя и деяния должны быть забыты навсегда. Их необходимо вычеркнуть из

всех хроник и документов. Следы его правления нужно уничтожить, картины, на которых изображены Борджиа, завесить черным крепом. Все гробницы Борджиа следует вскрыть, а тела отослать туда, откуда они пришли — в Испанию».

Покои Борджиа в Ватикане были запечатаны и вскрыты только в XIX веке. В 1610 году тело папы Александра VI изъяли из базилики, и в ожидании судного дня похоронили в испанской церкви, в Виади Монсеррато.

Однако Ваноззе Катанеи, вдове папы, все же оказали соответствующие почести. А когда она умерла в возрасте семидесяти шести лет, ее торжественно похоронили в церкви Санта Мария дель Пополо. На церемонию собрался весь папский двор, словно хоронили кардинала.

Лишившийся защиты отца, Чезаре попал в тяжелое положение. Он попытался заблокировать выборы Юлия II. Его дважды арестовывали, но ему удавалось бежать. Он нашел убежище у мужа сестры, короля Наварры. В 1507 году Чезаре храбро погиб с оружием в руках, когда попал в засаду в Испании, в Виане. Убийцы забрали доспехи Чезаре и оставили его обнаженным, положив камень на гениталии. На теле оказалось двадцать три раны. В тот момент ему исполнился всего тридцать один год.

Чезаре Борджиа похоронили в простой приходской церкви Санта Мария в Виане. Надпись на над-

гробном камне гласит: «Здесь, на этом маленьком клочке земли, лежит тот, кого боялся весь мир».

Французский солдат, который сражался рядом с ним, добавил: «Я не стану говорить о его достоинствах, о них уже сказали достаточно, но он был хорошим товарищем и смелым человеком».

Впрочем, лучшая эпитафия для Чезаре Борджиа — упоминание в книге о сифилисе под названием «*Tractatus contra Pudendarga*», написанной испанским врачом Чезаре Борджиа разрешил сделать это посвящение и не возражал, когда врач испытывал на нем новые способы лечения. Врач с благодарностью пишет: «Благодаря Вам человечество получило шанс найти лекарство от страшной болезни».

Чезаре оставил двух внебрачных детей, один из которых, Джироламо, унаследовал безжалостный характер отца. Он женился на дочери правителя Капри в 1537 году, и их дочь, Камилла Лукреция, стала монахиней. Говорят, она прожила свою жизнь как святая.

Третий брак сестры Чезаре, Лукреции, можно считать удачным. После смерти Александра и Чезаре исчезли политические преимущества этого союза, но Альфонсо не стал разводиться, хотя и содержал любовницу. Лукреция родила Альфонсо наследника, но и сама имела нескольких любовников. Одним из них был венецианский поэт Пьетро Бембо, который писал стихи, восхваляющие ее красоту и изящество.

Кроме того, Лукреция завела роман с Франческо Гонзаго, который занял место командующего церковной армией. Она особенно ценила эти отношения из-за того, что Гонзаго был женат на сестре Альфонсо, Изабелле, которую Лукреция ненавидела. В результате ситуация вышла из-под контроля, когда Гонзаго попытался захватить Феррару, чтобы забрать Лукрецию к себе — он даже приготовил для нее комнаты, — но французская армия успела вовремя, и ему пришлось отвести свои войска.

Когда Альфонсо уезжал, Лукреция исполняла обязанности регентши. Она сделала Феррару одним из центров культуры эпохи Возрождения. И в последние годы жизни обратилась к религии. Лукреция умерла во время родов, когда ей было тридцать девять лет.

Глава 15

СВЯТЫЕ ОТЦЫ

Папа Пий III (1503) не был достойным преемником Александра VI. Он с гневом отверг крупную взятку во время конклава 1492 года и протестовал перед коллегией кардиналов, когда Родриго передал существенную часть папских владений своему сыну Хуану. Впрочем, правление Пия III продолжалось всего двадцать шесть дней.

Хотя Юлий II (1503—1513) сразу отмежевался от Александра VI, он мало отличался от Борджиа. Отец семейства, обожавший пить и сквернословить, вдобавок — сумасбродный педераст. Красивый, но больной сифилисом, он имел множество любовниц, одна из которых и наградила его этой неизлечимой болезнью. Еще будучи кардиналом, Джулиано делла Ровере стал отцом трех дочерей и получил прозвище «ужасный» — а свою жуткую репутацию заработал во времена правления Борджиа.

Он соперничал с Александром в борьбе за папский престол и постоянно боялся, что его убьют,

поэтому большую часть правления Борджиа провел во Франции. Джулиано попытался убедить французского короля Карла VIII выступить против Александра — созвать коллегия кардиналов, чтобы сместить Борджиа. Но Александр оказался достаточно хитрым, чтобы воспрепятствовать этим планам, и Юлию пришлось прятаться до самой смерти Александра. После краткого пребывания на престоле Пия III, он при помощи взяток стал папой — конклав заседал всего один день. Как только Юлий стал папой, он сразу издал декрет, в котором говорилось, что всякий, кто подкупит конклав, будет лишен своей должности.

Юлий любил секс и был настоящим чревоугодником. Даже во время великого поста он ел икру, тунца, креветки и миноги из Фландрии. И просто обожал выпить. Император Максимилиан достаточно резко охарактеризовал его, заявив: «Юлий пьяница и нечестивый папа».

Говорят, религия не являлась для Юлия даже хобби. Он обладал вулканическим темпераментом и имел обыкновение бить палкой — с которой никогда не расставался — всякого, кто вызывал у него раздражение.

Он вошел в историю как папа, который заставил тридцатидвухлетнего Микеланджело отказаться от скульптуры и расписать потолок Сикстинской Капеллы. Микеланджело отличался таким же сварливым нравом, как и его патрон, и они часто обме-

нивались увесистыми оплеухами. Впрочем, у них имелось много общего. Еще в бытность Юлия кардиналом, представители высшей аристократии обвиняли его в «неестественном грехе». Микеланджело тоже был гомосексуалистом. Говорят, что Юлий истощил свои сексуальные возможности за два года лихорадочной жизни в окружении «проституток и мальчиков».

Современники называют его «большим содомитом». В трактате XVII века говорится: «Этот человек совратил двух юных джентльменов, не говоря уже о множестве других». Судя по всему, юными джентльменами были двое благородных юношей, «которых Анна, королева Франции, послала к Роберту, кардиналу Нанта, для наставлений». В чем они получили наставления, автор не упоминает, но в расписании их занятий явно не значился «этот акт».

Говорят, что Юлий II однажды соблазнил немецкого юношу. Этой его победе посвящены стихи:

*В Рим прибыл честный юноша,
Но он вернулся женщиной.*

Юлий не отличался излишней строгостью, когда речь шла об удовольствиях других людей. 2 июля 1510 года он выпустил папскую буллу, разрешавшую открыть бордель, где молодые женщины могли бы заниматься своим ремеслом. Лев X и Кли-

мент VII также не возражали против существования этого заведения, при условии, что четверть доходов и имущества куртизанок, работавших там, после их смерти переходило к монахиням монастыря святой Марии Магдалины. Именно Юлий сделал для Генриха VIII исключение и разрешил жениться на вдове его брата Артура, Екатерине Арагонской.

Однако больше всего Юлия интересовали не религия, искусство или секс, а война. Презрев канонические законы, он надевал доспехи и на боевом скакуне вел в сражение папскую армию. Когда удалось отбить у французов Мирандолу, Юлий сумел в полном вооружении перебраться через замерзший ров и войти в город сквозь брешь в крепостной стене. Заявив, что город теперь является владением Христа, он добавил: «Теперь посмотрим, у кого яйца больше — у короля Франции или папы». Итальянский язык не оставляет сомнений, что речь шла вовсе не о ядрах.

Гуманист Эразм Роттердамский написал сатирический скетч, в котором папа Юлий предстает перед воротами рая в полном боевом облачении. Однако святой Петр его не узнает. Тогда Юлий срывает с головы шлем и надевает папскую тиару. Но святой Петр по-прежнему отказывается увидеть в нем своего преемника. В отчаянии, Юлий показывает папские ключи и говорит, что они должны открывать ворота рая. Святой Петр внимательно их рассматривает и качает головой.

«Сожалею, но здесь они ни к чему не подходят».

Когда Микеланджело закончил роспись потолка Сикстинской Капеллы, он отложил в сторону кисти и снова взялся за резец, чтобы создать статую своего патрона. Увидев творение великого скульптора, Юлий II спросил:

— А что у меня в руках?

— Книга, Ваше Святейшество, — ответил Микеланджело.

— Что я знаю о книгах! — вскричал папа. — Уж лучше пусть будет меч.

Но к 1508 году Юлию II пришлось отказаться от активного образа жизни, а мастеру церемоний — запретить посетителям целовать папскую ногу, настолько далеко зашел сифилис.

После смерти Юлия кардинал Фарнезе выскочил после заседания конклава на площадь святого Петра с криком: «Ядра! Ядра!». Толпа моментально все поняла. Новым папой стал Джованни де Медичи — на гербе Медичи красовались ядра.

Джованни Медичи стал папой Львом X (1513—1521). И хотя у него было несколько незаконнорожденных детей, следующим папой — Климентом VII (1523—1534) — стал внебрачный сын его сводного брата Джулиано Медичи.

После выборов Лев сказал Джулиано, который был тогда кардиналом: «Господь дал нам папский престол. Давай насладимся им». Он так и сделал. Даже «Католическая энциклопедия» признает, что

Лев X «смотрел на свою должность как на средство получения удовольствий».

Жители Рима с некоторым удивлением обнаружили, что Лев X не привез с собой в Рим любовницу, и, несмотря на наличие незаконнорожденных детей, гетеросексуальные отношения его не слишком интересовали. Флорентийский государственный деятель Франческо Гвиччардини писал, что новый папа весьма озабочен плотскими развлечениями, «а в особенности теми, о которых не позволяют упоминать приличия».

Согласно свидетельству Джозефа Маккейба, Лев X был «грубым, непристойным, циничным и развратным человеком, склонным, вероятно, к греху гомосексуализма».

«Он предавался безделью, удовольствиям и утехам плоти, раздавая своим незаконнорожденным сыновьям герцогства и роскошные подарки и заставляя аристократов выдавать за них своих дочерей», — писал один из современников.

Он «любил мальчиков» и спиртные напитки. И одновременно являлся патроном Микеланджело и Рафаэля.

Свое детство Лев провел в аббатствах и монастырях, возможно, в этом и заключена причина того, что он предпочитал гомосексуальные отношения. В возрасте семи лет он уже был аббатом, в одиннадцать — получил под свое начало знаменитое аббатство в Монте-Кассино, а в тринадцать стал

самым юным в истории церкви кардиналом. Впрочем, Бенедикт IX занял папский престол в возрасте двенадцати лет.

Уже в качестве кардинала Лев X начал продавать индульгенции, чтобы увеличить состояние своей семьи. В те времена ему удавалось скрывать свои сексуальные пристрастия, которые стали общеизвестными только после того, как он взошел на папский престол. Его друг и биограф епископ Джовио открыто говорил: «Все знают о его позорных связях с камерариями, рожденными в благородных итальянских семьях. Он всегда нежно о них отзывался и любил пошутить по этому поводу».

Лев в течение многих лет открыто занимался содомией. Когда его избирали, он страдал хронической язвой, и его пришлось доставить на конклав на носилках.

Возведение на престол скорее походило на коронацию императора. Кардинал Фарнезе возложил папскую тиару на голову Льва X и сказал:

«Эта тиара украшена тремя коронами — знайте, теперь вы стали отцом принцев и королей, владыкой целого мира, наместником Господа нашего Иисуса Христа на земле, и да пребудет с вами вечная честь и слава».

Затем Лев, в изукрашенных самоцветами и расшитых золотом одеяниях выехал на белом турецком коне и возглавил процессию из 2500 солдат и 4000 королей, принцев и прелатов, шествовавших

мимо Форума и Колизея к Латеранскому дворцу, а толпы людей на улицах размахивали знаменами, держали на руках статуи святых и римских богов. Для коронации была воздвигнута арка с надписью: «Сначала правил Марс, за ним Палес*, но царство Венеры будет длиться вечно».

Вечером начался пир, сопровождавшийся фейерверком. Это удовольствие обошлось новому папе в 100 000 дукатов. А ночью Лев отпраздновал свою коронацию в замке Сент-Анджело вместе со своим любовником Альфонсо Петруччи из Сиены, которого сделал кардиналом.

Для своего дружка Лев придумывал самые разнообразные развлечения. Большой любитель охоты и гурман, он содержал специальный заповедник неподалеку от Рима, где охотиться разрешалось только ему самому и кардиналам — десять квадратных миль леса. Тому, кто нарушал границы заповедника, отрубали руки и ноги, дома сжигали, а детей продавали в рабство.

Лев обожал устраивать маскарады и приглашал на них своих кардиналов и их дам. Гвоздем программы были огромные блюда с пудингом, из которых появлялись обнаженные мальчики. На одном таком приеме венецианский посол насчитал шестьдесят пять различных перемен, каждая состояла из

* В римской мифологии пастушеское божество, покровитель коз и овец.

трех блюд, причем слуги сновали взад и вперед с поразительной быстротой.

«Мы едва успевали доесть один деликатес, как перед нами появлялась новая тарелка из превосходного серебра, — писал его превосходительство, — посуды в папском дворце было превеликое множество. В конце трапезы мы поднялись из-за столов с набитыми вкуснейшей едой животами, а в ушах продолжала звучать сладчайшая музыка — казалось, в зале побывали музыканты со всей Италии — пение флейт и клавесинов смешивалось с голосами великолепно-го хора».

Гостям подавали мозг обезьян, языки попугаев, свежую рыбу из Константинополя, куропаток и дичину, приготовленную с изысканными соусами и фруктами, доставленными с трех континентов. Невероятно богатый Лев приказывал выбрасывать грязные серебряные тарелки в Тибр после каждой смены блюд, чтобы сэкономить на мытье посуды.

Он быстро завоевал репутацию чрезвычайно экстравагантного человека. Среди прочего, он любил играть со своими кардиналами в карты, разрешая присутствовать при этом зрителям. Всякий раз, выигрывая, Лев швырял горсти золотых монет в публику. Чудовишные расходы на военные кампании и развлечения в конце концов привели папскую казну к банкротству.

Известно, что Лев любил подшутить над окружающими. Однажды он полил острым соусом мер-

твечину и, сделав вид, что это один из деликатесов с папского стола, принялся угощать бедных. Одного из придворных, старого священника Барабалло, гордившегося своими никудышными стихами, Лев сделал победителем поэтического конкурса. После того, как Барабалло был коронован, он проехал вокруг Капитолия на белом слоне, которого подарил папе король Португалии.

Кроме всего прочего, Лев тщательно вел учет мелким преступлениям, которые совершали другие, чтобы иметь возможность их шантажировать. Однажды поздно вечером римский аристократ Лоренцо Строщи пригласил кардинала Чибо и трех других кардиналов на вечеринку. Как только гости прибывали, их немедленно отводили в морг, где демонстрировали им черепа, обнаженные трупы, свиные головы и инструменты для пыток. Затем они попадали в пышный обеденный зал, где красивые девушки подавали изысканные кушанья. Пока они ели, их услаждали клоуны, жонглеры и музыканты. Кульминацией вечера стала самая знаменитая римская проститутка, Мадре Миа, и ее скакуны.

Доклад о вечеринке у Строщи лежал на столе у Льва X в семь часов утра на следующий день. Папа послал за Чибо и спросил у кардинала, не знает ли он, откуда произошло испанское выражение «Мадре Миа». Может быть, оно как-то связано с матерью Христа? Чибо, у которого еще не прошло похмелье, все понял.

Нередко Лев устраивал у себя во дворце спектакли, но отдавал предпочтение комедиям и непристойным раблезианским фарсам, а не серьезным драматическим пьесам. Одним из авторов неприличных пьес был кардинал Биббиена. На одном весеннем карнавале Лев сам поставил пьесу, в которой участвовало восемь отшельников и «девственница». Обнаженная женщина молится Венере, отшельники становятся ее любовниками, а потом убивают друг друга.

«Трудно сказать, что доставляло Его Святейшеству больше удовольствия — достижения образованных людей или трюки дураков», — говорил Пьетро Аретино, пользовавшийся покровительством Льва X. Пьетро Аретино прославился порнографическими сонетами, которые написал к шестнадцати рисункам, изображавшим различные сексуальные позиции. Рисунки принадлежали перу талантливому ученику Рафаэля, Джулиано Романо, который создал многие ватиканские фрески. Его работы пользовались большой популярностью в Риме того времени.

В 1516 году Аретино написал шуточное завещание для Ханно, любимого слона Льва X, по которому мощные гениталии переходили в собственность одного из самых развратных кардиналов.

В том же году, в самый разгар подобных развлечений, в Риме состоялось собрание капитула, который запретил аббатам, нарушавшим обет безбра-

чия, содержать женщин, которые якобы занимались у них домашним хозяйством. Лев X тоже сделал слабую попытку провести реформу, отменив продажу представителям духовенства лицензий на содержание любовниц. Но ничего не помогало. Художник эпохи Ренессанса, Бенвенуто Челлини, страдавший от сифилиса, с горечью отмечал, что «среди духовенства эта болезнь была весьма распространенной».

Для реализации своих новых проектов Лев X еще сильнее использовал симонию в надежде пополнить папскую казну. Например, вопреки всем советам, он решил снести базилику Целестина, простоявшую в течение двенадцати столетий, и построить на ее месте новую. Хотя в Риме было 700 зарегистрированных проституток при населении менее 50 000 человек, папские бордели приносили недостаточный доход. Поэтому Лев без малейших колебаний продавал кардинальские посты атеистам, если они могли заплатить хорошие деньги: Должность стоила от 24 000 до 70 000 дукатов.

Любовник Льва, Альфонсо Петруччи, естественно, получил кардинальскую шапочку бесплатно. Став кардиналом, Альфонсо сообразил, что теперь находится всего в одном шаге от папского престола. Петруччи подкупил флорентийского врача Батисту де Верчелли, чтобы тот ввел Льву яд во время операции геморроя. К несчастью для кардинала, тайная полиция папы пере-

хватила записку с деталями коварного плана. Под пыткой Верчелли во всем признался и был повешен, а затем четвертован.

Понимая, что его дело дрянь, Петруччи бежал. Однако Лев отправил к нему испанского посла, гарантировав фавориту безопасность, если тот немедленно вернется в Рим. Петруччи был настолько глуп, что согласился. Как только он прибыл в Рим, Лев заточил его в знаменитую тюрьму Саммарокко, которая находилась в подвалах замка Сент-Анджело. Здесь его ежедневно пытали на дыбе. Когда испанский посол напомнил, что он дал слово чести, гарантирующее безопасность Петруччи, Лев ему ответил: «Когда имеешь дело с отравителем, следует забыть о чести».

Под пыткой Петруччи признался: «Восемь раз я, кардинал Петруччи, шел в консисторию, спрятав стилет под одежду и дожидаясь удобного момента, чтобы убить Медичи».

Петруччи приговорили к смерти. Поскольку папа не мог допустить, чтобы христианин наложил руки на принца церкви, Петруччи задушил мавр. С учетом кардинальского звания Петруччи, его задушили алым шелковым шнурком.

Четверо других кардиналов, замешанных в заговоре, получили прощение только после того, как внесли значительные суммы.

Позднее Лев утешился с юным певцом Солимандо, приходившимся внуком турецкому султа-

ну Мехмеду, который взял Константинополь в 1453 году. Отцом Солимандо был султан Джем, убитый Александром VI по просьбе его брата султана Баязида.

Говорят, что сам Лев X был атеистом. Услышав рассказ кардинала Бембо о светлом послании Господа, Лев заметил, что всему миру известно, как сильно помог обогатиться «нам и нашим собратьям» миф о Христе.

Циничное отношение к папскому престолу стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Во время правления Льва X Мартин Лютер написал девяносто пять тезисов, в которых порицалась продажа индульгенций, симония и коррупция, и прибил их к дверям церкви в Виттенбурге. Позднее он восстал и против обета безбрачия для духовенства.

После смерти Льва X папский престол совсем недолго занимал голландец Адриан VI (1522–1523). Он сказал на конгрессе в Нюрнберге в 1522 году: «В течение многих лет в папском дворце творились чудовищные вещи, нарушались и извращались святыя заповеди». Однако после краткого и скучного правления Адриана в Ватикане снова стало весело.

Климент VII (1523–1534) был «ублюдком, отравителем, гомосексуалистом и разорителем церковной казны». Историк Павел Иовий добавляет к этой характеристике еще и «чудовищную страсть к воровству».

Он являлся внебрачным сыном Джулиано Медичи и его любовницы Фиоретты, и по закону не имел права на папский престол, однако его дядя, папа Лев X, поправил дело. Климент VII тоже был атеистом и победил на выборах при помощи огромных взяток — он роздал кардиналам во время конклава более 60 000 дукатов.

В качестве любовницы он выбрал чернокожую женщину. Итальянский историк Джино Каппони описывает ее как «потомка мавров или рабыню мулатку». Она была женой погонщика мулов, работавшего на тетю Климента. Любовница родила ему сына, Алессандро, который стал первым наследным герцогом Флоренции после того, как Климент отменил старую конституцию города. Флорентийцы называли его «Мавром», а в «Энциклопедии итальяно» отмечается, что цвет его кожи, губы и волосы говорят об африканских корнях. Портрет кисти Бронзино лишь подтверждает это, а Бенвенуто Челлини, работавший на Алессандро, говорит, что все прекрасно знали о том, кто является отцом Алессандро.

Климент стал новым патроном сочинителя эротических произведений Аретино, и «распутный образ жизни» папы нашел отражение в нескольких стихотворениях.

Климент так вывел из себя императора Карла V, что в мае 1527 года императорские войска вошли в город, практически не встретив никакого со-

противления, и Рим на два месяца был отдан им на разграбление. В результате пропал золотой крест императора Константина, его так и не удалось найти, как и тиару Николая I и золотую розу Мартина V. Римлян, пытавшихся спрятаться в церквях, убивали на месте. Пятьсот мужчин погибли на алтаре собора святого Петра, священные реликвии были сожжены или уничтожены. Священников раздевали догола и заставляли проводить богохульные мессы. Мужчин пытали, выкручивая гениталии, пока несчастные не выдавали, где спрятаны сокровища. Других заставляли есть собственные поджаренные яички.

Монахинь насиловали, продавали с уличных аукционов или использовали в качестве ставок в азартных играх. Родителей заставляли смотреть или даже участвовать в многократном изнасиловании их дочерей. Монастыри превращались в бордели, куда в качестве проституток помещали женщин из высших слоев общества.

«Маркизы, графини и баронессы обслуживали простых солдат, — писал Сьер де Брэнтон, — и еще долго после этого римских аристократок называли «реликвии разграбления Рима».

Клименту VII удалось отсидеться в замке Сент-Анджело, а потом сбежать в Орвието, где его догнал посол Генриха VIII. Однако он выбрал неудачное время для просьб. Английский король хотел аннулировать свой брак с Екатериной Ара-

гонской. Отказ Климента привел к образованию англиканской церкви.

Между тем в Германии у Климента возникли еще более серьезные проблемы. Мартин Лютер распознал, что такое секс. В 1525 году Лютер женился на Катерине фон Бора, одной из двенадцати монахинь, которых он похитил из монастыря в Нимбскене. Секс, заявил он, дело хорошее. Позднее Лютер писал, что брак есть дело угодное Богу.

Вскоре Лютер обнаружил, что отмена обета безбрачия оказалась весьма популярным шагом среди протестантских священников, и даже недовольное Лютером духовенство сразу сплотилось вокруг него. Вот что писал современник: «Превратить любовницу в законную жену, а ублютков в законных отпрысков — вот дар, который в мгновение ока получило протестантское духовенство. Среди прочих высших соображений, по слухам, до женитьбы на Катерине фон Бора, постель Лютера не убиралась в течение года».

Глава 16

ПАПА НИЖНЯЯ ЮБКА

Алессандро Фарнезе под именем Павла III (1534—1549) сменил на папском престоле Климента VII. Он отличался проницательностью и обладал солидным жизненным опытом, но «его мораль вполне соответствовала безнравственному веку, в котором он жил».

Один из историков пришел в отчаяние, пытаясь рассказать об «ужасном матереубийстве, чудовищном воровстве, колдовстве, предательстве, тирании, инцесте и невероятных прелюбодеяниях папы».

Но мы, тем не менее, попытаемся это сделать.

Существуют бесчисленные описания того, как он отравил собственную мать и племянницу, чтобы полностью заполучить семейное состояние. «Добавив двойной инцест к матереубийству, он стал причиной смерти одной из своих сестер, которую приревновали другие любовники». Затем

Павел «совершил инцест с дочерью Констанцией и отравил ее мужа Бозиуса Сфорца, чтобы тот ему не мешал; однако, когда он начал преследовать свою племянницу, Лауру Фарнезе, ее муж, Никола Куэрсен, поймав Павла на месте преступления, оставил на нем отметину, которую папа носил до самой смерти».

Впрочем, он не ограничивал свои интересы членами семьи.

Когда он был легатом в Анконе, еще во времена правления папы Юлия II, он уговорил молодую леди уступить его притязаниям, обещав на ней жениться — несчастная девушка искренне верила, что имеет дело не с самим легатом, а с одним из его придворных. Обнаружив обман, она едва не сошла с ума. А через некоторое время родила ему настоящее чудовище, Пьетро Алозиуса, ставшего в дальнейшем герцогом Пармы и Пласенсии.

Герцог Пармы и Пласенсии имел чрезвычайно дурную репутацию.

Пьетро был любимцем своего отца, и когда тому рассказывали об очередном деянии сына, он только улыбался и говорил, что не учил Пьетро этому.

Всем известно, какие отвратительные вещи он сотворил с телом Космо Черио, епископом Фано, но мне страшно их повторять. В конце концов, даже

домочадцы герцога уже не могли выносить его тиранию и чудовищные извращения и избавились от него в 1548 году.

Когда Пьетро убили, Павел III сделал мужа своей дочери Октавии герцогом Пармы и Пласенсии.

После того как он «отдал собственную сестру испанскому папе за кардинальскую должность», Павла обвинили в том, что он воспользовался помощью астрологов и специалистов черной магии для своего избрания на папский престол. Кроме того, ему ставили в вину атеизм, отравление двух кардиналов и польского епископа: говорят, они не сошлись во мнениях по какому-то теологическому вопросу, а также содержание «сорока пяти тысяч проституток, которые платили ему ежемесячные налоги». Следует отметить, что население Рима в то время составляло около 100 000 человек.

Павел отпраздновал свое избрание, начав чеканить новую золотую монету. Поскольку величие семьи Фарнезе основывалось на том, что сестра Павла стала любовницей Александра VI, на обратной стороне монеты был изображен обнаженный Ганимед*, поливающий лилию. Согласно мифу, Ганимед являлся любовником Юпитера.

Павел любил устраивать разнообразные вечеринки, куда всегда приглашал привлекательных жен-

* В греческой мифологии сын троянского царя Троса и нимфы Каллирои.

щин. В Ватикане регулярно проходили костюмированные балы, на которых красавицы шеголяли своими драгоценностями. По заказу папы Микеланджело написал фреску «День страшного суда» для Сикстинской Капеллы.

Однако главной задачей папы Павла III было выдвижение семьи Фарнезе. Он «пытался всеми возможными и невозможными способами обогатить своих многочисленных незаконнорожденных детей». Один из них, Пьетро Людовико — «самый отвратительный педераст из всех когда-либо живших на земле», — писал о нем итальянский историк Киприано де Валера. Два внука Павла стали кардиналами в возрасте четырнадцати и шестнадцати лет.

Павел отлучил от церкви Генриха VIII и наложил на Англию Интердикт — запретил проводить католические службы на территории всей страны. В ответ Генрих приказал своему главному советнику Томасу Кромвелю изучить жизнь в монастырях. Кромвель послал одного из своих людей, доктора Лейтона, посетить аббатство Лэнгдон в Кенте. Когда взломали двери, выяснилось, что аббат находится в постели со своей любовницей. Оказалось, женщину незаметно провели в аббатство в мужской одежде, необходимые доказательства чему Лейтон нашел в шкафу.

Всего Кромвель изучил жизнь в 144 монастырях. В отчете говорилось, что там царит настоящий Содом, монахини занимаются любовью с «распут-

ными духовниками», а монахи спят с замужними женщинами и проститутками.

Доклад Кромвеля дал Генриху повод закрыть монастыри. Одного монаха он отправил на эшафот без причастия, из-за того, что тот отказался расстаться с женой. Томас Крэнмер, архиепископ Кентерберийский, который совсем недавно тайно женился во второй раз, прекрасно понял намек и немедленно отослал жену в Германию, где ей ничто не грозило.

Пока Англия переживала Реформацию, Павел сумел удержать в руках Шотландию. Он назначил печально известного кардинала Дэвида Битона архиепископом собора святого Андрея и шотландским примасом. Битон был вдовцом с тремя законными детьми, но все прекрасно знали, что он продолжает использовать «талант, данный ему Богом». Подсчитано, что у него имелось одиннадцать незаконнорожденных сыновей и четыре дочери, которые упоминаются в официальных документах как «внебрачные дети архиепископа собора святого Андрея».

Архиепископ Хэй, оплакивающий назначение Битона, написал:

Меня часто поражает: о чем думают епископы, когда допускают таких людей прикасаться к телу Господню, ведь они даже алфавита не знают. Священники, еще не пришедшие в себя после ночного ку-

тежа, проводят мессу... Нельзя оправдать тех, кто провозглашает обет безбрачия, изобретая новые грехи, о которых мне даже не хочется упоминать.

Тем не менее, Павел III не желал слушать ничего плохого о Битоне, поскольку они были близки по духу. Впрочем, поведение Битона не было столь уж необычным для того времени. Священники специализировались на соблазнении женщин во время исповеди. Только в середине XVI века появились отдельные кабинки, но широкое распространение они получили лишь после 1614 года. До тех пор кающиеся грешники сидели рядом со священником или стояли на коленях у его ног. В темном углу церкви совсем не трудно сделать первый шаг. Даже если женщина подавала на исповедника жалобу, суд обычно выносил оправдательный приговор. В феврале 1535 года приходского священника Алмодоверу обвинили в целой серии сексуальных преступлений. В том числе посещении борделя и сексуальных домогательствах во время исповеди. Он отказывался давать молодой женщине отпущение грехов до тех пор, пока она не займется с ним сексом. В наказание с него взяли смехотворный штраф и приговорили к тридцатидневному домашнему аресту.

Совсем другое дело — ересь. Павел III жестоко преследовал протестантов. Говорят, его сын, герцог Пармы, и внук, кардинал Фарнезе пролили

столько крови в войне с лютеранами, «что в ней можно было легко утонуть».

Другой свидетель рассказывал: «После того как папа озлился против несчастных лютеран, племянники стали претворять в жизнь его жестокие идеи и не боялись публично хвастаться, что пролили столько крови, что в ней можно купать лошадей. Пока они сеяли повсюду смерть, сам папа предавался преступной страсти со своей дочерью Констанцией».

Несмотря на собственные грехи, Павел вновь ввел инквизицию — чтобы искоренить ересь в Риме. Кардинал Джованни Пьетро Карафа — будущий Павел IV (1555—1559) и дюжина других кардиналов расследовали деяния тех, кто отошел от истинной веры.

«Виновных и подозреваемых следует сажать в тюрьму с последующим вынесением окончательного приговора», — заявил Павел III. Ирония заключалась в том, что сам папа являлся первым кандидатом для суда инквизиции — любовница, внебрачные дети, двойной инцест, убийство неугодных и врагов, одаривание кардинальскими званиями своих внуков-подростков — хватило бы и одного из этих преступлений.

Карафа энергично принялся за выполнение своих обязанностей и даже написал для папы Павла III «Консилиум». В нем содержались «советы» и рассуждения о коррупции среди духовен-

ства. Скрыть документ от широкой общественности не удалось.

Среди прочего, там говорилось: «В Риме шлюхи разгуливают как замужние женщины или ездят на своих мулах, появляясь в самом центре города в сопровождении аристократов и священников из окружения кардиналов. Нигде я не видел ничего подобного».

Протестанты страшно радовались тому, что им удалось заполучить столь яркие свидетельства, подтверждающие все обвинения, выдвинутые ими против папского престола. Утечка данной информации оказалась настоящей катастрофой. В результате, когда кардинал Карафа стал папой, он сделал следующий логический шаг: добавил свой собственный «Консилиум» к «Индексу запрещенных книг».

Юлий III (1550–1555), преемник Павла III, «использовал в собственных целях невинное существо, а потом назначил его кардиналом». Так звучали обвинения против папы Юлия.

Другой историк писал: «Он обрушивался с проклятиями на лютеран, преследовал их вплоть до смертной казни, а сам пожаловал кардинальскую мантию мальчику, который ухаживал в его доме за обезьянкой и удовлетворял непристойные прихоти папы».

В действительности Юлий состоял в любовной связи со своим внебрачным сыном Бертуччино и с приемным сыном Иннокентием, пятнадцатилетним

юношей, подобранным на улицах Пальмы. Он сделал обоих кардиналами, а затем к ним присоединился еще один его фаворит, услаждавший его, когда он исполнял обязанности папского легата в Болонье. Эти назначения разозлили других кардиналов, в особенности, последнее. На Юлия посыпались вопросы — всех интересовало, что заставляет его столь щедро одаривать этого юношу? Юлий ответил: «А что заставило вас выбрать меня на пост папы? Фортуна улыбается тому, кому захочет, а у мальчика, вполне возможно, достоинств не меньше, чем у меня».

Впоследствии римляне называли мальчика-кардинала Ганимедом, а папу — Юпитером, что гораздо больше соответствовало истине, чем изображение Джулии Фарнезе в виде Ганимеда, как это сделал его предшественник. Ганимеда, мифологического царя Трои, Боги похитили за его красоту и использовали для своих утех.

От природы ленивый, Юлий посвящал все свое время удовольствиям. Он отличался щедростью, когда речь заходила о его родственниках, любил устраивать банкеты, увлекался театром и охотой. А кроме того, славился своим буйным темпераментом и сквернословием. Однажды Юлий страшно разозлился, когда ему подали остывшего жареного павлина. Когда он закончил ругаться, у него спросили, почему он так рассвирепел из-за какой-то безделицы. Юлий ответил, что если Бог осерчал из-

за одного яблока и выгнал Адама и Еву из садов Эдема, то папе можно ругаться из-за павлина.

Он раздавал кардинальские должности красивым юношам и устраивал с ними грандиозные оргии, во время которых с наслаждением наблюдал за тем, как они совокуплялись между собой. Знаменитая поэма кардинала делла Каса «Похвала содомии» посвящена именно папе Юлию III. Поэты не могли удержаться, чтобы не восславить развращенность Юлия и его правления. Юлий, третий патрон автора эротических произведений Аретино, был очень близок к тому, чтобы наградить непристойного сочинителя кардинальским титулом.

Глава 17

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА ОБРЕТАЕТ НЕВИННОСТЬ

Павел IV (1555–1559) стал герольдом, возвестившим наступление эры сексуальной умеренности пап. Под именем Иоанна Карафа он был выбран Адрианом IV (1522–1523) для борьбы с реформацией. Карафа отказался от нескольких доходных епископатов и возглавил бедный приход. Затем, став кардиналом, получил должность главного инквизитора при Павле III — в награду за идею создать новую инквизицию, на сей раз в самом Риме. Он очень подходил для такой должности. «Если бы мой отец оказался еретиком, — писал Павел, — я бы сам собрал хвост, чтобы его сжечь».

Зная, что при его предшественниках, священники, пытавшиеся соблазнить исповедующихся женщин, получали несерьезные приговоры епископского трибунала, он решил передать карательные функции в руки инквизиции, так как подобное поведение, несомненно, являлось ересью. Папа не слишком беспокоился о женщинах, которых бесовестные священники склоняли к сексу, гораздо больше его тревожило, что духовные лица будут после этого осквернять святыни.

Как только делом занялась инквизиция, потребовалось определить, что подразумевается под сексуальными домогательствами. Идет ли речь о пожимании руки или касании женской ножки? О передаче любовных писем или непристойных предложениях? Имеет ли право исповедник касаться груди женщины? Обнимать ее? К примеру, если она потеряла сознание во время исповеди, а священник воспользовался этим, чтобы ее изнасиловать — инквизиция пришла к выводу, что в такой ситуации речь не идет о сексуальных домогательствах.

Согласно архивам, в инквизицию поступало огромное количество жалоб на священников, в особенности на тех, кто занимал высокое положение. Многие прелаты считали, что они, как духовные лица, имеют дополнительные права.

Известны многочисленные примеры, когда священники заявляли, будто женщине, пришедшей на

исповедь, необходимо бичевание, и предлагали ей раздеться, чтобы высечь ее на месте. Иногда священник приходил к выводу, что он также является грешником — тогда он тоже раздевался, и они секли друг друга.

Один священник в Ипресе убедил девятерых монахинь из цистерцианского монастыря раздеться и начать бичевать друг друга, в то время как сам он направлял свой хлыст против их греховных мест. Очевидно, их маленькой компании приходилось умершвлять свою плоть снова и снова, поскольку они никак не могли удержаться от запретных услад. Сам священник так воспламенился, что занялся сексом с каждой из девяти монахинь.

Однако очень немногие из нарушителей церковной морали подвергались наказанию. Инквизиторы полагали, что для человека, лишённого секса с ранней молодости — с тех самых пор, как юноша приходит в семинарию, — сидеть в темноте и слушать, как привлекательные молодые леди в подробностях рассказывают о своих любовных похождениях, задача непосильная.

Вступив на папский престол, Павел IV занялся обычным делом — принялся раздавать выгодные должности своим родственникам, но когда он обнаружил, что они совершают те же преступления, что и другие духовные лица, отправил всех в отставку. Это быстро сделало его весьма непопулярным.

В отличие от большинства своих предшественников, Павел не отличался широтой взглядов. В то время как другие папы эпохи Возрождения всячески способствовали расцвету литературы, он возродил в 1557 году «Индекс запрещенных книг». Одним из первых в этом списке стоял классический «Декамерон» Боккаччо, который был разрешен только после того, как папские цензоры вычеркнули сомнительные места. А непристойный роман Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» запретили полностью, хотя Рабле и был монахом.

Конечно, папская цензура началась не с Павла IV. Верующим не позволялось читать «Деяния святого Павла» еще в 150 году. Сохранилась лишь часть произведения, которая называлась «Павел и Текла». Текла, видимо, была женщиной, занимавшей высокое положение в христианской Церкви, и мужчины, возглавлявшие Церковь во втором столетии, хотели изъять из истории сведения о ее успехах.

Никейский собор в 325 году запретил сатирический роман Ария «Талия» из-за того, что в нем цитировались популярные шутки насчет божественности Иисуса Христа. В 398 году двадцатипятилетний император Аркадий угрожал самыми страшными карами каждому, кто читал труды Евномия, бывшего, естественно, главным критиком церковных установлений.

В 446 году Лев I обнаружил длинный список книг, которые истинные верующие должны унич-

тожить. Испанская церковь предпочитала сжигать самих авторов. Это считалось гораздо более эффективным методом борьбы. Император Юстиниан и его жена Теодора, бывшая куртизанка, искупая прошлые грехи, приказали отсекал руку всякому, кто прикоснется к запрещенному изданию.

Как правило, запреты ранних лет были связаны с обвинением в ереси и желанием духовенства скрыть другие версии евангелических историй, многие из которых порой оказывались гораздо ближе к истине, чем официальные. Папа Дамас (364–384) и папа Геласий (492–496) также составляли списки негодных церкви книг. Однако вскоре грамотность в Европе так сильно упала, что запреты потеряли актуальность. Лишь небольшое число священников из внутренних церковных кругов умело читать, а справиться с ними не составляло никакого труда.

Около 1050 года, когда заканчивался период средневековья, в Европе снова начала расцветать интеллектуальная жизнь. В литературе нередко стали появляться сексуальные откровения и неприличные истории о жизни в мужских и женских монастырях. Церковь отреагировала традиционным способом — сжигала книги и их авторов.

С изобретением в XIV столетии печатного станка духовенству пришлось столкнуться с более серьезными проблемами. До тех пор авторы зависели от писцов, большинство из которых были людьми богобоязненными. Однако печатный станок дал

писателям возможность избавиться от жесткого контроля и заняться описанием всех аспектов человеческой жизни. Церковь же набрасывалась на всякую книгу, где появлялись малейшие намеки на «непристойность». Папы считали, что в обязанности священнослужителей входит защита паствы от вечного проклятия. Забавно, что больше всего книг запретил папа Григорий XI, чей двор в Авиньоне славился роскошью и развратными нравами.

При Клименте VII и Павле III вредными считались лишь книги, содержащие протестантскую «ересь». Собственное отношение к сексу не позволяло этим папам пойти войной против эротической литературы. Климент VII перед тем как отойти ко сну со своими мальчиками-пажами, ставил по вечерам в садах Ватикана непристойные пьесы, так что ему пришлось бы сжечь собственные творения.

Один немецкий критик указал, что если бы папы, жившие тогда, запретили «неприличную» литературу, пришлось бы изъять книгу стихов кардинала делла Каса, в которой он выступает в защиту гомосексуализма. Кардинал Бембо, друживший с папами, также прославился своими непристойными историями.

Так что Павел IV вступил в неравную борьбу с морем эротики, запрещая всякую книгу, оскорбившую его чувства.

Как правитель Рима, Павел IV попытался покончить с публичным проявлением непристойно-

сти. Кроме того, он заставил евреев жить в гетто и носить специальные головные уборы. Однако его драконовские меры не пользовались популярностью среди жителей города. Когда он умер летом 1559 года, кто-то поджег тюрьму инквизиции на Виа Рапетто. Толпа сбросила статую, изображавшую папу, а затем принялась крушить ее, превратив в кучу мусора. Евреи надели желтую шляпу на отбитую голову памятника. В конце концов, обломки сбросили в Тибр. И тогда толпа решила захватить труп Павла, однако католические власти тайно, среди ночи, похоронили папу в соборе святого Петра и поставили вокруг вооруженную охрану.

«Индекс» Павла даже его современники католики считали невежественным и глупым, а когда он умер, собралась специальная Комиссия в составе четырех архиепископов и девяти епископов, чтобы его пересмотреть. Их список опасной литературы выглядел более разумным, однако классические труды Макиавелли, Гвиччардини и Данте так и остались запрещенными.

В 1560 году на соборе в Тренте, учрежденном в 1542 году для поисков путей борьбы с реформацией, император Фердинанд попросил папу Пия IV (1559—1565) разрешить священникам жениться в надежде, что их мораль изменится к лучшему. «И хотя всякая плоть порочна, — заявил он, — продажность духовенства гораздо хуже».

Однако собор заявил, что обет безбрачия имеет огромное значение — обеспечивает лояльность духовенства и сохраняет достояние церкви. В 1563 году очередной собор снова пришел к выводу, что целомудрие лучше супружества. Безбрачие, говорилось на нем, есть «состояние совершенства», и всякий, кто с этим не согласен — еретик. Пий IV лично продолжил работу над «Индексом запрещенных книг». Кроме того, он создал Конгрегацию индекса, состоящую из семи кардиналов, в обязанности которых входило накладывать вето на новые издания, которые они считают опасными.

Преемник Пия IV, Пий V (1566–1572) имел троих детей, а его частная жизнь являлась постоянным источником сплетен. Однако он занимал при Пие IV должность Великого Инквизитора и отказался от секса. Он намеревался превратить Ватикан в монастырь и даже грозился отлучить от церкви своего повара, когда тот во время поста положил запрещенные ингредиенты в суп.

Когда Пий V взошел на папский престол, он заявил, что Рим так же аморален, как и в разгар эпохи Возрождения. Особенно его оскорбляло количество проституток, и он потребовал изгнать их из города, в особенности тех, что заработали огромные деньги, обслуживая прелатов. Римский сенат воспротивился, утверждая, что там, где существует обет безбрачия, всегда царствует распущенность. И если изгнать проституток, ни одна порядочная жен-

щина не будет чувствовать себя спокойно в присутствии священника.

Однако Пий V твердо решил очистить город. Он издал указ, по которому все проститутки должны были выйти замуж или подвергнуться порке. Тех несчастных, что погибали под кнутом, следовало хоронить в выгребных ямах. Оставшихся в живых выставляли в специальных местах, где они не могли попасться на глаза Его Святейшеству — с глаз долой, из сердца вон. Кроме того, он выпустил буллу, запрещающую внебрачным детям священников наследовать их имущество.

Затем Пий V обрушился на невоздержанность духовенства. Однако в результате пышным цветом расцвел гомосексуализм среди священников, и папа довольно быстро охладел к своей кампании.

Пий пытался уничтожить все древние монументы вокруг Рима на основании того, что их воздвигли язычники. Кроме того, он запретил римлянам посещать таверны. Богохульникам пронзали языки раскаленной кочергой, а сотни еретиков закончили свои дни на костре.

Холостяки не имели больше права принимать на работу служанками женщин, а монахиням запретили держать кобелей. Нарушение сексуальных норм наказывалось со страшной жестокостью. Гомосексуалистов сжигали. За супружескую неверность мужчин и женщин подвергали публичной порке. Лишь в самый последний момент удалось

убедить папу не считать адюльтер достойным смертной казни. Разве он не знает истории, поинтересовался один из кардиналов.

Хотя Пий V часто был слишком занят, чтобы исполнять другие свои обязанности, он никогда не пропускал проходивших по вторникам встреч со Святой палатой* и постоянно вносил предложения о новых законах, касающихся проступков, за которые полагается смерть.

Пий страстно ненавидел женщин. Когда Елизавета I взойшла на английский трон, он немедленно отлучил ее от церкви. И назвал служанкой греха, обвинив в безбожии по семнадцати аспектам. Елизавете ничего не оставалось, как вновь обратиться в протестантство.

Представители высшего духовенства пытались убедить Пия решить вопрос с отменой обета безбрачия для духовенства. Но вместо этого он обратил свое раздражение на евреев. Им стало еще хуже, чем при Пие IV. Евреев заставили жить в гетто, носить специальные знаки, сместили с почетных должностей и запретили заниматься рядом профессий.

Во время правления преемника Пия V, Григория XIII (1572—1585), все вернулось на круги своя. Он открыто содержал любовницу в Риме до того, как стал папой, и имел много внебрачных детей как до, так и после начала своего правления. Говорили, что «миру явлено столько доказательств муж-

* Официальное название инквизиции.

ских достоинств папы, что нет никакой необходимости подвергать его испытанию на кресле» — речь шла о кресле с отверстием в сиденьи.

После избрания он стал вести себя более скромно, но вместе с ним поселилось так много детей, что «они отвлекали его от дел своей болтовней». Любимцем Григория был старший сын Филлип Буонкомпаньи, которому он положил содержание 6000 крон в год. С типичной для папы широтой, другого своего сына, Джованни, Григорий сделал кардиналом.

Святая Бригитта сказала Григорию: «Духовенство ныне не слуги Господа, а сводники дьявола». Однако он не обратил внимания на ее слова. Современные авторы писали о священниках, проводивших дни в тавернах, а ночи в объятиях любовниц. Все члены папской курии, нисколько этим не смущаясь, содержали любовниц.

Григорий отменил запрет своего предшественника на проституцию, и огромное количество женщин легкого поведения устремилось в Рим, поскольку там жило множество священников, принявших обет безбрачия. При Григории одна из самых известных куртизанок, любимица всего города, заработала 150 000 фунтов. Монастыри снова превратились в бордели; respectable женщинам приходилось брать с собой на исповедь кинжалы, чтобы защищаться от домогательств исповедников; лучшие римские хоры пели такие непристойные

песни, что кардиналы даже обсуждали вопрос об отмене всякого пения в церкви.

Козимо Медичи, первый монарх из рода Медичи, восхищался «Декамероном», шедевром Боккаччо, и попросил папу Григория вычеркнуть его из «Индекса запрещенных книг». Григорий, по природе своей либерал, обратился к папскому цензору Виченцо Борджини, чтобы тот посмотрел, что можно сделать. Борджини имел репутацию настоящего виртуоза, когда речь шла о компромиссах. Книга была абсолютно непристойной, но он прекрасно понимал, что она написана гением. Поэтому он прошелся по всему произведению и заменил нарушающих правила священников мирянами. В такой форме «Декамерон» и увидел свет во второй раз, причем с предисловием, содержащим папскую буллу, и двумя *Imprimatur** — от верховного суда инквизиции и главного инквизитора Флоренции. Свои рекомендации также добавили короли Франции и Испании.

Преемник Григория XIII, Сикст V (1585—1590), знал, как следует решать подобные вопросы. Он был францисканским монахом и яростно бичевал ересь и пороки. Сикст казнил тысячи людей, в том числе монахов и их любовниц, которые, после того как проститутки изгнали из Рима, предлагали священникам собственных дочерей.

Согрешившие монахини, естественно, могли избавиться от своих фантазий регулярным самобичеванием.

* Печатать разрешается (лат.).

Впрочем, со своей семьей Сикст был совсем не так строг. За время правления Сикста, его сестра, крестьянка, стала одной из самых богатых женщин Рима.

Сиксту V пришлось столкнуться с потоком непристойной литературы, выходящей в Европе. Он разбил конгрегацию цензоров на пятнадцать комитетов, что привело к невероятной путанице. Испанская конгрегация, например, запретила несколько католических молитвенников, потому что в них имелись иллюстрации мученичества святой Урсулы и девственниц. Она и ее пышные спутницы были изображены совершенно обнаженными в окружении языческих воинов, проявлявших к ним известный интерес.

После того как «Индекс» увидел свет, всякий напечатавший запрещенную книгу клеймился раскаленным железом на эшафоте, палач вырывал ему один глаз или отрубал руку. Продавца просто казнили. Тех же, кто не передавал запрещенные издания в руки инквизиции, сжигали или отрубали им голову. Между тем сами инквизиторы, церковные цензоры и папа, естественно, имели право читать вредные книги.

При Сиксте имя писателя Франсуа Рабле — с его удивительными и непристойными историями, в которых речь шла о порке, сексуальных сношениях в уборной и преимуществах совместного обучения в мужских и женских монастырях — не попало

в «Индекс» благодаря дружбе автора с папой. Однако книги, посвященные шалостям римских пап, надолго стали запрещенными.

Урбан VII (1590) казался человеком более терпимым. Однако в день своего избрания он заболел малярией и умер, так и не успев занять папский престол. Он оставил 30 000 скудо из своего личного состояния на обеспечение приданого для бедных римских девушек.

Во времена правления Павла V (1602—1621) представители духовенства продолжали иметь любовниц. Архиепископ Зальцбурга заявил, что священники имеют полное право содержать своих любовниц и детей, если они поселят их за пределами шестимильной зоны за городом.

Следует отдать должное преемнику Павла V, Григорию XV (1621—1623), остававшемуся верным своей первой любовнице, которую он соблазнил еще будучи кардиналом.

А дьявол, тем временем, трудился не покладая рук. Церкви и в XVII веке не удалось искоренить катарскую ересь. В 1633 году французского священника Урбана Грандье, прославившегося своими любовными похождениями и лишившего невинности многих девушек, обвинили том, что он сбивал с пути истинного монахинь местного монастыря. Они устраивали в своей церкви оргии в честь персидского бога Асмодея. Во время обыска в его доме был найден договор с дьяволом, написанный спра-

ва налево на латыни и скрепленный кровью самого Грандые.

Примерно в то же время произошла вспышка сатанизма в монастыре Сент-Луи де Лувр в Париже. Отец Давид, духовник монастыря, убедил монахинь участвовать в церковных обрядах обнаженными. Они принимали причастие голыми по пояс, а потом прямо в часовне занимались друг с другом лесбийской любовью. Когда отец Давид умер, его место занял отец Матьюрин Пикар. Он ввел черную мессу, во время которой монахини совершали половые акты с дьяволом — точнее, со священником, переодетым в животное и читавшим выдержки из «книги богохульств». Облатки надевались на пенис священника, когда он входил в монахиню. Однажды в монастыре распяли новорожденного, а с двумя мужчинами, ставшими свидетелями этого чудовищного акта, расправились, когда они попытались уйти. Если монахиня рожала ребенка, его убивали, варили и съедали. Вне всякого сомнения, здесь инквизиции было чем заняться.

При Иннокентии X (1644—1655), избранном на папский престол в 1644 г. в возрасте семидесяти двух лет, «на Ватикан вновь стали влиять дурные и безрассудные женщины». Этой безрассудной женщиной была жена брата папы, донна Олимпия Мейделчини, известная своими «непомерными амбициями и жадностью».

Ходили слухи, что их отношения были не просто родственными. Иннокентий, несомненно, не отказывался от секса. Перед избранием на папский престол венецианский посол заявил, что Иннокентий почти все свое время посвящает «рыцарским забавам и утехам любви».

«Папа дал Казимиру, королю Польши, разрешение на брак, — сказал Киприано де Валера, — в чем нет ничего удивительного, если он действительно вступал в интимные отношения с женой брата, пользующейся дурной славой донной Олимпией».

Если она и не была любовницей Иннокентия, то вела себя так, словно не раз побывала в его постели. Он не принимал ни одного серьезного решения, не посоветовавшись с Олимпией, а ее сын, Камилло Памфили, получил кардинальскую должность. Она принимала посетителей от имени папы, подписывала папские декреты и не являлась его первой леди лишь формально. Олимпия продавала должности и определяла политику продвижение вверх наиболее «достойных». Период правления папы Иннокентия называли «понтификатом донны Олимпии».

Иннокентий и Олимпия совершенно не пытались скрыть своих отношений, в результате во Флоренции была отчеканена медаль, на одной стороне которой была изображена донна Олимпия в папском облачении, а на другой — сидящий за прялкой Иннокентий X в женском чепце.

Когда кардинал Пенсикрилло, секретарь Иннокентия, привлек его внимание к назревающему скандалу, папа заявил, что Олимпия незаменима.

Однако Иннокентий X прославился своим невероятным ханжеством. Он возмущался всякий раз, когда ему на глаза попадались произведения искусства, где изображалась обнаженная натура, и выступал за то, чтобы на статуи в Риме надели фиговые листки и металлические туники. А кроме того, заставил Пьетро да Кортонна одеть обнаженную фигуру ребенка Иисуса на картине художника Гвирсино.

В течение нескольких последних недель жизни Иннокентия Донна Олимпия не покидала его ни на минуту. Он умер в 1655 году, в возрасте восьмидесяти лет, положив голову ей на грудь.

Преемник Иннокентия, папа Александр VII (1655—1667), был интеллектуалом и поэтом. Он страшно гордился тем, что сумел обратить из протестантской в католическую веру шведскую королеву Кристину после ее отречения от престола в июне 1654 года. Она поселилась в Риме в Палаццо Фарнезе, превратив дворец в центр прогрессивной мысли, хотя Александру и его казне это удовольствие стоило дорого — только на содержание Кристины уходило 12 000 крон в год. На стенах она развесила картины весьма неприличного содержания, а со всех статуй во дворце приказала снять фиговые листки.

Необычная женщина, носившая мужскую одежду, шокировала посещавших ее важных персон, знакомя их со своей подругой Эббой Спарре, которую представляла как «свою любовницу» и уверяла всех, что разум Эббы так же прекрасен, как и ее тело. Во время торжественных приемов, когда ее посещали кардиналы, она облачалась в весьма откровенные платья. Папа Александр называл ее «женщиной, родившейся варваром, воспитанной среди варваров и мыслящей, как варвар».

Преемник Александра, Климент IX (1667—1669), также хорошо относился к Кристине и часто ее навещал. Он даже пригласил ее на обед, а в те времена разделить трапезу с женщиной для папы считалось неслыханным нарушением приличий. А кроме того, он назначил ей щедрое содержание.

Однако Климент IX был реалистом. «Альфонсо, король Португалии, был свергнут с престола, а его брак расторгнут на основании обвинения в импотенции, — писал Киприано де Валера. — Климент IX дал разрешение его брату жениться на королеве. Чтобы объяснить свой неожиданный шаг, Климент заявил, что брак уже консуммирован, и королева ждет ребенка».

Под покровительством Климента IX и королевы Кристины на римской сцене вновь появились женщины, изгнанные ранее папскими эдиктами. Впрочем, период либерализации продолжался недолго. Иннокентий XII (1691—1700) отправил «неких леди»

в тюрьму за игру в карты и потребовал, чтобы содержание проповедей стало более «достойным и скромным». И снова приказал надеть фиговые листки на статуи. Грудь мадонны на картине Гвидо Рени закрасили. Общественные театры закрыли. Женщинам запретили выступать на сцене — их заменили кастраты. На карнавалы наложили строгие ограничения. Римляне называли Иннокентия XII «папа нет». Королева Кристина вышла из фавора.

В 1703 году Климент XI (1700—1721) оказался на пороге грандиозного скандала. Землетрясение уничтожило огромное количество домов, Тибр вышел из берегов, начались эпидемии. Климент, человек жалостливый, стараясь помочь, разрешил вдовам и девицам селиться в домах прелатов, но там, по слухам, бездомным женщинам предлагались не только кров и пища. Их пришлось отправить в другие дома, где они содержались на средства папы. Это и другие несчастья, которые обрушились на Рим во время правления Климента XI, привели к тому, что он постоянно плакал.

Бенедикт XIII (1724—1730) вызвал настоящий скандал в церкви, оставив все имущество своему порочному фавориту кардиналу Коския. Когда Бенедикт умер, в Риме раздался клич: «А теперь пойдём и сожжём Коския». В результате Климент XII (1730—1740) посадил Коския на десять лет в тюрьму и взял с него штраф в размере 100 000 дукатов.

Бенедикт XIV (1740—1758) был известен в Европе как любитель раблезианских историй. Еще в бытность

кардиналом Ламбертини, в 1739 году, он встретился с французским государственным деятелем, который написал в письме другу, что будущий папа рассказал ему «несколько хороших историй о женщинах» и что ему страшно понравились анекдоты о похождениях кардинала Дюбо и нравах французского двора.

Самым нетерпимым из всех пап оказался Климент XIII (1758—1769), приказавший прикрыть обнаженные интимные места на картинах и статуях, не забыв и про Сикстинскую Капеллу.

Пию VI (1775—1799) предложили звание каноника собора святого Петра, когда ему исполнилось тридцать шесть лет, но он отказался, потому что собирался жениться. Позднее, однако, посоветовавшись с невестой, согласился. А она стала монахиней.

Пий оказался чрезвычайно тщеславным человеком. «Он уделял большое внимание внешности, а особенно белоснежным волосам, — писал его биограф Людвиг фон Пастор. — Кое-кто даже заходил настолько далеко, что утверждал, будто он специально поднимает повыше края мантии, чтобы продемонстрировать всем свои изящные ноги. Подобные черты характера говорят о жажде славы. К тому же его слабости всячески критиковали склонные к иронии римляне».

Наполеон лишил Пия VI папского престола и отправил в ссылку в Валенсию. Запись о его смерти звучит весьма кратко:

«Имя: гражданин Иоанн Браши. Профессия: римский папа».

Глава 18

ПРОСТО СКАЖИ «НЕТ»

Похоже, что к началу XIX века папы стали вести себя несколько иначе. Изменилось общественное мнение, появились газеты и скандальные бульварные листки, так что им пришлось соблюдать приличия. Кроме того, в век республиканских свобод папы потеряли значительную часть своей власти.

Папа Пий VII (1800—1823) благословил брак бывшего епископа Талейрана и его многолетней любовницы. Государственный секретарь, Эрколе Консальви, убедил папу в том, что это будет разумным шагом. А Наполеон лично приказал Талейрану жениться, чтобы придать его правительству респектабельность. Да и сам Консальви был мирянином. Он признался Талейрану, что при своей любви к удовольствиям просто не мог стать священником.

Позднее Пию VII пришлось дать Наполеону развод с Жозефиной. В то же время он проклинал библейские установления, называя их «чудовищным изобретением, которое уничтожило основы религии».

Прошло шестнадцать дней после смерти Пия VII, и пятьдесят кардиналов собрали конклав, чтобы назвать его приемника. Через двадцать шесть дней интриг, споров и взяток кардинал Аннибал делла Генга стал папой, взяв себе имя Лев XII (1823—1829). Ему исполнилось всего шестьдесят девять лет, что являлось отклонением от правил, поскольку обычно папой избирали самого старшего кардинала, стоящего ближе других к могиле — давая тем самым дополнительные шансы остальным. Однако делла Генга отличался слабым здоровьем — «следствие разгульного образа жизни». И в самом деле, Лев XII был хорошо известен, как «раскаившийся распутник». Однако у него достало сил, чтобы объявить вне закона продажу вина в Риме и запретить женщинам носить платья, подол которых не закрывал лодыжек.

Новый папа родился в провинции Фабриано. Он стал священником по требованию отца, графа Иларио делла Генга, но явно для этого поприща не годился. Поговаривали, что он достиг высокого положения в церкви благодаря «интригам с римскими куртизанками и услугам, которые он оказывал отпрыскам виновного в кровосмешении Пия VI».

Во время правления Пия VII будущего Льва XII отправили на конгресс в Ратисбоне, где он представлял интересы папского престола. Впоследствии он стал послом при дворе Наполеона, где прославился своими изощренными комплиментами. А когда Людовик XVIII сменил потерпевшего поражение Наполеона, его направили с поздравлениями, и он вновь «обманул весь двор невиданной лестью». Говорят, что, вернувшись в Рим, «Генга использовал свое влияние на Пия VII, чтобы обеспечить возвращение дыбы и других варварских обычаев средних веков».

Став папой, он восстановил орден иезуитов — которые имели дурную репутацию из-за того, что бичевали и соблазняли монахинь — и вновь ввел инквизицию. Лев XII даже пригласил испанского короля Фердинанда VII принять участие в аутодафе и сжечь еретиков на столбе, гарантировав полное прощение грехов всем, кто будет помогать в проведении варварского спектакля. Кстати, он первым начал использовать большие жестяные фиговые листки, чтобы накрывать интимные места у классических статуй.

В 1840 году распространились слухи относительно Григория XVI (1831—1846) и огромного состояния его камерария, Гаэтанино, который раньше служил у него цирюльником. Говорили, что Его Святейшество проявлял большой интерес к жене Гаэтанино и его семерым детям.

Также ходили слухи, что Григорий в припадке ревности отослал кардинала в качестве папского легата в Равенну, и что появление в семье камерария красивой молодой горничной, которая привлекла внимание папы, сопровождалось грандиозными скандалами.

Григорий XVI был большим любителем чтения, поклонником французских романов Поля де Кока. Кроме того, он жил как эпикурец. Обожал вино из Орвието и шампанское. Совершенно точно известно, что он запретил евреям в Анконе и Синегалии покидать гетто и нанимать христианских служанок, да и вообще христианам нельзя было ночевать в гетто, а евреям — за его границами.

Он поставил перед инквизицией необычную задачу. Ей вменялось в обязанность выслеживать всех, кто заключил договор с сатаной, чтобы лишить потомства домашних животных. Преступников следовало пожизненно заключать в тюрьму.

Пий IX (1846—1878), обнаружив, что моделью для обнаженной фигуры Правосудия на памятнике Павлу III в соборе святого Петра послужила Джулия Фарнезе, сестра Павла III и любовница папы Александра IV, приказал надеть на нее металлическое платье, которое затем покрасили так, чтобы оно выглядело как мрамор, из которого сделан весь монумент.

Впрочем, когда во время республиканского восстания Пия на два года изгнали из Рима, он нашел

убежище у сына неаполитанского разбойника, кардинала Антонелли, знаменитого своими любовными похождениями и ставшего затем его ближайшим советником.

Пий активно выступал против евангелических сект и свободы печати. Во время его правления в тюрьмах сидело более 8000 политических заключенных. Тем не менее, он стал первым «непогрешимым» папой — попросту объявив себя таковым.

Пий XI (1922—1939) по-новому определил понятие христианского брака и снова повел кампанию против противозачаточных средств. Католическая Церковь, говорил он, должна «среди царящего вокруг разложения твердо стоять на страже морали, чтобы сохранить от осквернения чистоту брачного союза». Пий XI был явно наделен чувством юмора.

В 1932 году он приказал немецким католикам восславить Гитлера и шокировал весь мир, поддержав вторжение Муссолини в Абиссинию.

Его преемник, Пий XII (1939—1958) с легкостью проклинал сексуальную мораль других людей, но хранил труднообъяснимое молчание относительно геноцида во время второй мировой войны. Его много критиковали за то, что он ничего не попытался сделать для евреев. В свою защиту Пий XII говорил, что его осуждение лишь ухудшило бы ситуацию. Несомненно, он мог бы хоть что-нибудь сделать, так как был единственным человеком, которого боялся Гитлер, поскольку многие немецкие

солдаты исповедовали католицизм. Однако Пий XII ограничился осуждением искусственного осеменения в любой форме и четко сформулировал, что разрешено показывать в фильмах и в другой аудио- и видеопродукции, а что — нет.

Папа поддерживал близкие отношения с сестрой Паскуалиной, немецкой монахиней из ордена францисканцев, которая служила у него экономкой в Берлине, где он стал свидетелем прихода к власти фашистов. В 1919 году, когда немецкие коммунисты объявили о создании недолго просуществовавшей Баварской Социалистической Республики, которая должна была стать частью будущей Советской Германии, Пий XII занимал пост папского нунция в Мюнхене. Его резиденцию на Вайнерштрассе обстреляли из пулеметов, а когда он позвонил в штаб коммунистов, ему ответили: «Немедленно уезжайте из Мюнхена, иначе вы погибнете».

Когда в 1929 году его отозвали обратно в Рим, чтобы сделать кардиналом, сестра Паскуалина последовала за ним и работала у него горничной до самой его смерти.

В 1895 году, четырнадцати лет от роду, будущий папа Иоанн XXIII (1958—1963) написал: «Постоянно... я должен стараться не иметь дела, не играть и не шутить с женщинами — вне зависимости от их возраста и моих отношений с ними». Два года спустя он понял, что независимо от его

желаний, ему все же придется встречаться с женщинами. Тогда он записал: «Со всеми женщинами, даже родственницами или святыми, я буду разговаривать, сохраняя уважительную дистанцию и избегая любой фамильярности, в особенности с молодыми. Я не буду смотреть им в лицо, поскольку дух святой учит: «Не смотри на девственницу, иначе ты навлечешь на нее неприятности». Его тезка, Бальтазар Косса, наверное, перевернулся в своем гробу.

Преемник Иоанна XXIII, Павел VI (1963–1978) вновь выступил против контрацепции и воспротивился новым попыткам разрешить священникам брак, доказывая необходимость безбрачия для духовенства. Однако он несколько смягчил свою позицию в вопросе о смешанных браках.

Павел VI расширил толкование понятия «контроль за беременностью», вызвав грандиозные дебаты по вопросам контрацепции. Пий XII уже несколько изменил ситуацию, сняв запрет на занятия сексом в «безопасный» период. До тех пор осуждались даже элементарные виды «безопасного секса», такие, как совместная мастурбация. Разрешение использования так называемого ритмического метода предохранения от беременности — Ватиканской рулетки — похоронило постулат, гласящий, что секс необходим только для продолжения рода. Тем самым было признано, что сексом можно наслаждаться, как выражением любви, или

просто получать от него удовольствие — смертный грех в глазах пап прошлого.

Либералы из папской комиссии говорили, что если можно предохраняться от беременности таким способом, почему нельзя использовать презервативы? Или что плохого в противозачаточных таблетках? Если ритмический способ разрешен, то чем хуже любые другие? Все миряне, входящие в комиссию, и четыре пятых священников придерживались таких же взглядов. Однако Павел VI заявил, что подобные вопросы находятся вне компетенции комиссии. Более того, высказался в газете «Карьере делла сера», что считает неуместным дискутировать по данному вопросу. Он будет решать его один. И никогда не санкционирует применение контрацептивных средств.

«Женщина есть отражение красоты, той, что выше нее, это знак доброты, которая представляется Нам бесконечной, — сказал он. — Для Нас женщина есть видение девственной чистоты... Она, как Нам кажется, естественным образом устремляется к вечному образу, безупречному и страдающему, высшей, благословенной женщине, которая достойна стать девственной матерью Христа, Марией... Вот уровень, на котором Мы видим Женщину».

Однако когда вставал вопрос о разрешении контрацептивных средств, политические мотивы имели определяющее значение. В течение многих веков папы осуждали подобные методы, и разрешить их

теперь значило «оправдать преступления, за которые тысячи и тысячи людей были осуждены на вечное проклятье, и признать, что они пострадали зря».

В «*Humanae Vitae*», опубликованном в 1968 году, Павел VI выступает против использования контрацептивных методов — «перед, во время, или после сексуального акта» — считая такое поведение греховным. При этом молчаливо предполагается, что ритмическим методом пользоваться можно. Опасность контрацепции, указывает папа Павел VI, состоит в том, что этот метод унижает женщин в глазах мужчин, превращая «в инструмент удовлетворения их желаний».

Иоанн Павел I (1978), казалось, был с ним совершенно согласен, но он умер в своей постели через месяц после того, как взшел на папский престол. Поползли слухи о преднамеренном убийстве, поскольку вскрытия не производилось. Возможно, с ним расправились из-за того, что он намеревался пересмотреть ряд положений «*Humanae Vitae*».

Нынешний папа Иоанн Павел II (1978—) в юности был писателем, автором любовной лирики, а также пьесы «Ювелирный магазин», тема которой — супружеская любовь. Может быть, он знал, о чем говорит, поскольку двадцатилетним студентом влюбился в одну девушку. Однако его «влюбленность» закончилась после смерти отца и двух несчастных случаев — он выжил лишь чу-

дом. Во время войны будущий папа Иоанн пропал без вести на целых три года, ходили слухи, что он успел за это время жениться и овдоветь. Сам же папа Иоанн Павел II утверждает, будто тайно готовился принять сан священника.

Иоанн Павел II ни разу не нарушал законов «*Humanae Vitae*», и даже поделился собственными мыслями о человеческой сексуальности в «Любви и ответственности», опубликованной в 1981 году.

Он являлся членом папской комиссии Павла VI по вопросам контрацепции, однако таинственным образом не присутствовал, когда проводилось голосование по поводу «*Humanae Vitae*». Впрочем, 12 ноября 1978 года, через три недели после вступления на папский престол, он перепечатал статью, написанную им раньше для «Оссерваторе романо», которая называлась «Истина энциклики «*Humanae Vitae*». В ней говорилось: «Всякий сексуальный акт должен быть открыт для передачи жизни».

Не вызывает сомнений, что Иоанн Павел II хороший человек — большая удача для христианства — из чего следует, что его жизнь совсем не так красочна, как у некоторых его знаменитых предшественников.

Хронологический список

пап и антипап

Имена антипап выделены курсивом. Имена Пап, упоминаемых в тексте, помечены значком (*). Порядковые номера антипап ставятся в скобках, если они совпадают с титулами официальных пап.

*64 Апостол Петр

66—78 Лин

79—91 Анаклет

91—101 Климент I

100—109 Эварист

109—116 Александр I

116—125 Сикст I

125—136 Телесфор

138—142 Игин

142—155 Пий I

155—166 Аникет

*166—174 Сотир

174—189 Элевтерий

189—198 Виктор I

198/9—217 Зефирин

*217—222 Каликст I

*217—235 *Инполит*

222—230 Урбан I

- 230—235 Понциан
235—236 Антер
236—250 Фабиан
251—253 Корнелий
251—258 *Новациан*
253—254 Луций I
254—257 Стефан I
257—258 Сикст II
259—268 Дионисий
269—274 Феликс I
275—283 Евтихий
283—296 Гай
296—?304 Марцеллин
306—308 Марцелл I
310 Евсевий
311—314 Мильтиад
*314—335 Сильвестр I
336 Марк
337—352 Юлий I
*352—366 Либерий
*355—365 *Феликс II*
*366—367 *Урсин*
366—384 Дамас I
*384—399 Сириций
*399—401 Анастасий I
*401—417 Иннокентий I
417—418 Зосима
418—419 *Евлалий*
*418—422 Бонифаций I

- 422—432 Целестин
*432—440 Сикст III
*440—461 Лев I
461—468 Иларий
468—483 Симплиций
*483—492 Феликс III
*492—496 Геласий I
*496—498 Анастасий II
*498—514 Симмах
*498/9; 501—506 *Лаврентий*
*514—523 Гормизд
523—526 Иоанн I
526—530 Феликс IV
*530—532 Бонифаций II
530 *Диоскор*
533—535 Иоанн II
*535—536 Агапит I
*536—537 Сильверий
*537—555 Вигилий
*556—561 Пелагий I
*561—574 Иоанн III
*575—579 Бенедикт I
*579—590 Пелагий II
*590—604 Григорий I
604—606 Сабиниан
607 Бонифаций III
608—615 Бонифаций IV
615—618 Деодат
619—625 Бонифаций V

- 625—638 Гонорий I
640—642 Иоанн IV
640 Северин
642—649 Теодор I
649—653 Мартин I
654—657 Евгений I
657—672 Виталиан
672—676 Адеодат II
676—678 Домн
678—681 Агафон
682—683 Лев II
684—685 Бенедикт II
685—686 Иоанн V
686—687 Конон
*687—701 Сергей I
687 *Пасхалий*
687 *Теодор*
701—705 Иоанн VI
705—707 Иоанн VII
708—715 Константин
708 Сизиний
715—731 Григорий II
*731—741 Григорий III
*741—752 Захарий
752 Стефан
752—757 Стефан II
757—767 Павел I
767—768 *Константин*
768—772 Стефан III

- 768 *Филлип*
772—795 Адриан I
*795—816 Лев III
816—817 Стефан IV
817—824 Пасхалий I
824—827 Евгений II
827—844 Григорий IV
827 Валентин
844—845 Адриан III
844—847 Сергей II
844 *Иоанн*
*847—855 Лев IV
*855—858 Бенедикт III
*858—867 Николай I
*867—872 Адриан II
872—882 Иоанн VIII
*882—884 Марин I
*884—885 Адриан III
*885—891 Стефан V
891—896 Формоз
*896—897 Стефан VI
*896 Бонифаций VI
*897 Роман
*897 Теодор II
898—900 Иоанн IX
*900—903 Бенедикт IV
*903—904 *Христофор*
*903—904 Лев V
*904—911 Сергей III

- *911—913 Анастасий III
- *913—914 Ландон
- *914—928 Иоанн X
- 928—931 Стефан VII
- 928 Лев VI
- 931—936 Иоанн XI
- 936—939 Лев VII
- 939—942 Стефан VIII
- *942—946 Марин II
- 946—955 Агапит II
- 955—958 Бенедикт III
- *955—964 Иоанн XII
- *963—965 Лев VIII
- *964 Бенедикт V
- *965—972 Иоанн XIII
- *973—974 Бенедикт VI
- *974—983 Бенедикт VII
- *974; 984—985 *Бонифаций VII*
- *983—984 Иоанн XIV
- *985—996 Иоанн XV
- *996—999 Григорий V
- 998—1001 *Иоанн XVI*
- *999—1003 Сильвестр II
- 1003 Иоанн XVII
- *1003—1009 Иоанн XVIII
- 1009—1012 Сергей IV
- *1012—1024 Бенедикт VIII
- 1012 *Григорий (VI)*
- *1024—1032 Иоанн XIX

- *1032—1044; 1045; 1047—1048 Бенедикт IX
- *1045—1046 Григорий VI
- *1045 Сильвестр III
- *1046—1047 Климент II
- *1048 Дамас II
- *1049—1054 Лев IX
- *1055—1057 Виктор II
- *1057—1058 Стефан IX (X)
- 1058—1059 *Бенедикт X*
- *1058—1061 Ноколай II
- 1061—1064 *Гонорий (II)*
- *1061—1073 Александр II
- *1073—1085 Григорий VII
- *1080; 1084—1100 *Климент III*
- *1086—1087 Виктор III
- *1088—1099 Урбан II
- *1099—1118 Пасхалий II
- 1100—1101 *Теодорих*
- 1101 *Альберт*
- 1105—1111 *Сильвестр IV*
- 1118—1119 Геласий II
- 1118—1121 *Григорий (VIII)*
- *1119—1124 Каллист II
- *1124—1130 Гонорий II
- 1124 *Целестин II*
- *1130—1138 *Анаклет II*
- 1130—1143 Иннокентий II
- 1138 *Виктор IV*
- *1143—1144 Целестин II

- 1144—1145 Луций II
1145—1153 Евгений III
1150—1155 Юлий III
1153—1154 Анастасий IV
*1154—1159 Адриан IV
1159—1164 *Виктор (IV)*
*1159—1181 Александр III
1164—1168 *Пасхалий III*
1168—1178 *Каллист III*
1179—1180 *Иннокентий (III)*
1181—1185 Луций III
1185—1187 Урбан III
1187—1191 Климент III
*1187 Григорий VIII
*1191—1198 Целестин III
*1198—1216 Иннокентий III
1216—1227 Гонорий III
*1227—1241 Григорий IX
*1241 Целестин IV
*1243—1254 Иннокентий IV
*1254—1261 Александр IV
*1261—1264 Урбан IV
*1265—1268 Климент IV
*1271—1276 Григорий X
*1276—1277 Иоанн XXI
1276 Адриан V
*1276 Иннокентий V
*1277—1280 Николай III
*1281—1285 Мартин IV

- 1285—1287 Гонорий IV
*1288—1292 Николай IV
*1294—1303 Бонифаций VIII
1294 Целестин V
1303—1304 Бенедикт XI
*1305—1314 Климент V
*1316—1334 Иоанн XXII
*1328—1333 *Николай V*
*1334—1342 Бенедикт XII
*1342—1352 Климент VI
1352—1362 Иннокентий VI
*1362—1370 Урбан V
*1370—1378 Григорий XI
*1378—1389 Урбан VI
*1378—1394 *Климент VII*
*1389—1404 Бонифаций IX
*1394—1417 *Бенедикт XIII*
*1404—1406 Иннокентий VII
*1406—1415 Григорий XII
*1406—1410 *Александр V*
*1410—1415 *Иоанн (XXIII)*
*1417—1431 Мартин V
1423—1429 *Климент VIII*
1425—? *Бенедикт XIV*
*1431—1447 Евгений IV
*1439—1449 *Феликс V*
*1447—1455 Николай V
*1455—1458 Каллист III
*1458—1464 Пий II

- *1464—1471 Павел II
- *1471—1484 Сикст IV
- *1484—1492 Иннокентий VIII
- *1492—1503 Александр VI
- *1503 Пий III
- *1503—1513 Юлий II
- *1513—1521 Лев X
- *1522—1523 Адриан VI
- *1523—1534 Климент VII
- *1534—1549 Павел III
- *1550—1555 Юлий III
- *1555—1559 Павел IV
- 1555 Марцелл II
- *1559—1565 Пий IV
- *1566—1572 Пий V
- *1572—1585 Григорий XIII
- *1585—1590 Сикст V
- 1590—1591 Григорий XIV
- *1590 Урбан VII
- 1591 Иннокентий IX
- 1592—1605 Климент VIII
- *1605—1621 Павел V
- 1605 Лев XI
- *1621—1623 Григорий XV
- 1623—1644 Урбан VIII
- *1644—1655 Иннокентий X
- *1655—1667 Александр VII
- *1667—1669 Климент IX
- *1670—1676 Климент X

- 1676—1689 Иннокентий XI
1689—1691 Александр VIII
*1691—1700 Иннокентий XII
*1700—1721 Климент XI
1721—1724 Иннокентий XIII
*1724—1730 Бенедикт XIII
*1730—1740 Климент XII
*1740—1758 Бенедикт XIV
*1758—1769 Климент XIII
1769—1774 Климент XIV
*1775—1799 Пий VI
*1800—1823 Пий VII
*1823—1829 Лев XII
1829—1830 Пий VIII
*1831—1846 Григорий XVI
*1846—1878 Пий IX
1878—1903 Лев XIII
1903—1914 Пий X
1914—1922 Бенедикт XV
*1922—1939 Пий XI
*1939—1958 Пий XII
*1958—1963 Иоанн XXIII
*1963—1978 Павел VI
*1978 Иоанн Павел I
*1978—Иоанн Павел II

Научно-популярное издание

Слухи, сплетни, скандалы

Которн Найджел
ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ
РИМСКИХ ПАП

Редактор *Г.Ф. Малышева*
Технический редактор *Е.Д. Захарова*
Корректор *Т.Н. Акулова*
OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа
Подписано в печать 27.04.99.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 19,32.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 3386.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО "Фирма "Издательство АСТ"
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, РИ, Назрань, ул. Московская, 13 а.

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: AST PUB@ANA .RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ

У вас в руках собрание самых скандальных историй из жизни «сильных мира сего», возглавляющих католическую церковь.

Как удалось женщине обмануть коллегия кардиналов и взойти на папский престол?

Какие льготы получали римские епископы после уплаты ежегодного «налога на секс»?

Правда ли, что одна и та же женщина была любовницей одного папы, матерью другого и бабушкой третьего?

Чем антипапа отличается от папы?

Загляните в интимный мир римских пап, епископов и кардиналов и убедитесь, что им были свойственны те же слабости, что и всем людям.

РИМСКИХ

ПАП

21776

Интимная жизнь римских пап Котори

18

06.07.99